

ISSN 2409-868X

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

GENESIS

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-12-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук,
svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-12-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Kodan Sergei Vladimirovich, doktor yuridicheskikh nauk, svk2005@yandex.ru

ISSN: 2409-868X

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Главный редактор — Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Абдулин Роберт Семёнович - кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Курганского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, судья Курганского областного суда в отставке.

Акишин Михаил Олегович - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского научного исследовательского университет.

Батурин Юрий Михайлович - доктор юридических наук, профессор МГУ им. М.И. Ломоносова, чл.-корр. РАН, директор Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТ РАН), 109012, РФ, Москва, Старопанский переулок, д. 1/5, ИИЕТ РАН

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Биюшкина Надежда Иосифовна - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Дитрих Айше Памир - доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средневосточного технического университета, г. Анкара, Турция.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ефремова Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории. государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Жаров Сергей Николаевич - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Института права Челябинского государственного университета.

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры

«Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул.

Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Зуев Андрей Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, АНО ВО «Институт современного искусства», проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, 121309, Центральный федеральный округ, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27А, kaminskayae@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, руководитель Научно-образовательного центра проблем изучения теории и истории государства и права Уральского государственного юридического университета. E-mail: svk2005@yandex.ru

Козлихин Игорь Юрьевич - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Красняков Николай Иванович - доктор юридических наук, доцент, заместитель директора (по учебной работе) Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Курбанов, Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Лаптева Людмила Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права Российской академии наук.

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, 620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, оф. 482

Манин Вячеслав Анатольевич - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права Сургутского государственного университета.

Мациевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, Краснодарский государственный институт культуры. Кафедра истории, культурологии и музееведения, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 40-Летия победы, 33, каб. 132

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetananarutto@yandex.ru

Нематов Акмал Рауфджонович - доктор юридических наук, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан.

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Новицкая Татьяна Евгеньевна - доктор юридических наук, профессор, Лауреат Государственной премии Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редин Дмитрий Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН,

профессор кафедры УДПОП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенеvская набережная, 18-20-22, строение 3.

Серов Дмитрий Олегович - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru

Смыкалин Александр Сергеевич - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета.

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Сыченко Елена Вячеславовна - PhD (университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Туманова Анастасия Сергеевна - доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики".

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Алпатов Сергей Викторович – доктор филологических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент, 105318, Россия, г. Москва, ул. Вельяминовская, 6, кв. 125, alpserg@gmail.com

Бадмаева Екатерина Николаевна – доктор исторических наук, ФГБОУ ВО "Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова", директор Международного научно-исследовательского центра "Ойраты и калмыки на евразийском пространстве", 358000, Россия, республика Калмыкия, г. Элиста, ул. KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, KALMYKIA, ELISTA, Chkalova ST, 7?, en-badmaeva@yandex.ru

Блейх Надежда Оскаровна – доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, , д. 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Борисова Нина Александровна – доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение "Центральный музей связи имени А.С.Попова", Заместитель директора по науке и технике, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича, доцент, 197373, Россия, г. Санкт-Петербург, Комендантский, 32-3, кв. 172, borisova@rustelecom-museum.ru

Бурнашева Наталия Ивановна – доктор исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Север Сибирского отделения РАН, ведущий научный сотрудник, 677013, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Ойунского, 41, кв. 117, n_burnasheva@mail.ru

Величкова Лэдмила Владимировна – доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, зав. кафедрой немецкой филологии, 394036, Россия, Воронежская обл область, г. Воронеж, ул. Фр. Энгельса, 7, кв. 28, luvel1@rambler.ru

Володина Людмила Мильтоновна – доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Гарскова Ирина Марковна – доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, исторический факультет, доцент кафедры исторической информатики, 119607, Россия, Москва, г. Москва, ул. улица раменки, 31, кв. 253, irina.garskova@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov Nikolay@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна – доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009,

Россия, г. Н.Новгород, ул. Вологодина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва , главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации , профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) , профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Каминская Елена Альбертовна - доктор культурологии, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Институт современного искусства", проректор, 121309, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новозаводская, 27а, kaminskayae@mail.ru

Карпов Игорь Петрович - доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», профессор, 434003, Россия, Республика Марий Эл область, г. Йошкар-Ола, ул. Ленинский проспект, 45, оф. 9, kip52@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности , 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Луговской Александр Михайлович - доктор географических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК), профессор кафедры географии факультета картографии и геоинформатики , 1090548, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Шоссейная, 13, оф. 49, alug1961@yandex.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Нижник Надежда Степановна - доктор юридических наук, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Начальник кафедры

теории государства и права, 191025, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Владимирский проспект, 3, кв. 20, n.nishnik@bk.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, кв. 457, Infotatiana-p@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Соков Илья Анатольевич - доктор исторических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, ул. маршала Василевского, 2, кв. 4р

Соловьев Константин Анатольевич - доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор, 141402, Россия, Московская область, г. Химки, ул. Чапаева, 9, оф. 72, ksoloviov@spa.msu.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Тропин Николай Александрович - доктор исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, старший научный сотрудник, 399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, tropin2003@list.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской

педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Editor-in-Chief -Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Abduln Robert Semenovich - Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of Kurgan State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Kurgan Regional Court.

Akishin Mikhail Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, leading researcher at the Laboratory of Humanitarian Studies of Novosibirsk Scientific Research University.

Baturin Yuri Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences (IIET RAS), 109012, RF, Moscow, Staropansky Lane, 1/5, IIET RAS

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Byushkina Nadezhda Iosifovna - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenska str., 10.

Dietrich Ayshe Pamir - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Middle Eastern Technical University, Ankara, Turkey.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Efremova Nadezhda Nikolaevna - Candidate of Law, Professor, leading researcher of the history sector. State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Zharov Sergey Nikolaevich - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Chelyabinsk State University.

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Andrey Sergeevich Zuev - Doctor of Historical Sciences, Professor, First Deputy Director of the Siberian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Kaminskaya Elena Albertovna – Doctor of Cultural Studies, ANO VO "Institute of Contemporary Art", Vice-rector for Educational and Methodological work, Professor of the Department of Directing theatrical performances and holidays, 121309, Central Federal District, Moscow, Novozavodskaya str., 27A, kaminskayae@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Kodan Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, Head of the Scientific and Educational Center for the Study of Theory and History of State and Law of the Ural State Law University. E-mail: svk2005@yandex.ru

Kozlikhin Igor Yuryevich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of St. Petersburg State University.

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Krasniakov Nikolay Ivanovich - Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director (for Academic Affairs) Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk National Research State University.

Kurbanov, Rashad Afatovich - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Lyudmila Lapteva - Doctor of Law, Professor, Leading researcher of the Sector of the History

of State, Law and Political Doctrines of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Lyudmila N. Mazur – Doctor of Historical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, 620000, Russia, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Turgenev str., 4, office 482

Vyacheslav Anatolyevich Manin - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Surgut State University.

Matsievsky Herman Olegovich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture. Department of History, Cultural Studies and Museology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 40-Letiya pobedy, 33, office 132

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetananarutto@yandex.ru

Akmal Raufjonovich Nematov - Doctor of Law, Head of the Department of Theoretical Problems of Modern State and Law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan.

Nizhnik Nadezhda Stepanovna - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Novitskaya Tatiana Evgenievna - Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006
Peshkova1@yandex.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Dmitry A. Redin - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Scientific Affairs of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10 Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmMos@rambler.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24,
lp38rosh@gmail.com

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Serov Dmitry Olegovich - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management.

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru

Smykalin Alexander Sergeevich - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University.

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Sychenko Elena Vyacheslavovna - PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Tumanova Anastasia Sergeevna - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University "Higher School of Economics".

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатом можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

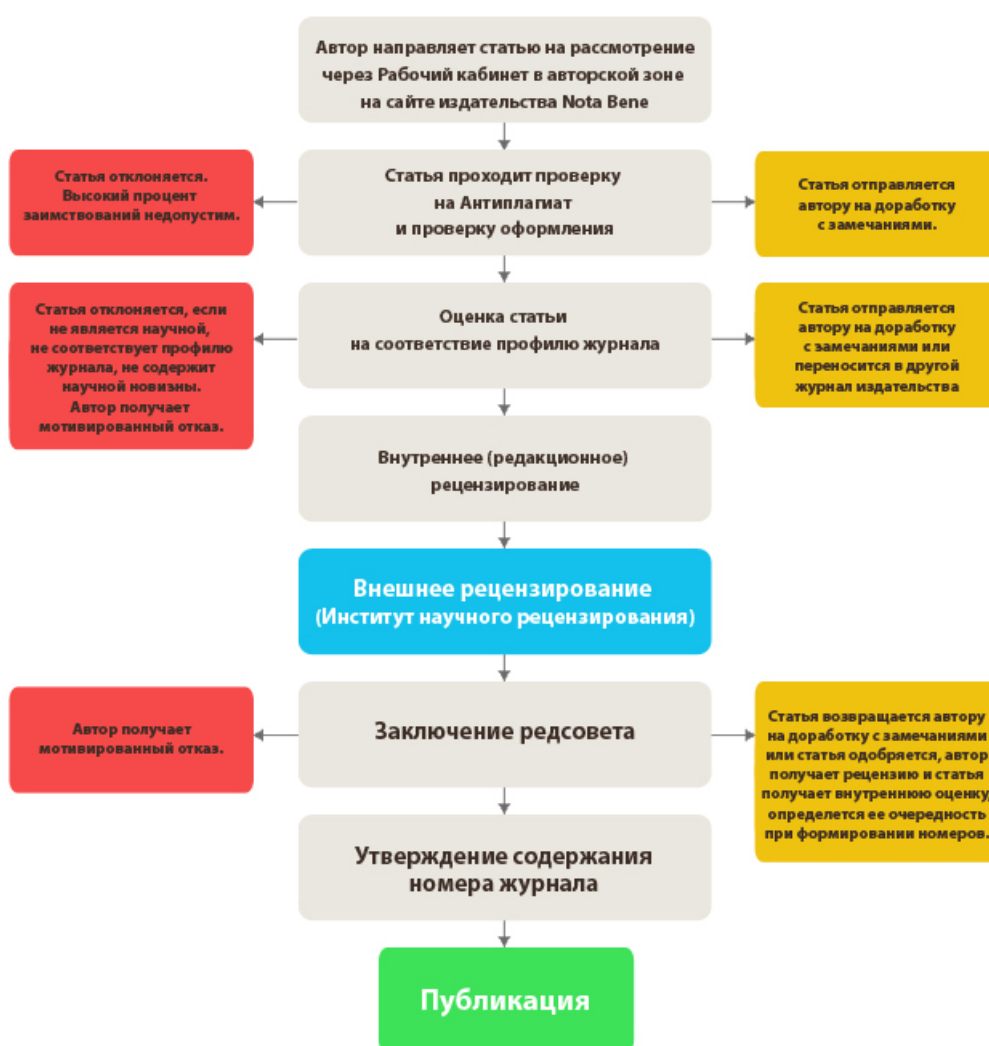
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Иликаев А.С. Проблема достоверности и божественного статуса образа небесных дев в марийской мифологии	1
Тропин Н.А. Елецкий городничий Егор Александрович Холодович и изучение древностей в провинции в середине XIX века	12
Нурисламов Р.Р. Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и приход нацистов к власти: случай одной «самоунификации»?	21
Королева Л.А. Работа с партийными кадрами во второй половине 1980-х гг. (по материалам Пензенской области)	38
Ленчук В.Ю. К вопросу о социальной базе сицилийского государства Секста Помпея: Зарождение киликийского пиратства и первые столкновения с Римом	46
Абрамов А.А. «Он знает, как иметь дело с этими людьми...» Бывший кардинал Теодор Маккаррик и спецслужбы США	56
Баимов А.Г. Эзотерический туризм на археологических объектах: почему Савин не стал Аркаимом?	66
Беляков Н.А., Куцева Е.А. Политическая основа дендизма в романе Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена»	79
Гринько А.А. Дальневосточные кладбища как объект изучения	91
Гирченко Е.А. Культура Баодунь в контексте появления рисосеяния в Сычуаньской котловине	103
Англоязычные метаданные	114

Contents

Ilikaev A. The problem of the authenticity and divine status of the image of heavenly virgins in Mari mythology	1
Tropin N.A. Yeletsky gorodnichy Egor Alexandrovich Kholodovich and the study of antiquities in the province in the middle of the XIX century	12
Nurislamov R.R. The Enlightenment Committee of Hamburg-Bremen and the Nazi Seizure of Power: the Case of "Self-Coordination"?	21
Koroleva L. Work with party personnel in the second half of the 1980s (based on the materials of the Penza region)	38
Lenchuk V.Y. On the social base of Sextus Pompey's Sicilian state: The origins of Cilician piracy and its first encounters with Rome	46
Abramov A.A. "He knows how to deal with these people..." Former Cardinal Theodore McCarrick and U.S. intelligence agencies	56
Baimov A.G. Esoteric tourism at archaeological sites: why didn't Savin become Arkaim?	66
Belyakov N.A., Kutseva E.A. The Political Basis of Dandyism in Edward Bulwer-Lytton's novel «Pelham, or The Adventures of a Gentleman»	79
Grinko A.A. Far Eastern cemeteries as an object of study	91
Girchenko E.A. Baodun Culture in the Context of the Emergence of Rice Cultivation in the Sichuan Basin	103
Metadata in english	114

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иликаев А.С. Проблема достоверности и божественного статуса образа небесных дев в марийской мифологии

// Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.72216 EDN: DXYTHY

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72216

Проблема достоверности и божественного статуса образа небесных дев в марийской мифологии

Иликаев Александр Сергеевич

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ jumo@bk.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.72216

EDN:

DXYTHY

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Дата публикации:

07-11-2024

Аннотация: Предметом данной статьи является вопрос о достоверности, а также божественном статусе небесных дев в марийской мифологии. Образы небесных дев (например, Юмындур – Дочери Неба/Бога) в марийской мифологии являются архетипическими. Кроме того, образы небесных дев встречаются в мифологии финнов, карел, коми и мордвы. Так, коми известная дочь солнца Зарань, мордве – Касторго и Вецорго, дочери богини Анге-Патяй. Среди небесных дев кроме Юмындур у мари можно отметить Пиамбар, Йымын Ыдыр, Йукталче, Пампалче и др. Тем не менее некоторые исследователи сомневаются в аутентичности образа Юмындур в виду того, что он является якобы единственным, собственно мифологическим образом в марийской мифологии. Однако у мари сохранился настоящий миф о Пиамбар – дочери Куго Юмо.

Кроме того образы небесных дев присутствуют во множестве марийских сказок, песен, заклинаний. Методологической основой исследования послужил сравнительно-исторический метод. Он позволил систематизировать имеющиеся в этнографической литературе сведения об образе небесных дев в марийской и других родственных финно-угорских мифологиях. Также были использованы полевые материалы автора. Научная новизна статьи заключается в том, что нами было показано, что Юмындур и схожие с ней персонажи в марийской мифологии выступают архаическими божествами, которые сохранили связь с водной средой, культом предков, а также свои магически-охранительные функции. В качестве локального божества богиня Пиамбар до сих пор почитается некоторыми группами мари. Таким образом, божественный статус небесных дев в марийской мифологии сложен и противоречив. С одной стороны, образы небесных дев являются распространенными и популярными в фольклоре, заклинательной магии, с другой, достаточно скромно представлены в обрядах, молениях. Однако, на наш взгляд, это не позволяет утверждать, что небесные девы в марийской мифологии стали лишь «сниженным» вариантом прежних богинь. Скорее, речь идет о сложной эволюции образов от матрицентристских божеств до фольклорных, сказочных и локальных персонажей.

Ключевые слова:

небесная дева, богиня, архетип, матрицентризм, мари, финны, карелы, мордва, удмурты, тотемические верования

Образы небесных дев в марийской мифологии являются архетипичными (чаще даже конкретно отдельный персонаж Юмындур – Дочь Неба/Бога, по мнению А. Ю. Калиева, являющийся ключевым в картине мира) [\[12, с. 85\]](#). Ученый считал, что фигура Юмындур во многом аналогична калевальской «жене Ильмаринена», дочери Лоухи [\[12, с. 98\]](#). Кроме того, образы небесных дев встречаются в мифологии финнов, карел, коми и мордвы.

Но если у коми можно отметить только один яркий образ небесной девы Зарань – дочь Шонди, солнца, то у мордвы пантеон небесных дев куда богаче. Прежде всего, это дочери верховного бога Нишке и богини Анге-Патяй – сестры (близнецы?) Кастарго и Вецорго. Кроме того, небесной девой может выступать и сама богиня Анге-Патяй. К числу «небесных юниц» (по точному выражению Ю. А. Калиева) могут быть отнесены также жены Пургине-Паза – земные девушки: Литова, Васальга, Сыржа, Даная [\[21, с. 310-315\]](#). Марийской мифологии известны подобные героини, фигурирующие, например, в мифе «Пиамбар», сказках «Дочь неба», «Дочь лебеди Йукталче», «Дочь богини солнца», «Сереброголовый Пази», «Среброзубая Пампалче», «Сорок один жеребенок», мифе «Откуда месяц май получил свое название», легенде «О происхождении названий дней недели»: Пиамбар/Пиамбар [\[17, с. 62-63\]](#), Йымын Ыдыр [\[17, с. 76-78\]](#), Йукталче [\[14, с. 82-85; 13, с. 189-190\]](#), Кечави удыр [\[15, с. 179-187\]](#), Актави(й) [\[14, с. 6-10\]](#), Пампалче [\[13, с. 148-154\]](#), безымянная невеста небесного юноши Улема [\[13, с. 155-158\]](#), Мая [\[7, с. 13-15\]](#), Сулыкай/Пиамбар [\[5, с. 220-221\]](#). Причем К. А. Четкарёв, в свое время отмечая архаизм и оригинальность подобных текстов [\[13, с. 159-160\]](#), замечал, что, например, сюжет сказки «Сорок один жеребенок» совершенно своеобразен и не имеет аналогов у других народов Урало-Поволжья [\[13, с. 189\]](#). Особенно важно указание исследователей, что образ девы-

лебеди Йукталче восходит к тем временам, когда уже начался переход к отцовскому роду, но еще были живы тотемистические верования [\[24, с. 477\]](#). При этом характерно, что К. А. Четкарёв отмечает, что сказка была записана еще до революции, донося до нашего времени древнейшие мифологические представления, впоследствии позабытые в народе [\[13, с. 190\]](#).

Представляет несомненный интерес упоминание в заговорах следующих теонимов: Куго Юмын суксын удыржо (Дочь Куго Юмо), Пурышо Юмын суксын удыржо (Дочь Бога-предопределятеля) и Кудырчо суксын удыржо (Дочь бога грома). Согласно тексту архаического заклинания «Комбо аралыме Ю» («Магическая гусиная защита»), вышеперечисленные небесные девы помогают серой, белой и черной гусыням высиживать яйца в облаках [\[12, с. 213-214\]](#). В других заговорах речь может идти также о проявлениях могущества небесных дев, с которыми невозможно справиться злым духам. Например, Дочь Куго Юмо сеет чудесным образом восходящий ячмень, а Дочь Бога-предопределятеля и Дочь бога грома соответственно полбу и пшено [\[12, с. 136\]](#). Еще в одном заговоре Юмынудыр вьет семьдесят семь крепких веревок, а Дочь бога-предопределятеля поет семьдесят семь песен [\[12, с. 214-215\]](#).

Образ Юмынудыр некоторые исследователи считают вообще единственным собственно мифологическим образом в марийской мифологии. Например, С. Б. Филатов, не отрицая сохранения у мари молений древним богам, пишет, что «мифология сохранилась очень плохо» [\[9, с. 22\]](#). По мнению данного автора, якобы основным источником для реконструкции рассказов о марийских богах служит произведение русского писателя Е. Чирикова (1864 – 1932) [\[9, с. 22\]](#). Однако К. И. Ситников справедливо указал, что собственно легенда о божьей дочери, не считая публикаций других авторов, восходит к напечатанному в статье С. А. Нурминского (1862) пересказу марийского этногенетического предания [\[9, с. 27\]](#). Тем не менее, как сказано в примечании к данному сюжету, опубликованному в своде марийского фольклора, марийского источника записи до сих пор обнаружить не удалось. Наиболее полный текст сохранился только в русской передаче, точнее в составе рассказа Е. Чирикова [\[17, с. 78, 269\]](#).

Характерно, что схожий скепсис в отношении мордовской богини Анге-Патяй существовал и существует поныне. В настоящее время одни исследователи полагают, что никакой Анге-Патяй, а значит и ее дочерей Кастарго и Вецорго, у мордвы никогда не было (например, Н. Ф. Мокшин). Эти образы якобы стали плодом фантазии писателя П. И. Мельникова и объяснялись его стремлением уподобить мордовский пантеон древнегреческому [\[18, с. 44\]](#). Другие ученые, например И. Маскаев, приводят доводы, подтверждающие подлинность сведений об Анге-Патяй [\[2, с. 10-11\]](#).

На наш взгляд, вероятнее всего, когда-то у мари существовал целый ряд мифов о небесных девах, подобных мифам о Пиамбар, Йымын Ыдыр, Йукталче, Кечави удыр и т.д., но впоследствии незаписанных (или еще не обнаруженных в архивах этнографических экспедиций) и забытых. Хотя по текстам заговоров мифы реконструировать достаточно проблематично, тем не менее сами по себе они достаточно наглядно рисуют образы упоминаемых в них Юмынудыр и других небесных дев.

В первую очередь собственно мифом является текст о Пиамбар дочери Юмо, которая, вопреки воле отца, выходит замуж за Курык Кугу Е□а, земное божество. Впоследствии Пиамбар, изгнанная с неба вместе со стадом домашних животных, и ее супруг становятся почитаемыми марийцами кереметами, а Пиамбар к тому же покровительницей

женщин [17, с. 62-63].

Примечательно, что лишь у Е. Чирикова, в самой поздней записи (начало XX века) легенда о божьей дочери наиболее развернута, кроме того только в ней присутствует мотив низвержения Керемета [12, с. 148]. Однако, на наш взгляд, даже в этом случае неправильно было бы говорить о том, что версия Е. Чирикова является литературной вариацией марийского мифа, тем более мистификацией. Во-первых, есть вариант мифа в пересказе П. В. Знаменского, где говорится то том, что от брака небесной дочери и земного юноши пошли дети, давшие начало марийскому народу, а также сведения С. К. Кузнецова, сообщающие некоторые подробности о семье Юмо на небе [12, с. 148]. Во-вторых, имеется схожая чувашская легенда о гибели Керемета [8, с. 3-4]. В-третьих, как уже указывалось выше, у марийцев сохранились близкое по смыслу предание о Пиамбар и Курык Кугу Е[□]е (Кугыраке) [17, с. 62-63; 5, с. 116]. В-четвертых, уже во второй половине прошлого века исследователями были записаны марийские сказки о небесных девах, которые выходят замуж за земных жителей, а потом последних поднимают с собой на небо (или оставляют на земле, убегая от них). Например, сказка о Йымын Ыдыр. При этом сюжеты некоторых сказок о сыновьях неба (йымын эрге), аналогичные мордовским мифам о земных невестах Пургине-Паза, могли включать мотив мытья небесного юноши в бане, кражи девушкой его одежды [17, с. 90-92].

Тем не менее Юмынудыр, а также Пиамбар, как дочери верховного бога Куго-Юмо, среди всех отмеченных «небесных юниц» обладают наиболее высоким статусом, сближаясь по своим описаниям и значимостью с мордовской богиней Анге-Патяй [12, с. 85-146]. В опубликованных текстах мифов у Юмынудыр и Пиамбар, как правило, не указывается никаких сестер [12, с. 148-149], хотя из сказок можно заключить, что первая из них – старшая сестра, живущая на небе [13, с. 148-154]. Так, в одной из марийских сказок вместо традиционной героини Ши Пуан Пампалче (Среброзубой Пампалче) и ее небесной сестры упоминаются «Сереброголовой Пази» (запись А. Генеца) и его, живущий на высокой горе, брат Актавий. Возможно, что последнее имя (женское!) восходит к древнетюркскому языку и обозначает понятия «белая», «чистая», «невинная»; «правдивая»; «рукодельница»; «желток яйца» [26, с. 52]. Кроме того, известна первоженщина из саамских мифов Акка «женщина»; «старуха», а также Ань, жена Омоля [21, с. 159].

При этом необходимо сразу отметить такую особенность Юмынудыр, а также близких ей образов, что они не имеют отдельного культа. Правда, Пиамбар может почитаться как керемет, но только вместе со своим мужем Курык Кугу Е[□]ом и на локальном уровне, у некоторых групп марийцев, почитающих Кугырака в качестве верховного божества вместо Куго-Юмо. По мысли А. Ю. Калиева, это произошло из-за того, что Юмынудыр, с одной стороны, как чрезвычайно архаический образ, а с другой, развившийся в фольклорный и сказочный, была вытеснена более актуальными для скотоводов и земледельцев куклами верховных богов во главе с Ош Поро Куго Юмо. То есть Юмынудыр перестала быть самостоятельным персонажем и превратилась в персонаж лишь присутствующий в текстах заговоров как одна из дочерей, пусть и высшего в языческом пантеоне божества [12, с. 136].

Для уяснения вышесказанного достаточно обратиться к такому авторитетному изданию, которое современными марийскими картами (жрецами) используется чуть ли не в качестве своеобразной Библии – «Юмын Йула» (Божественная вера). Книга была

подготовлена ученым Н. С. Поповым и верховным картом А. И. Таныгиным. В работе перечисляются и подробно расписываются только разные юмо, ава, пурышо, суксо, а также кугураки, курык-ены (в том числе, как низшие божества, имеющие свои локальные культы) [\[23, с. 270\]](#).

Таким образом, вопрос о божественном статусе небесных дев в марийской и других финно-угорских мифологиях неразрывно связан с вопросом их происхождения и наиболее характерных черт. Однако поскольку данный круг проблем является сам по себе достаточно сложным, требующим отдельного рассмотрения, остановимся лишь на некоторых его ключевых аспектах.

Ю. А. Калиев справедливо указывает, что образ различного рода дев природных стихий, аналогичных марийской Юмынудыр, распространены у прибалтийско-финских народов, мордвы. Ученый даже высказывает догадку, хотя и оговаривается, что она требует специальных изысканий, о том, что возникновение данных мифологических персонажей восходит к контактам представителей балановской и волосовской археологических культур [\[12, с. 86\]](#). Считается, что волосовская неолитическая общность была связана с предками финно-угров, основными занятиями которых были охота и рыболовство [\[12, с. 82-83\]](#).

Если смотреть на проблему с этой точки зрения, то становится очевидным глубокий архаизм образов небесных дев, хозяек стихий в мифах финнов, карел, коми и мордвы [\[10, с. 472-482\]](#). Достаточно убедительным представляется предположение Ю. А. Калиева о том, что марийская Шочын-Ава во многом напоминает образ Ильматар. Кроме того, ученый сравнивает последнюю с Вуд-Авой, «матерью воды», указывая, что Ильматар изначально была богиней небесного пространства и только потом спустилась на лоно вод и стала олицетворением уже совсем другой стихии [\[12, с. 197, 199\]](#). В текстах марийских мифов, где фигурирует Шочын-Ава (или ее аналог Юмын-Ава), речь действительно идет о праматерях и водной поверхности. Так, в полдень, искупавшись в реке, Шочын-Ава вместе с Ту□-Юмо порождает первые человеческие пары [\[25, с. 26-27\]](#). В записи М. И. Иванова Юмын-Ава прилетает из звездного скопления Плеяды (Утиног гнезда, Звездного озера) в образе утки и сносит яйца на поверхность первобытного океана [\[10, с. 147-148\]](#). Также возможно, что образ богини Кавы не восходит к исламскому понятию кааба и близок к прибалтийско-финскому теониму Каве, одному из имен Ильматар [\[10, с. 168\]](#). Схожие представления, по всей видимости, лежат в основе образа удмуртской богини Инву-Мумы, матери «небесной воды» [\[6, с. 107; 21, с. 237\]](#). Дождевая, то есть небесная вода, почиталась у мари идеалом чистоты [\[12, с. 116\]](#).

Ю. А. Калиев, сравнивая образы Юмынудыр, Пампалче, справедливо отмечает значимость такой черты небесных дев в марийской мифологии как связь со стихией воды. Юмынудыр самолично спускается с неба за ключевой водой. Пампалче обещана в жены водяному владыке [\[12, с. 117, 126-127\]](#). Недаром Млечный путь часто назывался не только Дорогой диких гусей, но и Небесной рекой [\[12, с. 116\]](#). Таким образом, сама первоначальная ипостась Юмынудыр как хозяйки зверей и птиц была тесно связана не только с образом Звездного озера (Плеяды), но и с образом Небесной реки, служившей дорогой и водопоем для небесных стад.

Впрочем, Ю. А. Калиев, на наш взгляд, несколько увлекается более поздним образом Юмынудыр как образцовой хозяйки, в том числе водоноски и пивоварки. Это заставляет

его пройти мимо архаического образа Небесной реки и посчитать, вслед за Б. А. Рыбаковым, небесные воды характерной мифологемой земледельческо-скотоводческого общества [\[12, с. 151\]](#). Более того, Ю. А. Калиев, анализируя вышеупомянутый текст заговора с участием Юмынудыр, а также дочерью Бога-предопределятеля и Бога грома, приходит к выводу о том, что поскольку Юмынудыр в этом тексте занята «не своим женским трудом» (имеется в виду выращивание ячменя), то это лишь неудачная попытка вписать древний образ в новый миф о небесном земледельце Юмо [\[12, с. 136-137\]](#). Тут прежде всего не совсем понятно, почему выращивание ячменя должно быть «не женским трудом», тогда как, скорее всего, именно женское мотыжное земледелие предшествовало более прогрессивным способам производства злаков. Также не очень убедительной представляется мысль о том, что это могло объясняться стремлением любой ценой инкорпорировать образ Юмынудыр в «контекст языческого пантеона, создать образ небесной семьи, где верхние боги должны были бы иметь своих дочерей» [\[12, с. 137\]](#).

По нашему мнению, данные рассуждения отчасти повторяют тезис, в свое время высказанный Н. Маториным, а потом повторенный Р. Г. Ахметьяновым о том, что в религиозных представлениях народов Урало-Поволжья «семейственность божеств», когда божества создают целые семейные круги, как в наиболее развитых и проработанных мифологических системах, ясно не обнаруживается [\[18, с. 43-44; 3, с. 11\]](#). Тот же Н. Маторин считал, что, например, ни единобожие, ни троичность неприменимы к поволжским религиям, где множество богов вовсе не образует единой семьи под управлением верховного бога. Напротив... вокруг каждого более или менее значительного явления природы возникают отдельные семьи божеств» [\[18, с. 44\]](#). Однако есть все основания считать, что подобная оценка не вполне соответствует действительности, по крайней мере в отношении пантеона мордвы в варианте записанном П. И. Мельниковым. Неслучайно М. Маторин считает важным подчеркнуть якобы недостоверный характер сведений П. И. Мельникова, пытающихся представить мордовский пантеон подобием древнегреческого [\[18, с. 44\]](#). Другое дело, что в замечании исследователя содержится, на наш взгляд, определенное рациональное зерно. Оно заключается в том, что образы тех же небесных дев в марийской мифологии, прежде всего образ Юмынудыр, не являлись привычными образами верховных небесных богинь и имели самое прямое отношение к культу предков (мертвых). В то же время было бы неправильным, как это делает М. Маторин, сводить подобного рода персонажи просто к обычным природным духам [\[18, с. 43-44\]](#).

Также в этой связи выглядит чересчур грубой схема Н. Маторина, согласно которой финно-угорские народы Волго-Камья совершили слишком резкий переход от почитания духов стихий к почитанию богов в образе татарских ханов и поэтому не смогли создать образы «настоящих» богов [\[18, с. 44\]](#). По всей видимости на нее опирается гипотеза Р. Г. Ахметьянова о том, что якобы фигура Пиамбар-Пуйыршо, дочери-посланца Юмо и жены родоплеменных героев и богов вроде Кугурака, стала переосмысленным образом женщины-гонца в Булгарии Волжско-Камской [\[3, с. 53\]](#). Действительно, теонимы Пиамбар, Пуйыршо и им подобные являются тюрко-исламскими заимствованиями, однако имя Юмынудыр, встречающееся в текстах песен, заговоров имеет исконное марийское и финно-угорское происхождение. Игнорируя этот факт, можно прийти к неверным выводам.

Но каковы собственно мифы о земной богине у народов Урало-Поволжья? В свое время об этом задумался К. А. Четкарев. Говоря о «космических богинях», матерях земли,

неба, ветра и т.д., он высказался в том роде, что легенд пока о них особых не записано. Зато имеются, например, предания о дочери неба, сестре солнца и проч. [\[27, с. 176\]](#).

Таким образом, вопрос о божественном статусе Юмындур нельзя признать решенным. Во-первых, П. И. Мельников отмечал существование у мордвы богини Анге-Патяй не только в описаниях схожей с марийскими небесными девами, но и жертвоприношения ей в особых священных рощах [\[19, с. 96-138\]](#). Во-вторых, еще Н. П. Рычков в XVIII веке упоминал культы многих марийских богинь, которым женщины и девушки молились и приносили жертвы [\[9, с. 64\]](#). Культы верховных богинь были известны и удмуртам: Кылдыни Мумась, Калдык/Калтак Мумы [\[9, с. 205-206\]](#). При этом «дочь Юмо», как, например, и «сын Юмо» никак особо в текстах молитв высшим богам во главе с Ош Поро Куго Юмо не выделялась. В молельных рощах также отдельные деревья или костры детям Юмо не посвящались. Обычно отдельное дерево, чаще всего липу, имела Юмын-Ава или Шочын-Ава. Тул-Ава соответственно заведовала кострищами [\[22\]](#). Как уже говорилось выше, Пиамбар почиталась некоторыми группами мари. Так, жители деревни Старооткустино (Башкирия) до сих пор поклоняются Мер Кугу Е□у (Кугыраку) и его жене Пиамбар. Как отмечает В. Васимов, в домах перед очагом старооткустинцы еще во времена юности автора устраивали «таинства», то есть читали молитвы и приносили жертвы душам Кугырака и его супруги Пиамбар тогда, когда заболел взрослый человек или человек в преклонном возрасте. Местные мари считали, что это их древний князь (Кугырак) явился, чтобы забрать данного человека к себе. И люди просили Кугырака и Пиамбар не делать этого, поскольку человеку еще рано уходить к богам и просили больного исцелить [\[5, с. 199\]](#). При этом в священной роще имелись священные деревья-онапу Мланды Авы, Кече (Каве?), Мардеж Авы и Мер Кугу Е□а. Онапу посвященное Пиамбар, отсутствовало или не сохранилось [\[5, с. 29-30\]](#).

Думается, здесь мы имеем дело с самыми архаическими истоками образов матрицентристских божеств, каковыми и были изначально небесные девы в марийской мифологии, а также в мифологиях других финно-угорских народов [\[11, с. 542-553\]](#). В культе Пиамбар мы видим ясное указание на ее связь с культом предков (мертвых), а также ярко выраженные охранительно-магические функции божества.

А. Ю. Калиевым, Л. А. Абукаевой, а также другими учеными собран значительный материал, содержащий упоминание о «дочери Юмо» в том числе в народных песнях [\[12, с. 41-42\]](#). Чаще всего «божья дочь» выступала в них лишь метафорой некоего высшего совершенства: «как дочь Юмо...», «подобно дочери Юмо» и т.п. [\[1, с. 346\]](#). В пользу значимости и важности у мари образа Юмындур-Пиамбар, несмотря на отсутствие ее культа именно как богини (не керемета), говорят также схожие моменты с соответствующими образами у соседних финно-угорских народов. Так, например, давно исчез отдельный культ богини Анге-Патяй у мордвы, не говоря о культах (если они вообще были) ее дочерей – Кастарго и Вецорго. Довольно скудны упоминания о Рауни, супруге финского громовника Укко. Некоторые исследователи считают богиню Рауни фикцией и даже переименованным эпитетом самого Укко или обозначением простой груды камней [\[21, с. 99-100\]](#). Также считается, что не существовало никаких особых отдельных культов дев природных стихий, которые встречаются на страницах «Калевалы» и это всего лишь «поэтические метафоры». В крайнем случае их уподобляли духам, олицетворениям различного рода неопределенных природных явлений, вроде берегинь, рожаниц, лихорадок у славян, никсов у германцев. Иногда даже высказывается мысль, что образ Ильматар, дочери воздуха, был создан Э. Лённротом и не имел реальной

почвы в карело-финской мифологии [\[9, с. 190\]](#).

Рассуждения А. Ю. Калиева о противоречивости божественного статуса Юмындур, на наш взгляд, можно расширить и уточнить. По всей видимости, речь идет о различии между мифологией и религией. По мысли С. А. Токарева, хотя между ними и существует тесная связь, источники их различны. Религия рождается из желания человека управлять неведомыми ему природными силами. Мифология – из желания объяснить окружающую действительность. Поэтому неудивительно, что наиболее архаические мифы народов Австралии, Океании, Африки и Америки часто не упоминают вообще никаких сверхъестественных существ и на деле являются этиологическими сказками, объясняющими появление тех или иных предметов, особенностей животных, природных явлений и т.п. Несколько сложнее дело обстоит с объяснением возникновения социальных, нравственных норм [\[20, с. 377\]](#). Достаточно глубоко замечание о том, что древние религии, тем более в бесписьменных, догосударственных обществах, вообще были довольно независимы от верований. Последние, в условиях отсутствия утвержденных канонов религии, представляли собой определенную самостоятельную интерпретацию людьми обязательных, строго и даже мелочно соблюдающихся обрядов [\[20, с. 378\]](#).

Подводя итог статье о достоверности и божественном статусе образа Юмындур (небесной девы) в марийской мифологии следует обратиться к гипотезе Ю. А. Калиева об эволюции данного образа. Она базируется на двух следующих положениях: 1) Юмындур явилась первым антропоморфным образом «в полотно астральной модели верхнего мира» [\[12, с. 86\]](#); 2) в ходе развития религиозных представлений мари ее образ был «низвергнут» и превращен сперва в олицетворение девичьих добродетелей, а потом вовсе в водного, подземного, даже низшего домового духа [\[12, с. 162-163\]](#). Первый тезис можно принять, хотя с некоторой оговоркой (непонятно почему Юмо, например, не был первым антропоморфным астральным образом). Второе утверждение ученого нуждается в пояснениях.

То, что в марийской мифологии нет примеров «низвержения» тех же «сыновей неба», полубогов-великанов вроде спускающегося на кобыле-радуге Онара, не удивительно. Архаические матрицентристские божества в условиях наступления патриархата подвергались неизбежной дискредитации, в то время как мужские божества только усиливали свою значимость. Тем не менее попытки Ю. А. Калиева отождествить духов наподобие Кудерткувы (Старухи дома), Йудкувы (Старухи ночи) с Юмындур выглядят натянутыми. Определенные параллели с образом Вичуудур (девы реки Вятки), упоминающейся часто в паре с Кугые-Ом [\[12, с. 256\]](#), более убедительны. Тем не менее вряд ли исходя из этого можно сделать вывод о том, что образ Юмындур как идеальной хозяйки или водного духа стал «сниженными» вариантом бывшей матрицентристской владычицы. Думается, неслучайно Юмындур (как и другие небесные девы) в марийской мифологии до сих пор занимает одно из важнейших мест, при этом никогда не смешиваясь с образом Юмын Авы, божественной матери.

Для разрешения этого противоречия можно сослаться на мнение П. Л. Белкова, указывающего на то, что в первобытных религиях образы высших существ, а именно демиургов, творцов мира, людей и культуры, еще не отделились от образов других мифологических героев. Их функции на этом этапе развития верований еще до конца не определились. Однако было бы слишком простым решением представлять дальнейшую историческую эволюцию подобных образов высших существ в виде простого избавления

первоначальных образов от архаических черт, их «прояснения» и конкретизации [\[4, с. 141\]](#). Поэтому стоит с осторожностью говорить о том, что образы небесных дев в марийской мифологии, в частности образ Юмынудыр, обязательно должны были существовать сперва в образах верховных небесных богинь, а потом оказаться «низвергнутыми», опрошенными и девальвированы до образов фольклорных, сказочных или локальных персонажей. Стоит признать также в целом не очень удачной и не совсем научной мысль о том, что образы «настоящих» богинь в марийской мифологии не успели сформироваться, будучи заменены образами прислужников татарских ханов. Скорее всего, несмотря на ряд общих черт и типологическую близость, представления о небесных девах могли иметь самое различное происхождение в рамках мифологических и религиозных воззрений того или иного этноса или даже его родоплеменных групп. Возможно, что в некоторых случаях, действительно, могло иметь место своеобразное творчество (не исключая даже творчества самих собирателей фольклора), порождавшее «поэтические метафоры» в народных песнях, заговорах. В других – пережиточные формы древних мифов о богинях хозяйках стихий и их дочерях, а также сохранившиеся локальные религиозные культы.

Библиография

1. Абукаева Л.А. Функции и функционирование марийских гостевых песен // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 3. С. 344-350. doi: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-344-350
2. Аношина В.Н., Шаронова Е.А. Значение труда У. Харвы «Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen» в контексте исследований фольклора эрзи и мокши // Финно-угорский мир. 2014. № 1. С. 9-12.
3. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
4. Белков П.А. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.: Наука, 2009. 281 с.
5. Васимов Ю. Марийцы северной Башкирии. Между быстрым Таныпом и Уфимкой. Том 2. Йошкар-Ола: ООО «Газета "Марий Эл"», 2018. 360 с.
6. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 2018. 400 с.
7. Галямшин М.Г. Урсай патыр. Легенды, предания, воспоминания. Калтаса села, 2019. 96 с.
8. Гото М. Историческое превращение традиционной религии чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 3-24.
9. Иликаев А.С. Матриархальные проявления ранних форм религии в космогонических мифах народов Урало-Поволжья: башкиры, марийцы, русские: монография. 2-е изд., исправл. и доп. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2024. 330 с.
10. Иликаев А.С. Мотивы творения мира из яйца в мифах прибалтийско-финских народов, коми и мордвы в контексте образа божественной птицы: сравнительный анализ // Финно-угорский мир. 2023 Т. 15, № 4. С. 472-482. doi: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.472-482
11. Иликаев А.С. Новые штрихи к происхождению богини Калтась в свете угорских и финно-пермских параллелей // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 542-553. doi: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-542-553
12. Калиев Ю.А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство». 2019. 447 с.
13. Марийские народные сказки / Запись, статья, перевод и комментарии К.А. Четкарёва.

Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1955. 190 с.

14. Марийские народные сказки / Сост. М. Майн; Пер. с марийск. и пересказ, для детей В. Муравьев. М.: Дет. лит., 1985. 111 с.

15. Марийские народные сказки. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 352 с.

16. Марийские сказки: Сборник Четкарева К.А / Под ред. проф. К.А. Азадовского. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1948 (тип. Упр. изд-в и полиграфии). 184 с.

17. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. Акцорин В.А. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 288 с.

18. Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество – ислам – православие – сектанство. М.: Акц. изд. о-ва «Безбожник», 1929. 175 с.

19. Мельников П.И. / Полное собрание сочинений П. И. Мельникова. Т. 12. Очерки мордвы и др. СПб-Москва: Издание товарищества М. О. Вольф, 1898. 431 с.

20. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. К – Я. 719 с.

21. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.

22. ПМА. Полевой материал автора. Информатор: Изиляев Александр Аркадьевич, 1983 г. рождения, д. Большесухоязово. Беседа проведена 18.07.2024.

23. Попов Н.С., Таныгин А.И. Юмын йула. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тувыра да калык кокласе кыл шотышто министерство, Республикысе усталык рудер, 2003. 272 с.

24. Русская волшебная сказка / Сост. К.Е. Корепанова. М.: Высшая школа, 1991. 525 с.

25. Тошты мары шаявлӓ: Тошто марий ой-влак / В.А. Акцорин чумырен. Ончылмут ден умылтарымашым В.А. Акцорин возен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1972. 216 с.

26. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Около 16120 имен. Марий лум-влак мутер. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

27. Четкарёв К.А. О марийских преданиях и легендах // Труды МарНИИ. Вып. II: Вопросы истории, языка, литературы и фольклора мари. Йошкар-Ола, 1940. С. 150-179.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Проблема достоверности и божественного статуса образа небесных дев в марийской мифологии»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи

Методология исследования. Автор рецензируемой статьи не затрагивает вопрос о методологии исследования. Но из текста статьи можно сделать вывод, что статья междисциплинарная и автор опирался на разнообразные инструменты из сферы фольклористики, культурологии и антропологии.

Актуальность. В наше время растёт интерес к изучению мифологии, которая играет важную роль в формировании духовной культуры народов. В марийской мифологии важное место занимает образ небесных де (Юмынудур, Пиамбар, Ыймын Ыдыр и др.). Автор отмечает, что многие исследователи считают, что Юмынудур является единственным мифологическим образом, но фольклорные материалы противоречат такой точке зрения. Юмынудур была наиболее известной из небесных дев в марийской мифологии и в переводе значит «небесная дева». Она была дочерью Бога и вышла замуж за юношу-мари, став родоначальницей марийского народа. Её образ

олицетворяет женский идеал и объясняет характерные черты марийской культуры, такие как целомудрие, сдержанность, разумность, предусмотрительность, трудолюбие и независимость. Образ Юмындур получил новое воплощение в творчестве марийских художников, работающих в стиле этнотуризма и это свидетельствует об актуальности темы. Автор рецензируемой статьи отмечает, что вопрос о том, являются ли небесные девы в марийской и других финно-угорских мифологиях божественными существами, тесно связан с их происхождением и особенностями, но эта тема обширна и требует специального изучения, потому в данной статье исследуются некоторые ключевые аспекты. Однако, поскольку эта тема сама по себе довольно обширна и требует отдельного изучения, мы рассмотрим лишь некоторые ключевые аспекты.

Научная новизна определяется тем, что в статье впервые всесторонне изучается проблема достоверности и божественного статуса образа небесных дев в марийской мифологии.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному, есть также элементы описательности, что представляется оправданным в статьях междисциплинарного характера, какой является данная статья. Структура статьи в целом логично выстроена и направлена на достижение цели статьи. Статья подготовлена на широком комплексе литературы по теме исследования и работы ученых, которые занимались мифологией марийцев в частности на работы И.С. Иликаева, Ю.А. Калиева и др. , а также на собственные полевые материалы. Текст статьи в определенной мере носит полемический характер, автор обосновывает свою точку зрения грамотно и его рассуждения логичны, но представляется, что специалисты по теме могут и не согласиться с доводами автора. Текст читается с интересом и воспринимается легко.

Библиография работы состоит из 27 источников по теме исследования и смежным темам. Библиография в полной мере соответствует исследуемой теме и оформлена грамотно.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне полученной информации в ходе работы над исследуемой темой и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья будет интересна специалистам, занимающимися вопросами мифологии, культурологии и т.п.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тропин Н.А. Елецкий городничий Егор Александрович Холодович и изучение древностей в провинции в середине XIX века // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.71982
EDN: LKYWFJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71982

Елецкий городничий Егор Александрович Холодович и изучение древностей в провинции в середине XIX века

Тропин Николай Александрович

ORCID: 0000-0001-6287-2785

доктор исторических наук

заведующий лабораторией; Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

399771, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Орджоникидзе, 49, кв. 41

✉ tropin2003@list.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.71982

EDN:

LKYWFJ

Дата направления статьи в редакцию:

15-10-2024

Дата публикации:

26-11-2024

Аннотация: Впервые исследуется биография и научный вклад Е. А. Холодовича в изучение древней истории Ельца Орловской губернии. В период 1835–1849 гг. он служил в должности городничего, увлекся краеведением. В «Орловских губернских ведомостях» за 1840 г. появляется его заметка «О древностях города Ельца». Заметка состояла из предисловия и шести маленьких разделов, каждый из которых соответствовал описанию объекта – древности: 1) Икона Казанской Божией матери; 2) Образ Явления Божией Матери Тамерлану; 3) Святое Евангелие; 4) Часовня и каменный столп с иконами; 5) Острог Талим; 6) Шесть чугунных пушек; 7) Подземный ход. Эту информацию будут в дальнейшем широко использовать краеведы, начиная с середины XIX в., но, не упоминая автора. Статья основана на архивных материалах, позволивших

восстановить основные биографические сведения, обстоятельства службы в Ельце и вероятную мотивацию в краеведческих исследованиях Е. А. Холодовича. Исследуется интеллектуальная среда его потенциального общения со знатоками истории города, предпринимаются попытки установить источники получения им информации. Результаты исследований позволяют сказать, что единственная известная научная публикация Е. А. Холодовича для губернской газеты основана на несохранившихся сведениях статистического описания Ельца 1820-х годов. Их содержание соответствует старожильческим записям, характерным для времени становления исторической науки в провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв. Тема древностей рассматривается через призму подробного описания остатков крепости, подземных ходов, обычаев, истории монастырей и храмов, кратких исторических преданий. Материал наглядно свидетельствует о положительном влиянии государственной политики по проведению губернских статистических описаний на становление краеведческих исследований в провинции.

Ключевые слова:

елецкий городничий, статистическое описание, елецкие краеведы, древности Ельца, становление науки, М. А. Стахович, Н. А. Ридингер, И. И. Уклеин, Елецкий уезд, Орловская губерния

Имя Е.А. Холодовича почти не известно в современных елецких региональных исследованиях. Он не упомянут в трудах его младших современников, предводителем Елецкого уездного дворянства М.А. Стаховичем и елецким полицмейстером Н.А. Ридингером, издавшими в середине XIX в. первые о Ельце книги. Однако, именно, Е.А. Холодовичу должно принадлежать право остаться в истории елецкого краеведения как первому публикатору сведений о древностях Ельца в «Орловских губернских ведомостях» за 1840 г. Кто же такой Е.А. Холодович ?

В Государственном архиве Орловской области удалось найти два его формулярных списка от 1835 [\[1, л. 1095 об.-1098\]](#) и 1847 гг [\[2, л. 993-1000\]](#). Егор Александрович Холодович родился в 1798 г., из дворян. Начал службу в 1819 г. юнкером в 6-ом Егерском полку, служил в Тамбовском и Рязанском пехотных полках. Являлся старшим адъютантом начальника Главного штаба армии генерал-лейтенанта Красовского. Дослужился до чина капитана. В боях при осаде крепости Силистрии награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом (1829) и при сражении под крепостью Шумлою орденом Св. Анны 3 ст. с бантом (1829), за турецкую войну имел серебряную медаль. В 1832 г. уволен со службы из-за ранений (контузия при Шумли). С декабря 1833 г. определен в г. Глухов полицмейстером, а с 1835 г. – в г. Елец. В должности елецкого городничего награждался орденами Св. Станислава 2 ст (1841), Св. Анны 2 ст (1847), знаком отличия беспорочной службы за XX лет (1844).

В Ельце родились его дети: Иван (1841 г.р.), Стефанида (1836 г.р.), Елизавета (1837 г.р.), Анна (1838 г.р.), Юлия (1840 г.р.). Имел приобретенное имение в Черниговской губернии: 70 душ крестьян и 900 десятин земли; в Елецком уезде – 100 дес. земли.

Служил в Ельце Е.А. Холодович до весны 1849 г. Он был единственным городничим, прослужившим так долго в Ельце (14 лет) в период первой половины – середины XIX века. Его приемник, В.В. Зубковский, прослужил 13 лет, а предшественники, как правило, несколько лет. Странно, что имя Е.А. Холодовича не осталось запечатленным в

историографии Ельца. Возможно, ответ мы найдем в скандальном деле, объясняющим его увольнение со службы в 1849 г. [3].

В ноябре 1848 г. городской голова купец Сергей Русанов донес городничему свое подозрение, что находящаяся у него в прислугах солдатка Фекла Костенникова тайно разрешилась от беременности. В загородном доме Русановых был учинен обыск, где в отхожем месте был обнаружен труп младенца. Ф. Костенникова созналась в преступлении и была арестована. Ходили слухи, что Фекла «нагуляла» от Дмитрия, сына елецкого головы. За эти слухи ухватились городничий и пристав Митрофанов, проводя расследование. Следователям хотелось (не понятно почему), чтобы Костенникова призналась в этом. С этой целью к ней в камеру подсадили уголовницу, которой обещали освобождение. Оскорбленный С. Русанов подал жалобу в елецкий магистрат и губернатору, обвиняя Елецкое городническое правление в «притеснениях и оскорбительных к его семейству действиях [4, л. 1-1 об.]». Началось следствие, закончившееся увольнением Е.А. Холодовича со службы [5, л. 1], а Митрофанов был отдан под суд [6, л. 103]. Очень вероятно, что подобное поведение Е.А. Холодовича осуждалось в обществе, и его имя не было принято в дальнейшем публично произносить.

Появление Е.А. Холодовича в Орловской губернии совпало по времени с учреждением в 1835 г. Орловского статистического комитета. Первым его председателем стал орловский гражданский губернатор А.В. Кочубей (1790-1878 гг.). Однако повседневную работу статистического комитета осуществлял заместитель председателя. В 1836 г. на эту должность был назначен Пётр Андреевич Азбукин (1804-1880 г.).

К этому времени П.А. Азбукин стал заметной личностью в губернском г. Орел. Его биография хорошо изучена по различным архивным документам орловской исследовательницей Е.Н. Ашихминой [7; 8]. Петр Андреевич Азбукин родился в 1804 г., происходил «из обер-офицерского звания». В 1818 г. поступил во 2 класс Орловской губернской гимназии и, окончив ее, обучался в 1821-1824 гг. в Московском университете на нравственно-политическом отделении. Окончив учебное заведение со званием действительного студента, он в качестве учителя словесности начал службу в Орловской гимназии (с 1825 г.), продолжил в Орловском училище для детей канцелярских служащих (с 1829 г.). С 1839 г. П.А. Азбукин - инспектор гимназии. В 1847 г. он вышел в отставку.

Е.Н. Ашихмина отмечает разносторонние интересы и необычайную работоспособность П.А. Азбукина. В гимназии многие годы он на общественных началах исполнял должность письмоводителя, бухгалтера, библиотекаря. П.А. Азбукин редактировал газету «Орловские губернские ведомости». Он известен также как первый в Орловской губернии действительный член Русского географического общества первого состава, первый исследователь археологии и музейный работник в Орловском крае. Выйдя в отставку, Азбукин занимался метеорологическими наблюдениями в своем имении в сельце Прилепы Мценского уезда.

В 1838 г. им публикуется «Историко-статистическое описание городов Орловской губернии» [9]. В 1840 г. начинают издаваться «Орловские губернские ведомости», куда приглашаются желающие печатать интересные материалы из прошлого Орловской губернии.

В газете за 1840 г. (№ 7) в рубрике «Историко-статистические сведения об Орловской

губернии» за подписью Е.А. Холодовича появляется небольшая заметка «О древностях города Ельца» [\[10\]](#), свидетельствующая о том, что в Архиве городнического правления хранились документы, связанные со статистическим описанием Ельца предшествующего времени.

Структурно заметка состояла из предисловия и шести маленьких разделов, каждый из которых соответствовал описанию объекту – древностям: 1) Икона Казанской Божией матери; 2) Образ Явления Божией Матери Тамерлану; 3) Святое Евангелие; 4) Часовня и каменный столп с иконами; 5) Острог Талим; 6) Шесть чугунных пушек; 7) Подземный ход.

В предисловии говорится о древней истории Ельца, который упоминается еще при Дмитрии Донском со своим удельным князем Федором. Автор ссылается на сочинение Н.М. Карамзина.

Раздел об иконе Казанской Божией Матери начинается с истории о местонахождении иконы. В Елец икона была перенесена в 1395 г. из острога Талица (ошибочно написано «Талим»). До 1768 г. находилась в Елецком Троицком монастыре, который сгорел. Была перенесена в Соборную Николаевскую церковь. Автор сообщает, что еще несколько лет тому назад существовала традиция крестного хода из Ельца в Талицу в память о 1395 г. Однако, когда жители с. Талица вознамерились вернуть икону к себе, то елецкий протоиерей Иоанн Орловский заменил крестный ход в Талицу на крестный ход к кладбищенской Казанской церкви. Жители Талицы получили лишь список с иконы Б.М.

Вторая реликвия Ельца связана с образом явления Божией Матери Тамерлану, хранящейся в Соборной Николаевской церкви. Автор отмечает, что это копия с иконы и обновленная в 1779 г. Им цитируется обширная на иконе запись о спасении Руси от Тамерлана и указывается, что икона была написана в 1735 г. при елецком воеводе Нащокине. Сюжет, отраженный на иконе, связан со сном Тамерлана, когда ему явилась Б.М. в окружении воинства.

Чрезвычайно кратко автор упоминает о третьей реликвии – Евангелии 1640 г., хранящемся в Соборной церкви. К настоящему времени сохранилось несколько Евангелий XVII- начала XVIII вв. в фондах Елецкого городского краеведческого музея, описанных Д.А. Ляпиным [\[11\]](#). Однако данные реликвии не попали в поле зрения Е.А. Холодовича.

Четвертая группа реликвий связана с пятью часовнями. Автор связывает их с меморативными объектами в память о погибших от Тамерлана: у Собора, на Щепной площади, на берегу р. Сосна, в саду купца Хренникова, во дворе купца Деева. Часовня на берегу р. Сосна связывается с пребыванием митрополита Алексия.

Пятая группа реликвий связана с селом Талица (острог Талим). Автор сообщает об иконе Казанской Б.М., которая издревна находилась в Талице. На месте острога построен храм Казанской Б.М.

Шестая группа реликвий это шесть чугунных пушек, лежащих у Собора. По мнению автора, это оружие против Тамерлана, стан которого находился, напротив, на высокой горе Аргамач. Автор приводит легенду о том, как татарский всадник разбился с высот Аргамачей горы.

Седьмая елецкая реликвия связана с подземным ходом. Автор сообщает, что в размываемом овраге, расположенном к юго-востоку от Собора, фиксируется подземный ход, обложенный дубовым лесом.

Статья не имеет заключения или обобщения выводов.

Это единственная известная нам публикация Е.А. Холодовича, которая появилась, вероятнее всего, по инициативе П.А. Азбукина. К сожалению, в архивах нам пока не удалось найти системных локальных материалов статистических описаний по Ельцу 1820-начала 1830-х гг. Вследствие этого, автор информации, которой воспользовался Е.А. Холодович, остается не известным.

Е.А. Холодович оказался в числе не многих жителей Ельца, кто стоял у истоков его исследований. Попробуем обрисовать культурную среду общества, где формировались предпосылки научных знаний.

Известно, что к середине XVIII в. происходит становление отечественной исторической науки. По наблюдению А.А. Севастьяновой, историческая мысль в России пережила взлет во второй половине XVIII века, особенно в екатерининское правление, когда появился целый комплекс исторических сочинений, хотя и разнovidных, но объединенных тематикой, подходами, приемами и мировоззренческими позициями [\[12, с. 7, 11\]](#).

В это время интерес к истории Ельца и его округе на обширном историко-географическом фоне Российской империи проявили академические исследователи и топографы, результативность работ которых в дальнейшем повлияла на формирование научного исторического самосознания общества в провинции. В XVIII- начале XIX вв. Академия наук неоднократно организовывала научные экспедиции в российскую провинцию с целью изучения географии, этнографии, археологии, природных ресурсов. Так, в 1751 г. студент М. Коврин по заданию Санкт-Петербургского (Академического) университета, ректором которого был Г.Ф. Миллер, провел археологические раскопки в Черемушном лесу Елецкого уезда [\[13, с. 47-48\]](#). Предположительно это место можно соотнести с современным Измалковским районом Липецкой области, где известен этот топоним.

В сентябре 1768 г. в ходе научной экспедиции на юг России Елец посетил молодой академик С. Гмелин. По всей видимости, он пробыл в городе не менее пяти дней. 25 сентября он отправляет в Академию наук рапорт о городе Ельце [\[14, с. 98\]](#). В 1781-1782 гг. Елец посещает академик В.Ф. Зуев, совершавший научную поездку из Петербурга в Херсон [\[15, с. 21-22\]](#). В 1809-1810 гг. Елец посетили член Российской академии наук К.М. Бороздин и археограф А.И. Ермолаев. В свои научные отчеты они включали в т.ч. сведения локальной истории от местных жителей – старожилов. Весьма, вероятно, что обогащение информацией происходило обоудно.

В это же время регулярно происходило генеральное межевание, в ходе которого осуществлялось статистическое описание, составление исторических справок, экономических примечаний по губерниям. Наглядным примером доказательства того, что экземпляр таких описаний оставался в провинции и им могли пользоваться образованные жители, является приписка на титуле к топографическому описанию Орловского наместничества, на которую мы обратили внимание в РГВИА: «списано с книги от Петра Ивановича Новосильцева, полученной в 1787 г.» [\[16; 17, с.83-85\]](#). П.И. Новосильцев являлся вице-губернатором Орловского наместничества.

Известен круг елецких старожилов, оставивших свои записи. Самые ранние из них относятся к концу XVIIIв. Авторы их не известны. Однако они связаны с административным аппаратом управления города, являлись священниками или купцами.

Их записи публиковались в журнале «Русский архив» [\[18\]](#) и именуются нами: «Елецкий старожил I», с записями 1782-1831 гг., и «Елецкий старожил II», с записями 1779 – начало 1780-х гг. [\[19\]](#).

Среди известных имен старожилов старшего поколения отметим елецкого купца Ивана Ивановича Исаева, записки которого доведены до 1830 г., и Ивана Васильевича Никитина со сведениями XVIII в. Их записки были опубликованы в конце XIX в. Е.И. Назаровым [\[20; 21\]](#).

Из книги М.А. Стаховича известны имена других елецких старожилов, чьими трудами он пользовался и им благодарен. Это дьякон Преображенской церкви Иван Кутепов, помещик Иван Алексеевич Сойманов, купцы Александр Яковлевич Бакулин и Иван Кононович Кожухов [\[22, с.51\]](#). Возможно, что некоторые из них являлись современниками Е.А. Холодовича.

Достоверно современником Е.А. Холодовича следует назвать купца Ивана Ивановича Уклеина (1794-1852), написавшим сочинение «Краткое историческое сведение о городе Ельце, составленное елецким купцом И.И. Уклеином 1846 и 1847 годов» [\[23\]](#). Его труд, известный ранее некоторым ельчанам в машинописных рукописях, был опубликован елецким краеведом В.П. Горловым [\[24, с. 24-25\]](#). Опорой для публикации послужил машинописный текст, хранящийся в Елецком городском краеведческом архиве. Авторская рукопись, подаренная орловскому губернатору, сохранилась в фондах ГАОО. В тексте рукописи прослеживается заимствование из сочинения И.И. Исаева в части описания городского быта ельчан.

Для записок старожилов характерны следующие признаки: отсутствие четкой структуры и внутренней логики изложения, что нередко приводит к повторам в тексте; отсутствие ссылок на работы историков, что, скорее всего, свидетельствует о незнакомстве с историческими исследованиями; стремление зафиксировать любую достойную внимания информацию по истории Ельца; использование некоторых статистических материалов по городу. По нашим наблюдениям записки старожилов сочетают в себе признаки городских летописцев, включая семейные и церковные хроники, а также авторских историко-краеведческих сочинений. Подобное сочетание разных приемов повествования не является исключением [\[25, с.26\]](#).

Тема древностей в записках старожилов рассматривается через призму подробного описания остатков крепости и подземных ходов в восприятии памяти второй половины XVIII в., обычаев, истории монастырей и храмов, кратких по изложению исторических преданий. Главным объектом преданий является гора Аргамач, где расположены остатки древнего фортификационного сооружения и каменный обрыв, где происходило сражение с татарами. Сопоставляя сохранившиеся записки старожилов со статьей Е.А. Холодовича, мы не наблюдаем заимствований текстов от «Елецкого старожила I», «Елецкого старожила II», И.И. Исаева, И.И. Уклеина.

При Е.А. Холодовиче начиналось в 1847 г. очередное статистическое описание Ельца и уезда. За его подписью сохранился документ от 1.05.1847 г., содержащий краткие сведения о населении, зданиях города [\[26, л. 4-4 об.\]](#). Завершится описание в начале 1850-х гг. при городничем В.В. Зубковском [\[27, л. 314-322 об., 331\]](#).

Указанные елецкие древности стали хрестоматийными для дальнейших исследователей, в трудах которых они обрастали новыми дополнительными сведениями. В книге М.А.

Стаховича, изданной в 1858 г., содержится небольшой компактный раздел «Памятники. Легенды», включающий сведения о часовнях, иконе Казанской Б.М, о стане Тамерлана на Аргамаче [\[28, с. 14-16\]](#). Он констатирует факт народной традиции, связывающей часовни с памятными местами о погибших от Тамерлана, говорит о необходимости научного их изучения. М.А. Стахович приводит два варианта легенд, связанных с Аргамачей. Повествуя об иконе Казанской Б.М., в сочинении М.А. Стаховича угадывается некий письменный источник информации, который им комментируется. Кстати сказать, отчасти эти тексты Стаховича и Холодовича совпадают, что указывает на возможный протограф. Следует также обратить внимание на наличие в книге М.А. Стаховича отдельного раздела «Памятники. Легенды». Совпадение ли это?

Выскажем предположение, что М.А. Стахович заимствовал этот текст у И. Кутепова, о котором он особенно с благодарностью вспоминает: «Это и другие известия из летописей «Истории» Карамзина и преданий собраны трудолюбивым собирателем известий о городе Ельце дьяконом Преображенской церкви Иваном Кутеповым. Все это собрание находилось у меня и недавно доставлено мною чиновнику особых поручений господина орловского гражданского губернатора А.А. Снопову для составления исторических записок о городах Орловской губернии» [\[29, с. 52-53\]](#). Весьма вероятно, что и Е.А. Холодович использовал этот текст для публикации своей статьи. К сожалению, рукопись И. Кутепова пока остается необнаруженной.

Книга Н.А. Ридингера, изданная в 1865 г., не содержит единого раздела о памятниках старины. Информация расплывлена по тексту [\[30, с. 17, 47, 52\]](#). Он сообщает о шести старых пушках времен Смуты, которые, валялись на земле у острога и, которые, вероятно, им в 1862 г. были положены на лафеты у старого Собора. Скептически Н.А. Ридингер воспринимает связь часовен с временами Тамерланова разорения. Упоминание древних икон он привязывает к определенным храмам.

Сравнительный анализ текстов работ М.А. Стаховича и Н.А. Ридингера показывает, что статья Е.А. Холодовича была им не известна, они пользовались иными или близкими записями, уже вероятно, 1847-1850 -х гг.

Изложенный материал наглядно свидетельствует о влиянии государственной политики по проведению губернских статистических описаний на становление краеведческих исследований в провинции. Она легла на благодатную почву той части жителей, которая была образована, любознательна и вела записи местной истории.

Библиография

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2304.
2. ГАОО. Ф.4. Оп. 1. Д. 2675.
3. ГАОО. Ф.4. Оп. 1. Д. 2750.
4. Государственный Архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 130. Оп. 1. Д. 931.
5. ГАОО. Ф.4. Оп. 1. Д. 2765.
6. ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2750.
7. Ашихмина Е. Н. Петр Андреевич Азбукин – инспектор Орловской гимназии лесковского времени // Ученые записки Орловского государственного университета. Т. III. Лесковский сборник. Орел, 2006. С. 128-138.
8. Ашихмина Е. Н. Лесков в Орле. Орел: Орловский гос. ун-т, 2010.
9. Азбукин П. А. Историко-статистическое описание городов Орловской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1838. С. 397-434.
10. Холодович [Е. А.], елецкий городничий. О древностях города Ельца. Историко-

статистические сведения об Орловской губернии // Орловские губернские ведомости / газета. 1840. № 7. С. 63-67.

11. Ляпин Д. А. Евангелия XVII – начала XVIII вв. из фондов Елецкого городского краеведческого музея // Вестник Елецкого государственного университета. Серия «История. Археология». Вып. 22. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. С. 176-177.

12. Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия РАН, 1998.

13. Пряхин А. Д. История отечественной археологии. Ч. I: Русская дореволюционная археология. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005.

14. Комолов Н. Калейдоскоп Воронежской истории. Воронеж: ООО «Творческое объединение «Альбом», 2008.

15. Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году // Елецкая быль: Краеведч. сб. Вып. 1. Липецк: НПО ОРИУС, 1994.

16. Российский военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Отд. 5. Д. 18903.

17. Тропин Н. А. Город Елец в топографическом описании Орловского наместничества (общая характеристика источника) // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Материалы VI Международной научной конференции. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2019.

18. Ридингер Н. А. Рассказы елецких старожилов // Русский архив, 1866. № 3. С. 346-377.

19. Тропин Н. А. Древний Елец глазами ельчан XVIII века // Елец в историко-культурном пространстве России: материалы Регион. науч. конф., посвящ. 865-летию г. Ельца. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. С. 10-18.

20. Назаров Е. И. Записки старожила Ивана Ивановича Исаева о городе Ельце (около 1825–1830 гг.) // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Орел: тип. С.А. Зайцевой, 1895. С. 44-47.

21. Назаров Е. И. Извлечения из бумаг, принадлежащих елецкому старожилу Ивану Васильевичу Никитину // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Орел: тип. С.А. Зайцевой, 1895. С. 32-33.

22. Стахович М. А. История, этнография и статистика Елецкого уезда. М: Тип. Чуксина, 1858.

23. Уклеин И. И. Краткое историческое сведение о городе Ельце, составленное елецким купцом И. И. Уклеином 1846 и 1847 годов // Елецкая быль. Краеведческий сборник. Вып. 1. Липецк: НПО ОРИУС, 1993. С. 23-61.

24. Горлов В. П. Первый елецкий краевед // Елецкая быль. Краеведческий сборник. Вып. 1. Липецк: НПО ОРИУС, 1993.

25. Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М.: Археографическая комиссия РАН, 1998.

26. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 324.

27. ГАОО. Ф. 580. Ст. 2. Д. 506.

28. Стахович М. А. История, этнография и статистика Елецкого уезда. М.: Тип. Чуксина, 1858.

29. Там же.

30. Ридингер Н. А. Материалы для истории и статистики г. Ельца. Орел: Губ. тип., 1865.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является малоизвестная биография елецкого городничего Егора Александровича Холодовича. Такой сюжет имеет определенное значения для истории краеведения, особенно в контексте изучения Холодовичем сохранившихся в округе Ельца «древностей» в середине XIX века.

Новизна работы налицо: реконструируется малоизвестная биография, очень слабо представленная в историографии, при этом очень удачно актуализируются документы, отложившиеся в Государственном архиве Орловской области. На основании формулярных списков восстановлены ключевые события жизни Холодовича. В статье объясняется, почему кажущееся удивительным отсутствие Холодовича в нарративах о Ельце, хотя он был единственным городничим, прослужившим в Ельце целых 14 лет, вероятно связана со скандалом, послужившим причиной его увольнения.

Особое внимание автора статьи привлекла заметка, написанная Холодовичем для газеты «Орловские губернские ведомости». Подробно анализируются описанные «древности»: икона Казанской Божией Матери, образ Явления Божией Матери Тамерлану, Святое Евангелие, часовня и каменный столп с иконами, острог Талим, 6 чугунных пушек и подземный ход. Каждый из объектов историко-культурного наследия рассмотрен в статье. К сожалению, заметка, послужившая отправной точкой для рецензируемого исследования, не имеет заключения или обобщения выводов, по этой причине оценить отношение Холодовича к предмету описания достаточно сложно. К тому же, по результатам обзорного поиска в архиве автор приходит к выводу, что, скорее всего, это единственная публикация Е.А. Холодовича, которая появилась, вероятнее всего, по инициативе издателя «Орловских губернских ведомостей» П.А.Азбукина. Причем заметка оказалась неизвестна исследователям, согласно сравнительному анализу текстов работ М.А.Стаховича и Н.А.Ридингера становится ясно, что статья Е.А.Холодовича была им не известна, они пользовались иными или близкими наблюдениями 1847-1850 -х годов.

Вывод о том, что «изложенный материал наглядно свидетельствует о влиянии государственной политики по проведению губернских статистических описаний на становление краеведческих исследований в провинции» кажется слишком общим, и напрямую не относящимся к оценке вклада Е.А.Холодовича в елецкое краеведение.

Весьма интересно представлены в статье разнообразные публикации, описывающие достопримечательности и древности Ельца, при этом, получается, что не Холодович, а другие авторы заложили своеобразный краеведческий канон.

Стиль статьи – академический, структура – логичная, содержание соответствует названию.

Библиография весьма подробная, полностью описывает проблематику любителей древностей в Ельце.

Выводы – самостоятельные, хотя вряд ли на основании одной заметки обосновано характеризовать главного героя как важного елецкого краеведа. И

Интерес читательской аудитории, особенно краеведческой, вполне ожидаем.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Нурисламов Р.Р. Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и приход нацистов к власти: случай одной «самоунификации»? // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.69152
EDN: OQILWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69152

Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и приход нацистов к власти: случай одной «самоунификации»?

Нурисламов Руслан Рифович

независимый исследователь

107143, Россия, г. Москва, шоссе Открытое, 33

✉ ruslan.nurislamov89@mail.ru

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.69152

EDN:

OQILWY

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2023

Аннотация: Предметом исследования является «унификация» бюро экономической информации Гамбург-Бремен после прихода нацистов к власти. Цель исследования – охарактеризовать процесс включения данной организации в систему государственного аппарата нацистской Германии. Подробно рассматриваются причины, повлиявшие на ход «унификации» бюро экономической информации Гамбург-Бремен. Большое внимание уделяется позиции руководства организации по отношению к нацистскому режиму и её активности до официального вхождения в структуру министерства народного просвещения и пропаганды. Также в статье раскрывается процесс создания ведомства Й. Геббельса и его заинтересованность в организациях, занимавшихся внешнеполитической пропагандой. Кроме того, выявляются изменения, которые последовали в деятельности бюро экономической информации Гамбург-Бремен после перехода под контроль министерства народного просвещения и пропаганды. В статье проанализированы документы из фондов Российского государственного военного архива, Федерального архива ФРГ, Политического архива МИД ФРГ, Национального

архива Великобритании. В исследовании выявлено, что отношение бюро экономической информации Гамбург-Бремен к нацистскому режиму обуславливалось рядом причин: негативным влиянием мирового экономического кризиса 1929-1933 гг. и на этом фоне усилением взаимодействия с государством ещё до прихода нацистов к власти; сближением части гамбургских и бременских предпринимателей с нацистской партией на закате Веймарской республики ввиду её успехов на местных и общегосударственных выборах; быстротечным процессом «унификации» Гамбурга и Бремена и их торговых палат после прихода нацистов к власти; недовольством существующей системой внешнеполитической пропаганды, надеждами на её усиление в новых условиях. В статье показано, что руководство бюро экономической информации Гамбург-Бремен само стремилось сделать организацию подконтрольной гитлеровскому режиму, поэтому ещё до официального вхождения в структуру министерства народного просвещения и пропаганды провело кадровую «унификацию» и начало выпускать материалы в пронацистском ключе. В нацистской Германии основанная в Гамбурге организация перешла под контроль государства, обеспечивалась стабильным финансированием и прочей поддержкой. Прежние направления деятельности были сохранены и усилены. Результатом исследования является вывод о том, что в отношении бюро экономической информации Гамбург-Бремен речь следует вести не о насильственной «унификации», а скорее о «самоунификации».

Ключевые слова:

бюро экономической информации, торговая палата Гамбурга, торговая палата Бремена, внешняя пропаганда, внешняя разведка, пресса, НСДАП, нацистская Германия, министерство пропаганды, унификация

Германский национал-социализм явился не только внутренним феноменом, превратившим страну после узурпации власти в тоталитарное, террористическое по отношению к различным группам собственного населения государство, но также примером агрессивной внешней политики, которая была направлена на создание базирующегося на расовых принципах «нового порядка» и привела к трагедии многие народы Европы и всего мира. Совместная борьба антигитлеровской коалиции с германской экспансией смогла обеспечить низложение нацистского режима в 1945 г. Итогом судебного процесса в Нюрнберге стали обвинительные решения и наказания для нацистских преступников. Однако, несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия, угрозы со стороны диктаторских режимов не только не устранены, но и проявляют себя со всё большей силой в XXI в. Это способствует тому, что изучение истории Германии периода национал-социализма сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Важным элементом укоренения нацистского режима в стране после назначения Адольфа Гитлера канцлером 30 января 1933 г. стала «унификация» (нем. Gleichschaltung) всех сторон общественной жизни, которая во втором издании составленного Корнелией Шмитц-Бернинг «Словаря национал-социализма» определяется как «устранение политического и организационного плюрализма путём подчинения существующих структур и институтов национал-социалистическому фюрер-принципу» [\[1, S. 277\]](#). В этой связи закономерно встают следующие вопросы. Всегда ли «унификация» носила насильственный характер? Если какие-то структуры сами стремились стать подконтрольными режиму, то с чем это было связано? Как изменилась деятельность этих структур после вхождения в систему государственного аппарата нацистской Германии?

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на указанные вопросы на примере бюро экономической информации Гамбург-Бремен (сокр. БЭИ, нем. Aufklärungs-Ausschuss Hamburg-Bremen). Данная организация была создана торговой палатой Гамбурга после начала Рурского кризиса 1923 г. для проведения экспортной пропаганды за рубежом [2, с. 91]. Основные направления деятельности БЭИ в Веймарской Германии и механизм использования «доверенных лиц» (нем. Vertrauensleute) для продвижения прогерманских статей в иностранной прессе были раскрыты в следующей публикации [3]. Однако история данной пропагандистской структуры после прихода нацистов к власти вплоть до настоящего времени остаётся малоизученной, хотя отдельные аспекты затрагивались в работах по различным смежным темам. Так, в недавно изданном исследовании Клаудии Кемпер и Ханны Ренчлер об ответственности торговой палаты Гамбурга за преступления периода национал-социализма БЭИ посвящён параграф объёмом 10 страниц. В нём на основе анализа документов различных гамбургских архивов показано, как указанная пропагандистская организация стала «важным инструментом нацистского режима» [4, S. 132]. Акцент в тексте сделан на вопросах финансирования и особенностях деятельности БЭИ в 1933-1945 гг. При этом процесс включения основанной в Гамбурге пропагандистской организации в систему нацистского государства проработан недостаточно полно. За пределами изложения остались также некоторые важные моменты функционирования БЭИ в период диктатуры А. Гитлера, которые могут быть раскрыты с учётом трофейных немецких документов, хранящихся в Российском государственном военном архиве (сокр. РГВА). Кроме того, в настоящей статье были использованы некоторые материалы из Федерального архива ФРГ (нем. Bundesarchiv, сокр. BArch), Политического архива МИД ФРГ (нем. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, сокр. PA AA) и Национального архива Великобритании (англ. The National Archives of the United Kingdom, сокр. TNA), доступные в оцифрованном виде на официальных сайтах этих документохранилищ.

Цель исследования — охарактеризовать процесс включения БЭИ в систему государственного аппарата нацистской Германии.

Достижение данной цели невозможно без обращения к тому влиянию, которое оказал мировой экономический кризис 1929-1933 гг. (сокр. МЭК) на хозяйство Германии, благосостояние предпринимательских кругов Гамбурга и Бремена и деятельность БЭИ на завершающем этапе функционирования Веймарской республики.

Внезапный обвал котировок на Нью-Йоркской бирже 24 октября 1929 г. стал предвестником экономического кризиса, сначала развернувшегося в США, а затем распространившегося на весь мир. С 1929 по 1932 г. производство промышленной продукции капиталистических стран снизилось на 40% [5, с. 116]. Экономический упадок достаточно быстро проявился в Германии, чьё хозяйство было тесно связана с экономикой США и зависимо от получаемых со стороны американских банков кредитов. Хозяйственные показатели Германии была отброшены на десятилетия назад, к уровню XIX в., характерными чертами для экономики страны наряду с падением производства стали также разорение предприятий, банков, крестьянских хозяйств и массовая безработица [6, с. 83]. Развернувшийся экономический кризис наносил существенный удар по психологической стабильности в обществе, навевал мысли о катастрофе 1923 г. с её гиперинфляцией. Это способствовало радикализации населения, недоверию к умеренным политическим силам и готовности к экстраординарным мерам. Результаты парламентских выборов сентября 1930 г. и второе место на них национал-социалистической немецкой рабочей партии (нем. Nationalsozialistische Deutsche

Arbeiterpartei (NSDAP), сокр. НСДАП) внушали опасения иностранным инвесторам в стабильности будущей политической ситуации. Из финансовой системы Германии наблюдался отток золота и иностранной валюты [\[7, с. 613; 8, S. 220; 9, S. 126\]](#).

Одним из проявлений стагнации мировой экономики стало сокращение внешней торговли и усиление борьбы различных держав за рынки сбыта путём поднятия таможенных барьеров. Особо губительные последствия кризиса на германскую экономику имели место ввиду её зависимости от вывоза товаров [\[7, с. 623; 8, S. 270\]](#), при этом правительству с трудом удавалось поддерживать экспортную конкурентоспособность страны. Объём внешней торговли Германии с 1928 по 1932 г. упал на 40% [\[10, S. 238\]](#).

Влияние МЭК на севере Германии, в Гамбурге и Бремене следует рассматривать с учётом той ключевой роли, которую играли в хозяйстве обоих городов торговля и перевозки. Приблизительно половина всех германских морских судов заходили в гамбургский порт, а бременский порт являлся вторым по величине в стране [\[11, S. 72\]](#).

Ввиду того, что экономика Гамбурга была преимущественно ориентирована на товарообмен с зарубежными странами, МЭК имел там влияние, по утверждению историка Урсулы Бюттнер, «глубже и дольше, чем в других регионах Германии» [\[12, S. 44\]](#). Если обратиться к количественным показателям торговой активности Гамбурга в разгар кризиса, то они выглядели следующим образом: ввоз товаров через гамбургский порт опустился на 35%, вывоз на 31%, объём всего морского товарооборота на 33% [\[10, S. 238\]](#). В 1932 г. в городе каждый второй рабочий и каждый третий служащий остались без работы [\[13, S. 346\]](#).

Многие видные торговые, судоходные и судостроительные компании Гамбурга испытывали серьёзные трудности, которые в некоторых случаях приводили к их разорению. Так, в июне 1931 г. обанкротилась фирма «Шлубах, Тимер унд Ко» (нем. Schlubach, Thiemer und Co), с 1867 года занимавшаяся торговлей в различных частях мира и обладавшая обширными плантациями и представительствами в Центральной Америке и Африке. Подобная судьба ожидала многие прежде успешные гамбургские торговые фирмы, и лишь поддержка правительства могла спасти некоторые из них от ликвидации [\[10, S. 239\]](#).

Резкое сокращение на 30% наблюдалось в сфере морских пассажирских перевозок. Это привело к тому, что акции крупнейшей судоходной компании Гамбурга «ГАПАГ» (нем. Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft (сокр. HAPAG), также Hamburg-Amerika Linie) обесценились до 10% от своей номинальной стоимости. От банкротства её уберегло объединение с бременской «Северогерманский Ллойд» (нем. Norddeutscher Lloyd) и помощь со стороны государства для дальнейшего получения банковских кредитов [\[10, S. 239-240\]](#).

Средняя занятость в гамбургском порту упала к 1932 г. по сравнению с 1928 г. приблизительно в 2 раза. Крупнейшая судостроительная компания Гамбурга «Блом унд Фосс» (нем. Blohm & Voss) сократила штат сотрудников с 10700 (в 1929 г.) до 2449 (1932 г.) [\[10, S. 240\]](#). Историк Андреас Мейхофф писал в этой связи, что производство судов там не было прекращено полностью только благодаря поддержанному правительством заказу со стороны «ГАПАГ» на два новых корабля [\[14, S. 53\]](#).

Сходные процессы происходили в Бремене. Товарообмен через бременский порт упал в

1931 г. на 15,9%, в 1932 г. — ещё на 12,4%, при этом сокращение в большей степени коснулось вывоза товаров (24%) [\[15, S. 543\]](#). Интенсивность морских перевозок и заказы судостроительных компаний также сокращались. Известная верфь «Везер» (нем. Aktien-Gesellschaft «Weser»), не имея больших проектов, была вынуждена заниматься ремонтом и демонтажом старых судов [\[15, S. 522\]](#). Банкротство крупнейшей шерстопрядильной компании «Нордволле» (нем. «Norddeutsche Wollkämmerei & Kammgarnspinnerei», сокр. «Nordwolle»), продукция которой экспортировалась из бременского порта по всему миру, привело к банковскому кризису в Германии. В частности, в 1931 г. был вынужден закрыться «Шрёдер Банк» (нем. «J.F. Schröder Bank»), финансирующий судоходные и судостроительные компании Бремена. Попытки поддержать кризисные предприятия приводили к расстройству финансов и нависанию угрозы банкротства уже над Бременом и Гамбургом в целом.

Всё вышеперечисленное подтверждает разрушительное влияние МЭК на экономические круги обоих германских городов. Это не могло не отразиться на финансировании различных проектов, в частности БЭИ. Следует заметить, что торговые палаты Гамбурга и Бремена усилили взаимодействие для минимизации последствий кризиса. В частности, бременские предприниматели в 1931 г. официально присоединились к управлению БЭИ [\[4, S. 128\]](#). Поэтому название организации в скором времени изменилось с «бюро экономической информации торговой палаты Гамбурга» на «бюро экономической информации Гамбург-Бремен». Однако подобной меры оказалось недостаточно. Важнейшей частью пропагандистской активности БЭИ являлось скрытое продвижение прогерманских статей для публикации в зарубежной прессе [\[3\]](#). В разгар МЭК количество разосланных материалов сократилось на треть, штат сотрудников был урезан наполовину, из-за нехватки средств нависла угроза свёртывания некоторых направлений деятельности (BArch. R 43-I/2529. Bl. 127-129). Бюджет организации складывался из поступлений частного бизнеса и непостоянных субсидий со стороны государственных органов. В своём послании в МИД 23 ноября 1931 г. руководство БЭИ жаловалось, что «плохое экономическое положение привело к тому, что многие фирмы, убеждённые в необходимости функционирования пропагандистской структуры, перестали платить взносы, так как больше не имели возможность делать этого» (BArch. R 43-I/2529. Bl. 126). В 1931 г. в адрес БЭИ со стороны частного бизнеса поступила только четверть средств от того объёма, который был доступен ранее. Накопленные за годы существования резервы также были израсходованы, и для продолжения работы были задействованы средства, предназначенные на следующий 1932 год (BArch. R 43-I/2529. Bl. 130).

В связи с этим руководство БЭИ было вынуждено обратиться за финансовой помощью к государству. Акцент в обращениях делался на необходимости усиления политической пропаганды для противодействия деятельности иностранных государств, стремящихся выставить Германию в дурном свете, в частности, неспособной ввиду экономического коллапса и политической нестабильности выполнять заключённые договорённости. Сокращение деятельности БЭИ ввиду недостаточного финансирования выставлялось в качестве насущной угрозы для экспортной активности страны. Кроме того, речь шла о риске потерять связи, сформированные за годы пропагандистской работы в различных странах мира. Как было указано в вышеупомянутом послании руководства БЭИ к МИД: «Если теперь наши тексты перестанут производиться и рассылаться в должном объёме, иностранные газеты в своих публикациях будут использовать возрастающий поток французского, английского, североамериканского и др. пропагандистского материала» (BArch. R 43-I/2529. Bl. 129).

В итоге правительство предоставило БЭИ дополнительные денежные средства, а министерства — материалы для публикаций в зарубежной прессе (BArch. R 43-I/2529. Bl. 117, 122, 142). Доступные источники не дают ясной картины того, как оценивали объём данной помощи руководители БЭИ, однако очевидно, что под влиянием МЭК «основанная в Гамбурге организация всё больше стала подпадать под влияние государства» [3]. Приход нацистов к власти должен был ещё больше усилить данный процесс, учитывая те связи, которые сложились между НСДАП и экономическими кругами Гамбурга и Бремена.

Нараставшее со временем недовольство мерами, которые осуществляло для преодоления кризиса правительство Г. Брюнинга (политика «дефляции»), приводило к тому, что часть экономической элиты Гамбурга и Бремена обращала своё внимание на те политические силы, которые могли предложить альтернативу существующему курсу. При этом отношение к НСДАП было изначально крайне настороженным. Это объясняется, с одной стороны, провозглашаемым нацистскими идеологами стремлением к достижению экономической автаркии, а с другой — склонностью к радикализму в методах достижения политических целей, проявлявшемся, в частности, в уличном насилии. Гамбургских и бременских предпринимателей, многие из которых поколениями преумножали своё состояние за счёт взаимодействия с зарубежными странами и поэтому неизбежно ратовали за принцип «свободной торговли», на первый взгляд, мало что могло сблизить с нацистским движением. Однако постепенно картина стала изменяться и отдельные, в первую очередь, молодые представители влиятельных коммерческих семей начали более интенсивно взаимодействовать с НСДАП [10, S. 266].

Немаловажную роль в этом сыграли успехи нацистской партии на выборах в рейхстаг и местные парламенты. В частности, в Гамбурге НСДАП, по словам историка Мартина Крюгера, «в 1920-е гг. постепенно и устойчиво обеспечивала себе доступ к политической жизни» [16, S. 124]. В итоге, на выборах в гамбургский парламент 24 апреля 1932 г. нацисты заняли первое место с результатом 31,2%.

Рост популярности открывал лидерам НСДАП возможность прихода к власти легальным путём. Для этого было важно придать партии бóльший престиж и представительность, а также обеспечить дополнительные вливания в партийную казну для участия в затратных избирательных кампаниях [17, с. 33-34]. Это могло быть достигнуто, в первую очередь, за счёт углубления связей с хозяйственными кругами страны. Одним из инструментов, который использовался для этого на севере Германии, стал Гамбургский национальный клуб (нем. Hamburger Nationalklub), на заседаниях которого 1 декабря 1930 г. выступил А. Гитлер, а в марте 1931 г. в качестве докладчика принял участие Йозеф Геббельс. Консолидировать различные региональные экономические круги для поддержки А. Гитлера также стремился сторонник нацистской партии, промышленник Вильгельм Кепплер. В марте 1932 г. он по заданию «фюрера» посетил Гамбург, чтобы прозондировать почву для углубления совместной работы НСДАП с ведущими предпринимателями города. В ноябре 1932 г. в «круге Кепплера» было составлено и отправлено письмо президенту Паулю Гинденбургу, в котором продвигалась идея назначения А. Гитлера канцлером. Среди 16 подписантов 5 являлись представителями бизнес-сообщества Гамбурга: Эмиль Гельферих, Франц Виттхофт, Курт Вёрман, Карл Кругман, Эрвин Мерк [18]. Нацистские планы беспощадной борьбы против «версальского диктата» и парламентской системы Веймарской Германии под влиянием кризиса со временем смогли примирить гамбургские и бременские предпринимательские круги со стремлением НСДАП к достижению экономической автаркии.

Назначение А. Гитлера канцлером 30 января 1933 г. стало началом демонтажа государственного строя Веймарской республики. Как справедливо указывал в своей работе историк Олег Юрьевич Пленков: «Несмотря на легальный характер прихода к власти, изменения в системе государственной власти Германии, предпринятые нацистами, носили революционный характер...» [\[19, с. 475\]](#). На протяжении первой половины 1933 г. был разработан ряд законов, призванных установить контроль нацистской партии над общественными и политическими процессами в стране. В частности, 31 марта 1933 г. были приняты «Предварительный закон об унификации земель» (нем. «Vorläufiges Gesetz zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich»), согласно которому состав местных законодательных органов должен быть сформирован исходя из результатов на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. Кроме того, региональные правительства теперь могли издавать законы без согласования с местными парламентами. Логическим продолжением данного акта стал принятый 7 апреля 1933 г. «Закон об унификации земель» (нем. «Zweites Gesetz zur Gleichschaltung der Länder mit dem Reich»). Согласно ему вводилась должность штаттгальтеров (нем. Reichsstatthalter), которые становились наместниками правительства в различных землях Германии и приобретали ряд важнейших прав: назначать и увольнять председателей правительств, а также чиновников и судей земель; распускать местные законодательные органы; утверждать и публиковать местные законы [\[20, с. 74-75\]](#). Принятие обоих постановлений было направлено на устранение самостоятельности административно-территориальных образований Германии и их подчинение централизованной вертикали власти, основанной на нацистской идеологии.

В соответствии с двумя вышеупомянутыми, а также прочими законодательными актами была проведена «унификация» Гамбурга и Бремена.

В составе сформированных гамбургских сената и парламента теперь доминировали нацисты. Однако лидеры НСДАП не решились немедленно выдвинуть на должность бургомистра старого члена партии, а предпочли компромиссную фигуру для создания впечатления, что «придерживаются старой гамбургской традиции возлагать ответственность за город и его жителей на сведущих, достойных и уважаемых людей без учета партийной принадлежности» [\[12, S. 74\]](#). Новым бургомистром стал банкир и промышленник К. Крогман, один из подписантов письма П. Гинденбургу в поддержку А. Гитлера. В своей речи 10 мая 1933 г. К. Крогман пытался выявить преемственность устанавливаемого диктаторского режима в истории, заявив, что «действующий отныне в Германии фюрер-принцип ранее многие столетия господствовал в Гамбурге» и «лишь с Реформации началось сползание города к такому чуждому для него явлению как парламентаризм» [\[18\]](#). Подлинная власть при этом находилась не у бургомистра, а в руках руководителя гамбургских нацистов Карла Кауфмана, который 16 мая 1933 г. был назначен штаттгальтером. В городе были распущены партии и профсоюзы, газеты оказались под контролем НСДАП [\[21, S. 540\]](#). Из общественной жизни начали последовательно вытесняться евреи [\[16, S. 127\]](#). В частности, из пленума торговой палаты Гамбурга были исключены все члены еврейского происхождения, в том числе известный банкир Макс Варбург. В президиум организации были направлены четыре комиссара для контроля за проведением «унификации» [\[18\]](#). Выборы в пленум отменялись, а его члены и президент отныне стали назначаться сенатом. Новым президентом торговой палаты Гамбурга стал Герман Хюббе, молодой (32 года на момент назначения) представитель известной гамбургской коммерческой семьи.

Таким образом, учитывая возможность контрмер в городе, где исторически были сильны

как либеральные, так и коммунистические силы и большую роль в хозяйстве играли евреи, НСДАП в Гамбурге действовала постепенно, стараясь на первом этапе после прихода к власти опираться на местные традиции и поддерживать пронацистски настроенных влиятельных деятелей, как правило, более молодого поколения.

«Унификация» Бремена и его торговой палаты была осуществлена сходным образом. Бремен, как и Гамбург, в нацистское время потеряли статусы и привилегии вольных городов.

Все государственные, экономические и общественные организации Гамбурга и Бремена и всей страны в скором времени были «унифицированы». Брутальные методы, государственный террор против несогласных заставлял часть из них для собственной безопасности инициативно двигаться навстречу гитлеровскому режиму. Другие не под страхом или принуждением, но сугубо по утилитарным мотивам распознали в нацистской диктатуре возможности для собственного процветания. Последний случай был характерен для БЭИ, руководство которого увидело перспективы дальнейшей деятельности во взаимодействии с министерством народного просвещения и пропаганды (сокр. МНПП).

Пропаганда занимала важнейшее место в деятельности нацистов и оказала весомое содействие для их прихода к власти. Идеологические работы лидеров НСДАП 1920-х гг. были наполнены пассажами о необходимости продуманного продвижения собственного мировоззрения. Нацистская партия в Веймарской Германии, по словам историка Петера Лонгериха, в своей основе являлась пропагандистским движением [\[22, S. 291\]](#). Отсюда неудивительно, что после назначения А. Гитлера канцлером и победы НСДАП на парламентских выборах 5 марта 1933 г., 13 марта 1933 г. было создано новое министерство народного просвещения и пропаганды, руководителем которого стал ведущий нацистский пропагандист Й. Геббельс. Вся пропагандистская активность различных министерств теперь должна была консолидироваться в едином ведомстве. В качестве одной из задач новообразованной структуры официально было обозначено «информирование иностранной общественности о сущности и задачах нацистского государства» [\[23, S. 29\]](#). За предыдущие годы Й. Геббельс и его товарищи по партии приобрели значимый опыт того, как следует внедрять нацистскую идеологию в умы германского населения. Получение в свои руки государственных средств могло позволить усилить масштаб этого воздействия. Однако уязвимым местом новообразованного министерства могла стать именно пропаганда за рубежом, ввиду того, что прежде она занимала подчинённое положение в НСДАП в сравнении с пропагандистской работой внутри страны. Это проявилось уже весной 1933 г., когда зарубежные СМИ наполнились враждебными сообщениями с критикой преследования евреев и политических оппонентов нацистов в Германии [\[24, S. 109-110\]](#). Й. Геббельс, занятый выстраиванием внутренней структуры и согласованием полномочий своего ведомства, которые продлились вплоть до осени 1933 г. [\[25, S. 81\]](#), провалил свой первый вызов в сфере внешнеполитической пропаганды. Как писал историк Хельмут Михелс: «Начальная фаза деятельности министерства пропаганды за рубежом оставила после себя груду осколков, причиной чего стали действия его руководителя» [\[24, S. 130\]](#). Вялая пропагандистская работа в иностранных государствах оказывала влияние на внешнюю политику, вела к изоляции Германии на мировой арене. Исправлять ситуацию в тот момент приходились МИД. Со стороны его сотрудников в адрес ведомства Й. Геббельса была направлена жёсткая критика: жалобы касались отсутствия поддержки и недостатка пропагандистского материала, который мог убедительно объяснить репрессивную

политику А. Гитлера для населения иностранных государств [\[24, S. 128-129\]](#). Прохладные отношения между МНПП и МИД были характерны для всего периода нацистской диктатуры [\[26, S. 103\]](#).

Ведомству Й. Геббельса самостоятельно и в максимально короткие сроки было необходимо решить вопрос об усовершенствовании внешнеполитической пропаганды, поэтому чиновники министерства должны были проявлять значительную заинтересованность в тех структурах, которые ранее уже достигли определённых успехов в данной сфере.

БЭИ безусловно заслуживало внимания с их стороны, учитывая также, что с весны 1933 г. самостоятельно предприняло ряд мер, которые оправдывали проводимую А. Гитлером политику. Ответом зарубежных стран на преследование евреев стал бойкот германских товаров, наносивший очередной весомый удар по благосостоянию коммерческих кругов Гамбурга и Бремена. Поэтому для воздействия на иностранную общественность в недрах организации были составлены и распространялись за рубежом листовки, критиковавшие сложившееся общественное мнение и отрицавшие террор и расовую дискриминацию в Германии [\[27, S. 262\]](#). Кроме того, с марта по июль 1933 г. БЭИ была проведена первая пропагандистская кампания в зарубежной прессе. На основании списка публикаций, вышедших в свет в тот период в иностранной печати (РА АА. RZ 214/98433. Вл. 79-104), можно выделить три основных темы, которым были посвящены тексты основанной в Гамбурге организации: ложность антигерманской пропаганды за рубежом; «действительное» состояние еврейского вопроса Германии; положительные стороны внутренней и внешней политики правительства А. Гитлера.

Нацисты ещё до прихода к власти установили контакт с БЭИ через руководителя его берлинского представительства Вильгельма Гроссе, который с 1929 г. информировал о деятельности основанной в Гамбурге структуры будущих значимых фигур в пропаганде нацистской Германии: Отто Дитриха и Вальтера Функа [\[27, S. 46-47\]](#). Поэтому неудивительно, что после назначения А. Гитлера канцлером и создания МНПП руководство БЭИ интенсифицировало поиск возможностей по углублению взаимодействия с государством. Одним из первых шагов для этого стало подписание 15 апреля 1933 г. соглашения о совместной работе БЭИ с отделом прессы германского правительства [\[28, S. 56\]](#). Однако более перспективным могло быть установление прямых контактов с новообразованным МНПП. 20 апреля 1933 г. В. Гроссе составил «Докладную записку о скрытом влиянии на общественное мнение зарубежных стран как в настоящее время важнейшем и финансово приемлемом методе систематической немецкой внешнеполитической и контрпропаганды» (нем. «Denkschrift vom 20. April 1933 über die getarnte Beeinflussung der öffentlichen Meinung des Auslandes als z. Zt. wichtigste und finanziell tragbarste Methode einer systematischen deutschen Auslands- und Abwehrpropafanda»), которую на протяжении весны-лета 1933 г. наряду с прочими материалами о деятельности БЭИ рассылал различным государственным ведомствам. Благодаря посредничеству статс-секретаря имперской канцелярии Г. Ламмерса докладная записка в июне 1933 г. была направлена в МНПП (РГВА. Ф.1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 145-146). Чтобы понять, чем данный документ мог быть интересен Й. Геббельсу и сотрудникам его ведомства, следует более подробно остановиться на его содержании.

Данная докладная записка по сути представляла собой расширенную и систематизированную версию прежних посланий, с которыми руководители БЭИ обращались, в частности, к МИД в разгар МЭК. В ней указывались слабые стороны существующей пропагандистской системы Германии и выдвигались конкретные

предложения по её улучшению. С точки зрения организационной структуры В. Гроссе отстаивал позицию, что при существовании различных, выполняющих узкие задачи ведомств, вся прямая германская пропаганда в зарубежных странах должна быть подчинена единому центру, а именно МНПП (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 11-12). При этом в докладной записке рекомендовалось создать специальный комиссариат и ввести должность комиссара, в задачи которого входила бы координация деятельности различных германских организаций, занимающихся скрытой внешнеполитической пропагандой. Подобное частичное отступление от принципа централизации было необходимо для достижения большей секретности (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 24-25).

Необходимость реформирования пропаганды за рубежом обосновывалась, как и прежде, угрозами со стороны государств-оппонентов Германии на мировой арене (в частности, Франции и Польши), которые, с точки зрения автора докладной записки, смогли достичь значительных успехов в своей пропагандистской работе, активно используя не прямые методы воздействия (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 9, 12, 20, 25). В. Гроссе предлагал обратиться к опыту данных стран и в новых условиях усилить именно скрытую внешнеполитическую пропаганду. Маскировка продвигаемых в материалах идей и источника происхождения, характерная для скрытой пропаганды, по его мнению, могла позволить избежать того отторжения у иностранцев, которое зачастую возникало перед навязчивой и неприкрытой агитацией (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 15-16).

Естественно, в обновлённой пропагандистской системе Германии В. Гроссе важнейшее место отводил БЭИ, которое за десятилетие своего существования, по его словам, превратилось в крупнейшую германскую организацию в сфере скрытой пропаганды за рубежом (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 14) и имело весомые преимущества в сравнении с другими государственными ведомствами (МИД, военным министерством, представительствами торговых палат за рубежом) и частными структурами (в первую очередь, культурной, научной и экономической ориентации) (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 12-13). Описывая основное направление деятельности БЭИ, скрытое проникновение в иностранную прессу, автор докладной записки подтверждал его эффективность следующими цифрами: в месяц сотрудниками организации создавалось около 80 статей политического, культурного и экономического содержания, которые публиковались благодаря посредничеству порядка 400 «доверенных лиц» в примерно 800 крупных газетах мира, издававшихся на 16 иностранных языках, с аудиторией около 18 млн. читателей (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 14-15, 17). Работа БЭИ согласно докладной записке осуществлялась за счёт бюджета в 150 тысяч марок (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 18).

Залог эффективности БЭИ В. Гроссе видел в том, что в его работе учитывалась разница между внутренней и внешней, прямой и скрытой пропагандой. Поэтому пропагандистские материалы организации составлялись с учётом менталитета населения той страны, на которую они были направлены. Кроме того, он обращал внимание на то, что успех предыдущей работы БЭИ зиждился на синтезе связей торговых кругов Гамбурга и Бремена и опыта государственных ведомств (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 19). Данное взаимодействие за счёт деятельности БЭИ было значительно углублено в 1920-е гг.

В докладной записке также предлагался ряд конкретных предложений по улучшению внешнеполитической пропаганды. Основными из них были: во-первых, упоминавшееся ранее установление единой пропагандистской структуры; во-вторых, расширение деятельности БЭИ. Что касается последнего, то за счёт дополнительных финансовых вливаний (увеличение бюджета на 200-300 тысяч марок) В. Гроссе предлагал усилить

продвижение старых и вербовку новых «доверенных лиц», которые обладали связями в иностранной прессе; ускорить передачу пропагандистских материалов за счёт использования авиасообщения и телеграфа; расширить штат авторов, переводчиков, художников; развивать взаимодействие БЭИ с другими ведомствами; наладить научное исследование иностранной прессы и пропаганды и др. (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 20-28)

Отсюда следует, что в докладной записке не подразумевались какие-то революционные изменения в работе БЭИ. В. Гроссе предлагал использовать уже существующий потенциал организации, обеспечить ей стабильное финансирование и сделать ядром скрытой внешнеполитической пропаганды новой Германии. С его точки зрения, подобная логика действий была бы финансово выгодна государству: в текущих условиях создание «с нуля» новой действующей структуры, занимающейся скрытой пропагандой, обошлось бы в несколько миллионов марок и потребовало многие годы на установление тех связей во многих странах мира, которые уже были налажены БЭИ (РГВА. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 19).

К продвижению идеи о необходимости интенсификации внешнеполитической пропаганды и поддержки со стороны государства деятельности БЭИ присоединился также новый президент торговой палаты Гамбурга Г. Хюббе. В своём послании Й. Геббельсу 30 июня 1933 г. он в сходных с докладной запиской формулировках обрисовал преимущества пропагандистской организации, среди прочего, сделав акцент на возможном расширении тайной информационной службы из-за рубежа, что обеспечило бы отправку в МНПП на регулярной основе сообщений о положении иностранных государств [\[28, S. 57\]](#). Этот аспект наверняка являлся немаловажным для Й. Геббельса, учитывая, что натянутые отношения с МИД, имевшим приоритет для проведения такой деятельности, могли затруднять ему оперативный и всеобъемлющий доступ к данной информации.

С учётом поступивших к нему материалов Й. Геббельс должен был понимать, что под его контролем в лице основанной в Гамбурге организации мог оказаться полноценный, отлаженный механизм, при этом напрямую не ассоциирующийся с национал-социализмом [\[27, S. 260\]](#). Как итог, между МНПП и БЭИ 20 июля 1933 г. было заключено официальное соглашение [\[4, S. 130\]](#), по которому основанная частным образом организация стала прямо подчинена ведомству Й. Геббельса, впоследствии работая в тесной взаимосвязи с его отделами IV b (иностранная пресса) и VII (заграница).

Кадровая «унификация» БЭИ развернулась ещё до официального вхождения в МНПП и проходила параллельно с «унификацией» торговых палат Гамбурга и Бремена. Новым председателем правления пропагандистской организации в марте 1933 г. [\[27, S. 261\]](#) стал коммерсант, советник К. Кругмана Э. Гельферих, один из подписантов письма П. Гинденбургу в поддержку А. Гитлера. Свои должности сохранили директор, ответственный за всю практическую работу БЭИ, Г. Йохансен и руководитель отделения в Берлине В. Гроссе. Э. Гельферих и Г. Йохансен стали членами НСДАП весной-летом 1933 г., В. Гроссе вступил в партию ещё раньше — в 1932 г. [\[27, S. 260\]](#). Уже 24 апреля 1933 г. последний писал, что кадровая «унификация» БЭИ главным образом выполнена [\[27, S. 260\]](#). В руководящие органы БЭИ в скором времени были введены представители МНПП, других министерств, экономических объединений, а также различных структур нацистской партии [\[28, S. 58-59\]](#).

Как изменилась деятельность БЭИ после вхождения в структуру МНПП?

В первую очередь следует отметить, что торговые палаты Гамбурга и Бремена потеряли прямой контроль над организацией, которая в соответствии с подписанным с ведомством Й. Геббельса соглашением отныне не имела права разглашать детали своей работы сторонним ведомствам. Однако подобные строгие предписания касались, главным образом, политической и культурной пропаганды. Вместе с тем БЭИ продолжало заниматься экспортной пропагандой, что могло быть частью маскировки её основной деятельности [\[27, S. 264\]](#). В сфере продвижения германских товаров за рубежом оно по-прежнему активно взаимодействовало с различными экономическими структурами Германии, которые выделяли для этих целей специальные средства (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). При этом МНПП контролировало любые дополнительные финансы, поступавшие БЭИ, а со своей стороны обеспечивало стабильный основной бюджет для её функционирования (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). Уже с лета 1933 г. в адрес организации усилился поток материальных средств и заданий со стороны ведомства Й. Геббельса [\[4, S. 129\]](#). В конце года были основаны представительства БЭИ в Брюсселе, Лондоне, Милане, Париже, Праге и Риме [\[4, S. 133\]](#). Впоследствии в 1935 г. Г. Йоханнсен в одном из своих посланий упоминал сумму в 280 тысяч марок, предоставляемую со стороны МНПП [\[4, S. 130\]](#). Следует добавить, что ранее названные руководители БЭИ (Э. Гельферих, Г. Йоханнсен, В. Гроссе) оставались таковыми на протяжении 1930-х гг. Без учёта «доверенных лиц» штат сотрудников составлял приблизительно 86 человек (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

С момента включения основанной в Гамбурге организации в структуру МНПП она действовала полностью в русле нацистской идеологии. Пропагандистская обработка населения зарубежных стран служила в качестве подготовки и сопровождения нацистских внешнеполитических акций. В первые годы материалы БЭИ были направлены на обеспечение доверия к гитлеровскому режиму за рубежом, создание образа стабильной Германии, надёжной и открытой для политического и экономического сотрудничества с иностранными государствами [\[4, S. 132\]](#). Продвигаемые идеи по-прежнему преподносились, главным образом, в скрытой форме, и для пропагандистских материалов был характерен сдержанный тон и опора на факты [\[28, S. 63\]](#). Название БЭИ, что было также характерно для деятельности в Веймарской Германии, нигде не фигурировало, в целях прикрытия использовался ряд специально созданных структур (пресс-служб, издательств и т.д.). Усиление напряжённости в Европе и мире с середины 1930-х гг. стали основой для ещё более динамичной работы организации. После начала Второй мировой войны БЭИ активно взаимодействовало с верховным командованием вермахта [\[4, S. 137\]](#).

Приведённые в «Обзоре структуры и деятельности бюро экономической информации Гамбург-Бремен и связанных с ним самостоятельных ведомств по состоянию на август 1939 г.» (нем. «Übersicht über Organisation und Tätigkeit des Aufklärungs-Ausschusses Hamburg-Bremen und der ihm angeschlossenen selbständigen Unternehmen nach dem Stande vom August 1939»), который был передан руководством БЭИ вместе с прочими материалами на хранение в Имперский архив в Потсдаме, данные за 1938 г. показывают, что пропагандистская активность организации за рубежом была значительно интенсифицирована. За этот год для публикации в иностранной прессе было разослано 2100 статей (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 5), что более чем в два раза превосходило показатели, указанные В. Гроссе в докладной записке в начале 1933 г. При этом количество иностранных языков, на которые переводились созданные немецкими авторами тексты, возросло с 16 до 27 (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). По словам

историка Петера Лонгериха, БЭИ являлось ведущей организацией в Германии в сфере распространения пропагандистских материалов в иностранной прессе [29, S. 303]. Публикация статей осуществлялась как в провинциальных, так и в крупнейших столичных периодических изданиях зарубежных стран. Особенно ценными для руководства БЭИ считались те газеты и журналы, которые никак не были связаны с национал-социализмом и изначально негативно настроены по отношению к Германии [27, S. 264]. Взаимодействие с иностранной прессой по-прежнему осуществлялось посредством «доверенных лиц», количество которых согласно «Обзору» сократилось с 400 до 350 (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 5). Учитывая тот факт, что число созданных в Германии материалов возросло, это может свидетельствовать о том, что организация рационализировала свою деятельность, отказавшись от малоэффективных агентов.

На протяжении 1933-1939 гг. БЭИ углубляло связи с зарубежными издательствами, что способствовало публикации ряда прогерманских книг и брошюр за рубежом, в частности, в Великобритании и Швеции. Наиболее солидной из них, вероятно, следует признать книгу «Германия говорит» (брит. издание: *Germany speaks*. London: Butterworth, 1938. 407 p.; швед. издание: *Tyskland talar*. Stockholm: Medén. 1939. 266 s.), которая представляла собой развернутую презентацию построенного к тому времени нацистского государства. Введение к ней было написано И. Риббентропом, а главы по различным сферам государственной и общественной жизни Германии — соответствующими министрами и прочими ответственными чиновниками. Примечательно, что среди авторов отметился также директор БЭИ Г. Йоханнсен, который, вероятно, внёс наибольший организационный вклад в издание данной книги. Однако в тексте обозначенной за его авторством главы «Сущность „пропаганды“ в Германии» он в общих чертах остановился не на внешней, в которой, учитывая его огромный опыт с 1920-х гг., он являлся экспертом, а на внутренней стороне пропагандистской деятельности.

Автором нескольких вышедших на английском языке изданий меньшего формата являлся британский журналист Бертрам де Колонна (*Colonna B. Czecho-Slovakia Within*. London: Butterworth, 1938. 126 S.; *Colonna B. Poland from the Inside*. London: Cranton, 1939. 167 S.), «доверенное лицо» БЭИ в Великобритании. Даже после начала Второй мировой войны, находясь в Копенгагене, он предпринимал попытки опубликовать прогерманские статьи в британской прессе, однако был разоблачен британцами как германский пропагандист, работающий на МНПП, что отражено в документах службы контразведки МИ5 (англ. *Military Intelligence*, сокр. *MI5*) (TNA. KV 2/3403).

После вхождения БЭИ в структуру МНПП продолжилось издание испаноязычного журнала «Ревиста Алемана» (исп. «*Revista Alemana*», пер. «Немецкий журнал»), распространявшегося в Испании и Южной Америке. Начиная с 1932 г. и до 1936 г., он выходил сдвоенными выпусками объёмом в 80-100 страниц, а затем отдельными номерами, но с меньшим количеством страниц. С начала 1935 г. журнал стал издаваться под своей классической, концептуальной обложкой, изображавшей направляющуюся из Европы в Америку каравеллу Христофора Колумба и паривший над ней в том же направлении современный германский дирижабль. Журнал выходил до 1944 г., в нацистский период было издано 38 из 44 выпусков. В «Ревиста Алемана» публиковались новости актуальных политических событий в Европе, преподносившиеся с германской точки зрения. Тексты об особенностях внутренней и внешней жизни Германии зачастую выходили за авторством ведущих деятелей нацистского режима, таких как Й. Геббельс, О. Дитрих, В. Функ, А. Розенберг и др. Весомый блок статей был посвящён различным деталям экономических отношений Германии с Испанией и странами Латинской Америки, функционированию гамбургского и бременского портов, продукции германских

экспортных компаний и т.д. Также в журнале немалое место занимали материалы о событиях культурной жизни, которые связывали Германию с испаноязычными странами. Авторами статей данной направленности зачастую являлись дипломаты, известные журналисты, писатели и учёные из Испании и Латинской Америки.

В 1934-1938 гг. БЭИ также издавался аналогичный журнал на португальском языке «А Нова Алеманья» (португ. «A Nova Alemanha», пер. «Новая Германия»), предназначенный для Португалии и Бразилии.

В рамках БЭИ после прихода нацистов к власти усиленно функционировала тайная информационная служба из-за рубежа: в Германию поступало ежегодно 120-140 сообщений (РГВА. Ф.1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 4), содержащих информацию об особенностях внутренней и внешней политики различных стран. К примеру, из Англии за 1938 год было получено не менее 55, за 1939 год — 44 подобных материала. Сообщения «доверенных лиц» не предназначались для всеобщей публикации, после обработки в Германии ими могли воспользоваться лишь одобренные со стороны МНПП чиновники заинтересованных ведомств.

Таким образом, за счёт стабильной государственной поддержки БЭИ после вхождения в структуру МНПП не только смогло поддержать на прежнем уровне, но и расширить свою активность.

Возвращаясь к поставленным в начале статьи вопросам, следует признать, что в случае БЭИ нельзя говорить о насильственной «унификации». Речь в данном случае идёт скорее о «самоунификации», которая была обусловлена целым рядом причин: негативным влиянием МЭК и на этом фоне усилением взаимодействия с государством ещё до прихода нацистов к власти; сближением части гамбургских и бременских экономических кругов с НСДАП на закате Веймарской республики ввиду успехов партии на местных и общегосударственных выборах; быстротечным процессом «унификации» Гамбурга и Бремена и торговых палат обоих городов после прихода нацистов к власти; недовольством существующей системой внешнеполитической пропаганды, надеждами на её усиление при национал-социализме. Ввиду всего вышесказанного руководство БЭИ само стремилось сделать организацию подконтрольной гитлеровскому режиму, поэтому ещё до официального вхождения в структуру МНПП провело кадровую «унификацию» и начало выпускать материалы в пронацистском ключе. В нацистской Германии БЭИ было обеспечено стабильным финансированием и прочей государственной поддержкой. Прежние направления деятельности (скрытое проникновение в иностранную прессу, распространение печатной продукции, тайная информационная служба) были сохранены и усилены. БЭИ взаимодействовало с различными ведомствами и имело возможность привлекать в качестве авторов своих пропагандистских материалов ведущих деятелей гитлеровской Германии. Крепко встроенная в систему внешнеполитической пропаганды нацистского режима рассматриваемая организация прекратила своё существование вместе с его падением в 1945 году.

Библиография

1. Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin; New York: De Gruyter, 2007. 762 p.
2. Нурисламов Р. Р. Рурский кризис 1923 г. и основание бюро экономической информации Гамбург-Бремен // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 83-95. doi: 10.18384/2310-676X-2023-1-83-95 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.istpolitmgou.ru/jour/article/view/1586/1467> (дата обращения: 05.11.2023)

3. Нурисламов Р.Р. Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и скрытая пропаганда Веймарской Германии за рубежом в 1923-1932 гг. // Genesis: исторические исследования. 2023. № 10. С. 70-80. doi: 10.25136/2409-868X.2023.10.38990 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38990 (дата обращения: 05.11.2023)
4. Kemper C., Rentschler H. Handlungsspielräume und Verantwortlichkeiten der Handelskammer Hamburg während der NS-Zeit. Berlin: Metropol-Verlag, 2023. 392 p.
5. Варга Е.С. Экономические кризисы до Второй мировой войны. 1927–1938. М.: Ленанд, 2022. 244 с.
6. Борозняк А.И. Германский опыт преодоления последствий кризиса в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Мировой экономический кризис конца 1920-х-начала 1930-х гг.: история и современность: материалы круглого стола 20 апреля 2009 г. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2009. С. 83-87.
7. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы / пер. с англ. А. Гуськова; под научн. ред. Е. Антоновой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 637 с.
8. Knortz H. Wirtschaftsgeschichte der Weimarer Republik. Eine Einführung in Ökonomie und Gesellschaft der ersten Deutschen Republik. Göttingen, Oakville: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 300 p.
9. Megerle K. Weltwirtschaftskrise und Aussenpolitik // Geschichte als politische Wissenschaft // Hrsg. J. Bergmann. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. S. 116-140.
10. Büttner U. Politische Gerechtigkeit und sozialer Geist: Hamburg zur Zeit der Weimarer Republik. Hamburg: Christians, 1985. 311 p.
11. Büttner U. Hamburg zur Zeit der Weimarer Republik. Hamburg: Landeszentrale für polit. Bildung, 1996. 221 p.
12. Zwischen Demokratie und Diktatur: nationalsozialistische Machtaneignung in Hamburg // Hrsg. U. Büttner, W. Jochmann. Hamburg: Christians, 1984. 166 p.
13. Jochmann W. Der Untergang der Weimarer Republik und Hitlers Aufstieg zur Macht // Studia z najnowszej historii Niemiec i stosunkow polsko-niemieckich // Pod. red. S. Sierpowskiego. Poznan: Wyd-wo nauk. UAM, 1986. Pp. 341-353.
14. Meyhoff A. Blohm & Voss im «Dritten Reich»: eine Hamburger Großwerft zwischen Geschäft und Politik. Hamburg: Christians, 2001. 605 p.
15. Schwarzwälder H. Geschichte der freien Hansestadt Bremen. Bd. 3: Bremen in der Weimarer Republik (1918–1933). Bremen: Röver, 1983. 648 p.
16. Krieger M. Kleine Geschichte Hamburgs. München: Beck, 2014. 158 p.
17. Пауэлс Ж. Большой бизнес и Гитлер. М.: Наше завтра, 2021. 350 с.
18. Bahnsen U. Hanseaten unter dem Hakenkreuz. Die Handelskammer Hamburg und die Kaufmannschaft im Dritten Reich. Hamburg: Wachholtz, 2015. 380 S. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amazon.com/Hanseaten-unter-Hakenkreuz-Handelskammer-Kaufmannschaft-ebook/dp/B00UX2SXMM> (дата обращения: 05.11.2023)
19. Пленков О.Ю. Государство и общество в Третьем рейхе: проект национал-социализма. СПб.: Владимир Даль, 2017. 762 с.
20. Баев В.Г., Марченко А.Н. Государственный строй нацистской Германии. М.: Юрлитинформ, 2015. 173 с.
21. Klessmann E. Geschichte der Stadt Hamburg. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1984. 608 p.
22. Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda // Deutschland 1933-1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft // Hrsg. K. Bracher. Dusseldorf: Droste, 1993. S. 291-314.
23. Krings S. Das Propagandaministerium. Joseph Goebbels und seine Spezialisten // Das

Goebbels-Experiment. Propaganda und Politik // Hrsg. L. Hachmeister, M. Kloft. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2005. Pp. 29-48.

24. Michels H. Ideologie und Propaganda: Die Rolle von Joseph Goebbels in der nationalsozialistischen Außenpolitik bis 1939. Frankfurt/Main etc.: Lang, 1992. 458 p.

25. Mühlenfeld D. Vom Kommissariat zum Ministerium. Zur Gründungsgeschichte des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda // Hitlers Kommissare.

Sondergewalten in der nationalsozialistischen Diktatur // Hrsg. R. Hachtmann, W. Süß. Göttingen: Wallstein, 2006. Pp. 72-92.

26. Bramsted E. Goebbels und die nationalsozialistische Propaganda 1925–1945. Frankfurt am Main: Fischer, 1971. 631 p.

27. Stoop P. Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Pressepolitik und die Niederlande 1933–1940. München: Saur, 1987. 453 p.

28. Schwarzenbeck E. Nationalsozialistische Pressepolitik und die Sudetenkrise 1938. München: Minerva-Publikation, 1979. 630 p.

29. Longerich P. Propagandisten im Krieg: Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München: Oldenburg, 1987. 356 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Бюро экономической информации Гамбург-Бремен и приход нацистов к власти: случай одной «самоунификации»?»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах научности, объективности, историзма. В работе использован системный и комплексный подходы.

Актуальность темы определяется, как отмечает автор статьи тем, что «германский национал-социализм явилсяпримером агрессивной внешней политики... и привела к трагедии многие народы Европы и всего мира. Совместная борьба антигитлеровской коалиции с германской экспансией смогла обеспечить низложение нацистского режима в 1945 г. Итогом судебного процесса в Нюрнберге стали обвинительные решения и наказания для нацистских преступников. Несмотря на прошедшие с тех пор десятилетия, угрозы со стороны диктаторских режимов не только не устранены, но и проявляют себя со всё большей силой в XXI в. Это способствует тому, что изучение истории Германии периода национал-социализма сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени».

Научная новизна определяется самой постановкой темы и задач исследования. Научная новизна обусловлена всесторонним и комплексным изучением темы на основе широкого круга источников литературы последних лет по исследуемой и смежным темам.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности, что делает ее доступной широкому кругу читателей, всем кто интересуется историей Германии периода 1920-1940-ые годы. Структура работы направлена на достижение цели и задач, отличается логичностью и последовательностью. В начале статье автор раскрывает актуальность исследования, цель исследования -«охарактеризовать процесс включения БЭИ в систему государственного аппарата нацистской Германии», задачи и новизну исследования. Далее автор показывает какие причины и факторы привели к «самоунификации Бюро экономической Гамбург-Бремен (сокр. БЭИ, нем. Aufklärungs-

Ausschuss Hamburg-Bremen)», организации, которая была создана «торговой палатой Гамбурга после начала Рурского кризиса 1923 г. для проведения экспортной пропаганды за рубежом». Автор пишет о влиянии мирового экономического кризиса МЭК на экономику Гамбурга и Бремена, а также на деятельность БЭИ, руководство которого «было вынуждено обратиться за финансовой помощью к государству» и это послужило началом процесса «самоунификации», последующие события: назначение Гитлера канцлером Германии, выборы бургомистра в Гамбурге, активная пропагандистская деятельность НСДАП, ряд законодательных актов и др. факторы в конечном итоге привели «самоунификации» городов Гамбург и Бремен, которые «потеряли статусы и привилегии вольных городов». Все государственные, экономические и общественные организации Гамбурга и Бремена и всей страны в скором времени были «унифицированы». Автор отмечает, что «Брутальные методы, государственный террор против несогласных заставлял» государственные, экономические и общественные организации делать выбор, при этом «часть из них для собственной безопасности инициативно двигалась навстречу гитлеровскому режиму». А «другие не под страхом или принуждением, но сугубо по утилитарным мотивам распознали в нацистской диктатуре возможности для собственного процветания». Автор статьи пишет, что «последний случай был характерен для БЭИ, руководство которого увидело перспективы дальнейшей деятельности во взаимодействии с министерством народного просвещения и пропаганды (сокр. МНПП)» И с момента включения БЭИ в эту организацию она стала действовать «полностью в русле нацистской идеологии». Подводя итоги, автор разъясняет причины «самоунификации БЭИ и приходит к следующему выводу, что «В нацистской Германии БЭИ было обеспечено стабильным финансированием и прочей государственной поддержкой. Прежние направления деятельности (скрытое проникновение в иностранную прессу, распространение печатной продукции, тайная информационная служба) были сохранены и усилены. БЭИ взаимодействовало с различными ведомствами и имело возможность привлекать в качестве авторов своих пропагандистских материалов ведущих деятелей гитлеровской Германии». С падением нацистского режима БЭИ также прекратило свое существование.

Библиография списка статьи показывает что автор хорошо разбирается в теме и активно использовал фундаментальные монографии и статьи зарубежных авторов, написанных в 1970-1980-ые годы, а также в последние четверть века, в основном на немецком языке (число этих работ составляет двадцать один), кроме того им же использованы две переводные работы немецких исследователей. Библиография статьи является одним из достоинств рецензируемой работы и способствовало достижению цели и поставленных задач. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над статьей. Апелляция также представлена на уровне библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Рецензируемая статья посвящена интересной и актуальной теме, будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Королева Л.А. Работа с партийными кадрами во второй половине 1980-х гг. (по материалам Пензенской области) // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.69348 EDN: ORCZKW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69348

Работа с партийными кадрами во второй половине 1980-х гг. (по материалам Пензенской области)

Королева Лариса Александровна

доктор исторических наук

профессор, кафедра истории и философии, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

440028, Россия, г. Пенза, ул. Титова, 28

✉ la-koro@yandex.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.69348

EDN:

ORCZKW

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2023

Аннотация: Предмет исследования – система подготовки партийных кадров в Пензенской организации КПСС. Дается краткий обзор отечественной и зарубежной историографии по изучаемому вопросу. Особое внимание автора обращено на то, что для успешного решения задач «перестройки» по совершенствованию социалистического государства от партийных работников требовались новые знания и умения для эффективной работы в условиях демократизации советского общества и гласности при сохранявшемся контроле со стороны парторганизаций. Тогда как большинство советско-партийных руководителей продолжали действовать привычными «застойными» методами, что не соответствовало не только провозглашавшимся с трибун партийных форумов призывам (например, январский 1987 г. пленум ЦК КПСС, XIX Всесоюзная партийная конференция), но и не отвечало запросам трудящихся на местах. Исследование проведено на основе обобщения и анализа материалов Государственного архива Пензенской области – фондов Пензенского обкома КПСС, Кузнецкого городского комитета партии). Научная новизна исследования состоит в том, что впервые

рассматриваются причины и предпосылки изменения кадровой политики КПСС на региональном уровне – на примере Пензенской области. В политическую практику вводятся новаторские формы: выборы руководящего состава на конкурсной основе, обсуждение в низовых коллективах выдвигавшихся кандидатур, изменение принципов формирования кадрового резерва и т. п. Продолжалось развитие системы подготовки и повышения квалификации советско-партийных работников (курсы, университеты соответствующего профиля, школы резерва, конференции и др.). Тем не менее, социологический опрос 1989 г. в г. Кузнецке показал явную неудовлетворенность рядовых граждан процессами демократизации и гласности в регионе, неспособность Кузнецкой партийной организации возглавить необходимое на тот момент обновление партийной жизни, социально-экономической обстановки.

Ключевые слова:

СССР, КПСС, марксизм-ленинизм, перестройка, демократизация, гласность, кадры, повышение квалификации, областной комитет партии, Пензенская область

Вопросы кадровой политики актуализируются в кризисные и сложные периоды развития общества. В СССР во второй половине 1980-х гг. наличие квалифицированных кадров выступало неперенным условием успешного осуществления целей «перестройки».

Изучением опыта, тенденций и противоречий работы с партийными кадрами во второй половине 1980-х гг. занимались В. В. Алексеев [\[1\]](#), В. Я. Бондарь [\[2\]](#), Г. А. Борщевский [\[3\]](#), Е. И. Волгин [\[4\]](#), П. К. Гончаров [\[5\]](#), М. В. Котляров [\[6\]](#), П. В. Кузьмин, Л. Г. Халанская [\[7\]](#), В. А. Яцков [\[8\]](#) и др. Изменения в партийных организациях, в том числе в кадровых вопросах, в условиях «перестройки» непосредственно в Пензенской области рассматривали О. В. Мельниченко [\[9\]](#), И. В. Сеелев [\[10\]](#) и др. К теме советской номенклатуры, формирования партийной элиты, кадровым вопросам активно обращались зарубежные исследователи. Так, профессор Кембриджского университета Д. Лейн считал, что партийно-государственная элита не была единой, представляла собой совокупность разноректорных элит с отдельными сферами влияния, которые постоянно пополнялись [\[11\]](#). Профессор политологии С. Уайт утверждал, что гласность, новая избирательная система 1988 г. способствовала развитию реального парламентаризма в СССР [\[12\]](#).

На январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что успех «перестройки» в решающей степени зависел от того, насколько быстро и глубоко кадры осознают необходимость перемен, творчески и целеустремленно будут проводить в жизнь линию партии. На принципиальную важность данного положения указала и XIX Всесоюзная партийная конференция. На конференции говорилось, что изменения происходили, но крайне медленно, поскольку многим партийным комитетам, партработникам нелегко давалась наука овладения новыми методами работы; не все из них умели действовать в обстановке гласности и демократии.

Одним из способов решения этих проблем представлялась организация подготовки и переподготовки высококвалифицированных партийных кадров с учетом новых задач и условий. И до апреля 1985 г. подбору, расстановке и воспитанию кадров придавалось большое значение; эти вопросы обсуждались на пленумах и заседаниях бюро, партсобраниях, конференциях и пр.; руководители, активисты, резерв на выдвижение

плановмерно проходили обучение. Однако в решении кадровых вопросов зачастую допускались субъективизм, заорганизованность, формализм; подготовка резерва сводилась порой к составлению списков с включением туда заведомо неприемлемых кандидатур. Заведующий отделом организационно-партийной и кадровой работы Пензенского обкома КПСС Б. И. Чернов в 1989 г. отмечал, что «слабое, оторванное от мнения трудового коллектива, знание людей, неглубокое изучение политических, деловых и нравственных качеств кадров нередко приводило к тому, что руководителями становились люди, не обладающие для этого необходимыми качествами, а порой и явно недостойные» [13, л. 11]. Так, в течение 1984–1988 гг. в Пензенской области было освобождено от занимаемой должности 70 руководителей совхозов и колхозов, которые не справились с обязанностями или скомпрометировали себя. В совхозе «Новый Малосердобинского района, например, за этот период сменилось 3 директора и большинство главных специалистов. В марте 1986 г. директором совхоза «Валовайский» Пачелмского района был назначен В. Киселев, которого уже в следующем году освободили от занимаемой должности, как не обеспечившего руководства. С аналогичной формулировкой в 1987 г. после полугода работы был уволен секретарь парткома совхоза «Покровский» Пачелмского района А. Колодкин. Довольно высокой была текучесть среди секретарей партийных организаций колхозов и совхозов области: каждый шестой из них был освобожден от занимаемой должности по отрицательным мотивам.

Обычной практикой стали выборы руководителей различного ранга на конкурсной основе, постепенно заменявший партийный принцип назначения – избрания на ответственные должности [3, с. 6–7]. Таким образом в регионе в 1987–1988 гг. были избраны в первый секретарь Башмаковского райкома партии, секретарь Бековского райкома КПСС, секретари нескольких райком ВЛКСМ и т. д. Причем, в отдельных случаях избирались не рекомендованные вышестоящими органами, и выдвинутые трудовыми коллективами, или по собственной инициативе. Выборы сопровождались широкими дискуссиями, дебатами кандидатов и т.п. И порою главными «зачинщиками» выступали коммунисты. Так, именно по требованию партийных организаций были освобождены от занимаемой должности, как неоправдавшие оказанного им доверия, директора совхоза «Мокшанский» Мокшанского района и «Танеевский» Лунинского района, начальник производственно-монтажного управления «Волгопромвентиляция» и др.

В духе развития демократических начал в жизни общества, Пензенский и Нижнеломовский горкомы КПСС, Бессоновский и Иссинский райкомы КПСС и др., ряд парткомов первичных организаций при формировании резерва на выдвижение вынесли все кандидатуры на открытое обсуждение в парторганизациях и трудовых коллективах, при наличии нескольких кандидатур – объявлялся конкурс. Заведующий отделом организационно-партийной и кадровой работы Пензенского обкома КПСС Б. И. Чернов следующим образом охарактеризовал выдвижение кадров в резерв в производственном объединении «Заря»: «Результат превзошел все ожидания. Обсуждение каждой кандидатуры проходило активно, принципиально и, что очень важно, – доброжелательно. Тем, кого воздержались рекомендовать в резерв, по-товарищески советовали лучше проявлять себя в деле, закалить характер, стать потребовательнее, подумать об учебе» [13, л. 13–14]. Действительно, такое публичное формирование кадрового резерва позволяло объективнее оценивать способности людей к руководящей работе, способствовало повышению ответственности самих кандидатов и выдвигавших их коллективов.

Однако предоставление низовым партийным звеньям и трудовым коллективам права

самостоятельных выборов своих руководителей не означало ликвидацию контроля за процессом со стороны обкома, горкомов и райкомов КПСС. Бюро Пензенского обкома партии разработало и утвердило четкую систему организации работы с резервов кадров, в соответствии с которым проводился анализ его качественного состава, вырабатывали меры по улучшению по подготовки и т.п. Кузнецкий и Пензенский горкомы, Бессоновский и Железнодорожный райкомы партии составили двух- и трехгодичные единые планы работы с кадрами, постоянно делали прогнозы кадровых перемещений и пр.

Действенным средством контроля за практической деятельностью кадров являлись систематические собеседования с ними с обновлением характеристик работников. Так, в 1987–1988 гг. такие собеседования прошли 1200 руководителей, в том числе в обкоме партии – почти 60% входивших в номенклатуру обкома. Обком КПСС проводил собеседования с секретарями горкомов, райкомов партии; горкомы и райкомы – с секретарями первичных парторганизаций, заведующими отделами и другими ответственными партработниками. В итоге, 16 партийных работников были освобождены, как не соответствовавшие занимаемой должности. С целью более объективной оценки политической зрелости и деловых качеств работников, степени их подготовленности к выполнению своих обязанностей в условиях «перестройки» с 1987 г. вводится аттестация работников обкома, горкомов, райкомов КПСС, руководящих кадров облизполкома, облкомитета народного контроля, облсовпрофа, обкома ВЛКСМ. К началу 1988 г. аттестацию прошли примерно 30% всех ответственных работников региона.

Первый секретарь Пензенского обкома партии Ф. М. Куликов в контексте поддержки «перестроечных» процессов обеспечивал стабильную работу партаппарата. Но руководство понимало, что «особенно трудно психологически перестроиться тем руководителям, которые годами занимались подбором кадров и формированием резерва келейно, в узком кругу, при закрытых дверях», поэтому обком поставил перед партийными организациями задачу «терпеливо, но настойчиво и целеустремленно учить руководителей демократическим методам руководства, открытости и гласности в работе» [\[13, л. 15\]](#). В статье Пензенского обкома КПСС «Вырабатывать новый подход к подбору и подготовке кадров», подготовленной для ИПК АОН при ЦК КПСС, прямо говорилось: «Понятно, что сейчас никто не будет выступать открыто против широкой демократии и гласности в работе с кадрами, против выборности руководителей. Однако парторганизации должны быть готовы пресекать всякие, даже малейшие попытки заорганизовать как сами выборы, так и выдвижение в резерв, сделать их ... спектаклем, разыгрываемым по сценарию того или иного руководителя» [\[13, л. 15-16\]](#). Действительно, на местах во многом сохранялись прежние тенденции в практике властей. Бюро обкома КПСС признавало, что «процессы демократизации, наработка новых политических методов руководства партийными комитетами, изживание командно-административного стиля, разделение функций партийных и советских органов идут медленно» [\[13, л. 64\]](#). 12 февраля в центральной газете «Правда» была опубликована статья местного корреспондента Е. Потлова с говорящим названием «Укрощение гласности» с резкой критикой Городищенского райкома КПСС, где вскрывались недостатки в его работе по подбору и воспитанию руководящего состава: «... Старые кадры застойных времен на многих ключевых постах срединных постах еще крепки. ... Они постараются максимально использовать свои силы и власть, чтобы утвердиться, вымыть из общественного сознания ²заразу вольнодумства², вновь приучить к показушной дисциплине ²разболтанные перестройкой низы²» [\[14\]](#).

На многочисленных собраниях партийных организаций, например, Пензенской фабрики

игрушек и художественных изделий, совхоза «Соседский» Башмаковского района и др., звучала резкая критика в адрес руководства за склонность к партийному администрированию, приверженность к административно-командному стилю руководства, недооценку экономических методов, всестороннего учета интересов людей при выработке управленческих решений и т. п.

ЦК КПСС большое внимание уделял вопросам марксистско-ленинской теоретической подготовки, сущности современной стратегии и политики партии. Пензенским обкомом партии осуществлялась единая система непрерывного партийно-политического образования руководящих работников, включавшая в себя обучение в Академии общественных наук при ЦК КПСС, высших партшколах, на курсах повышения квалификации. Например, в 1984–1988 гг. АОН при ЦК КПММ очно и заочно окончили 4 партийных работника, Саратовскую высшую партийную школу (ВПШ) – около 200 коммунистов. В 1989 г. в Высшей партийной школе обучалось 163 коммуниста областной парторганизации; уже 43% секретарей и 23% заведующих отделами горкомов и райкомов имели высшее партийно-политическое образование. Слушателей АОН при ЦК КПСС и ВПШ рассматривали, как правило, как потенциальных партийных и советских работников, для выдвижения на вышестоящие должности. Так, выпускник АОН при ЦК КПСС В. Н. Садчиков возглавлял редакцию газеты «Пензенская правда», второй секретарь Бековского райкома КПСС А. А. Павлов после окончания ВПШ был избран председателем райисполкома, заведующую организационным отделом Колышлейского райкома КПСС В. А. Михайлову выдвинули в аппарат обкома КПСС, секретаря парткома совхоза «Рудовский» Башмаковского района М. И. Молодцову избрали секретарем райкома партии. 20% выпускников курсов повышения квалификации партийных, советских и идеологических работников обкома КПСС были направлены на более ответственную советско-партийную и хозяйственную работу.

На курсах повышения квалификации партийных, советских и идеологических работников обкома КПСС ежегодно обучалось около 580 чел., с 1988 г. – 1500 чел. На курсах читали лекции и проводили семинарские и практические занятия высококвалифицированные преподаватели – более 60 докторов и кандидатов наук, 20–25 ответственных работников обкома КПСС, облисполкома, руководителей областных предприятий и ведомств. Широко применялись такие активные формы обучения, как «круглые столы», беседы, деловые игры, логические блоки (т.е. выделение нескольких учебных дней для изучения какой-то одной главной проблемы) и пр. Для проведения выездных практических занятий обком КПСС определил в качестве базовых свыше 100 партийных комитетов, Советов народных депутатов. Так, на примере Октябрьского района г. Пензы изучался опыт работы парторганизаций по партийно-политическому обеспечению перестройки хозяйственного механизма; в г. Кузнецке – работа с кадрами; в Бессоновском, Кузнецком и Лунинском районах – партийное руководство агропромышленными комплексами; в Железнодорожном районе г. Пензы – работа с выборным активом; в Тамалинском районе – использование демократических начал в работе местных Советов и т. д.

Наряду с курсами, значительную роль в повышении квалификации советско-партийных кадров в регионе играли Университет научно-технического прогресса со специализацией по отраслям хозяйства и Университет марксизма-ленинизма при обкоме партии. Особого внимания заслуживали школы резерва кадров при горкомках и райкомках партии (Пензенский и Кузнецкий горкомы, Лунинский райком КПСС и др.). Так, в школе резерва при Ленинском райкоме КПСС г. Пензы функционировали два факультета – партийного строительства и кадров управления. В программе факультетов

предусматривались вопросы эффективного управления экономикой, работа в условиях демократии и гласности и т. п. Из 360 выпускников школы подавляющее большинство получили новые предложения. Например, начальник отдела Института «Гипромаш» Ю. Н. Шляпников стал его директором, начальник цеха Д. Н. Зайцев – заместителем генерального директора производственного объединения «Электромеханика» и др.

Изучению ключевых вопросов «перестройки» в основе анализа региональных социально-экономических условий, повышению квалификации советско-партийных кадров способствовали ежегодно проводившиеся в области научно-практические конференции, выездные заседания и семинары. Например, в работе по совершенствованию учебного процесса на курсах при обкоме КПСС, улучшению его результативности обком партии поддерживал тесные контакты с Институтом повышения квалификации руководящих партийных, советских и идеологических кадров АОН при ЦК КПСС, с Саратовской высшей партийной школой. Например, в мае 1988 г. совместно с Саратовской ВПШ состоялась научно-практическая конференция «Нравственное воспитание трудящихся в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития страны», где выступали второй секретарь обкома партии А. Ф. Ковлягин, заведующий кафедрой научного коммунизма Саратовской ВПШ доктор философских наук, профессор В. А. Шабалин и др. В 1989 г. состоялась научно-практическая конференция «Партийную работу- на уровень требований XIX Всесоюзной партийной конференции».

Несмотря на все предпринимавшиеся меры, далеко не все партийные работники понимали сущность «перестройки» и адекватно реагировали на требования текущего момента, и в результате КПСС утрачивала свои позиции, в том числе и на региональном уровне. Так, по результатам социологического опроса 1989 г. в г. Кузнецке с второй по численности парторганизацией в области после г. Пензы показал, что респонденты не видели реальных перемен «перестройки»; увеличение гласности отметило 35% респондентов, требовательности – 17%; примерно 30% указывали, что городские коммунисты не смогли стать авангардной силой [\[15, л. 7\]](#).

Таким образом, советско-партийное руководство страны, начиная «перестройку», стремилось сохранить преемственность своего курса, включая кадровую политику. Система подготовки и повышения квалификации кадров была планомерной и комплексной. Но призывы к обновлению на местах не всегда поддерживались консервативными установками местных властей.

Библиография

1. Алексеев В. В. Противостояние группировок внутри Политбюро и ЦК КПСС при М. С. Горбачеве (1985–1991) // Дискуссионные вопросы современной исторической науки. Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина (1929–2019) / Под общ. ред. Л. С. Белоусова. СПб.: Алетейя, 2020. С. 171–182.
2. Бондарь В. Я. Преемственность ленинских идей и современной кадровой политики КПСС // Вопросы истории КПСС. 1987. № 22. С. 47–61.
3. Борщевский Г. А. Уроки кадровой работы в государственном аппарате периода перестройки // Управленческие науки. 2012. № 3. С. 4–13.
4. Волгин Е. И. Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях политических преобразований в СССР (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 6. С. 31–42.
5. Гончаров П. К. Кадровая политика: советский опыт и российские перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 360–366.

6. Котляров М. В. Проблема формирования руководящих кадров КПСС в период перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и властные отношения в современном мире: Материалы IX научно-практической конференции, приуроченной к 15-летию Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 30–31 марта 2006: Доклады. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. Т. 1. С. 348–351.
7. Кузьмин П. В., Халанская Л. Г. Кризис развития КПСС (1980 – начало 1990-х гг.): содержание и социально-политические последствия (к 30-летию разрушения Советского Союза) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 80–93.
8. Яцков В. А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы. М.: Мысль, 1986.
9. Мельниченко О. В. К вопросу о трансформации партийного аппарата Пензенской организации КПСС в 1990–1991 гг. // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион: Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 52–58.
10. Сеелев И. В. Кризис общественного доверия к партийным организациям Среднего Поволжья в период перестройки в Советском Союзе в 1985–1991 годах // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3 (17). С. 129–133.
11. Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic? // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. – Edward Elgar, Aldershot, 1992. P. 15–16.
12. White S., Rose R., McAllister I. How Russia votes. New Jersey: Chatham, 1997.
13. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. п-148. Оп. 1. Д. 7228. Л. 11.
14. Потлов Е. Укрощение гласности // Правда. 1989. 12 февраля. С. 2.
15. ГАПО. Ф. п-274. Оп. 41. Д. 3. Л. 7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Эпоха Перестройки привела к кардинальным изменениям в жизни советского общества: впервые за многие десятилетия граждане нашей страны столкнулись с такими понятиями, как валюта, безработица, забастовки. А чего стоит авария на Чернобыльской АЭС, череда других техногенных и природных катастроф, обрушившихся в тот период на пространство 1/6 части. Все вышеизложенное предъявляло повышенные требования к управленцам, как высшего, так и среднего уровня.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является работа с партийными кадрами во второй половине 1980-х гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть отбор кадров, показать преемственность кадровой политики, выявить приоритеты проводимой властями Перестройки примерно к кадрам.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать вопросы партийной кадровой политики во второй половине 1980-х гг. на материалах Пензенской области. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 15 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Государственного архива Пензенской области, а также

материалами периодической печати. Из привлекаемых автором исследований отметим труды В.А. Яцкова, О.В. Мельниченко, П.К. Гончарова, в центре внимания которых находится рассмотрение различных аспектов кадровой политики советского времени. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей кадровой политики, в целом, так и кадровой политикой КПСС в эпоху Перестройки, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что на «январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что успех «перестройки» в решающей степени зависел от того, насколько быстро и глубоко кадры осознают необходимость перемен, творчески и целеустремленно будут проводить в жизнь линию партии». В работе показано, что «действенным средством контроля за практической деятельностью кадров являлись систематические собеседования с ними с обновлением характеристик работников». Автор обращает внимание на то, что «изучению ключевых вопросов «перестройки» в основе анализа региональных социально-экономических условий, повышению квалификации советско-партийных кадров способствовали ежегодно проводившиеся в области научно-практические конференции, выездные заседания и семинары».

В то же время в Пензенской области, как и во всей стране «далеко не все партийные работники понимали сущность «перестройки» и адекватно реагировали на требования текущего момента, и в результате КПСС утрачивала свои позиции».

Главным выводом статьи является то, что «советско-партийное руководство страны, начиная «перестройку», стремилось сохранить преемственность своего курса, включая кадровую политику», однако «призывы к обновлению на местах не всегда поддерживались консервативными установками местных властей».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Ленчук В.Ю. К вопросу о социальной базе сицилийского государства Секста Помпея: Зарождение киликийского пиратства и первые столкновения с Римом // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11.
DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.72384 EDN: ORQDKV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72384

К вопросу о социальной базе сицилийского государства Секста Помпея: Зарождение киликийского пиратства и первые столкновения с Римом

Ленчук Владислав Юрьевич

аспирант; кафедра истории древнего мира; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Университетская пл., 1

✉ lenchukvy@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Мировая история: эпохи и периоды"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.72384

EDN:

ORQDKV

Дата направления статьи в редакцию:

19-11-2024

Аннотация: Статья посвящена изучению социальной базы сицилийского государства Секста Помпея и роли киликийского пиратства в истории Рима. Особое внимание уделено зарождению киликийского пиратства в III-II веках до н. э. и его первым столкновениям с Римской республикой. Вопросы пиратства в Средиземноморье играли значительную роль в политических процессах, сопровождающих эпоху гражданских войн в Риме. В статье показано, что киликийские пираты являлись не просто

разбойниками, но и ключевыми участниками политических процессов в регионе. Особое внимание уделено кампании Марка Антония Оратора в 102–101 гг. до н. э., которая стала первой значимой римской попыткой положить конец киликийскому пиратству. Установлено, что пиратство значительно способствовало ослаблению Селевкидской державы и повлияло на создание римской провинции Азия. Также исследуется взаимодействие пиратов с восточными монархами, такими как Антиох III и Митридат VI, которые активно использовали пиратов в своих военных кампаниях. Исследование основывается на систематическом анализе античных письменных источников, включая работы Аппиана, Плутарха, Страбона и других авторов. Дополнительно привлекаются археологические данные и исследование эпиграфики, чтобы дать более многогранное представление о феномене пиратства и его значении в политике Восточного Средиземноморья. Методы критического анализа исторических текстов использованы для реконструкции военно-политических событий. Римское отношение к пиратам на протяжении II–I веков до н. э. изменилось от использования их услуг до открытого противостояния. Несмотря на успех кампании Марка Антония, проблемы с пиратством не были решены до появления Гнея Помпея, который в 67 г. до н. э. окончательно подавил пиратство в Средиземном море. Борьба с киликийским пиратством стала важной вехой в развитии римской имперской политики и укреплении контроля над восточными провинциями, что в итоге сыграло значительную роль в установлении римского господства в Средиземноморье. Уникальный подход к исследованию подчеркивает социально-экономические и военно-политические аспекты пиратства, раскрывая его многообразные последствия для античного мира и их влияние на формирование региональных структур власти.

Ключевые слова:

Киликийские пираты, Киликия, Рим, Марк Антоний Оратор, Митридат VI, римская провинция Азия, Секст Помпей, Гней Помпей, Средиземное море, Восточное Средиземноморье

Эпоха гражданских войн I века до н.э. является значительным периодом в истории Древнего Рима, поскольку она стала отправной точкой событий, приведших к созданию Римской империи. Хотя эта эпоха включает множество известных событий, войн и битв, некоторые темы до сих пор не раскрыты на должном уровне. Пиратство II–I веков до н.э. является примером такой темы.

Важно отметить, что римляне называли всех пиратов словом "килийцы". В произведениях античных авторов мы часто встречаем словосочетание "килийские пираты" вне зависимости от их этнической принадлежности. Аппиан относил к киликийским пиратам сирийцев, жителей Кипра, Памфилии и прибрежных стран Понта (Mithr. 94). Киликийские пираты, как описывает Плутарх, помогли Серторию захватить острова Питиусские острова и похитили молодого Юлия Цезаря (Sert. 7; Caes. 1). Они действовали по всему Средиземному морю. Судя по всему, пиратов было довольно много, и римляне не могли их различить. По этой причине они называли всех "килийскими пиратами", что отразилось в произведениях античных авторов.

Современные историки рассматривают киликийское пиратство через призму тех событий и войн, которые лишь частично пересекаются с пиратством (например, Митридатовы войны). Однако мы полагаем, что пиратство I века до н.э. само по себе является самобытным явлением и заслуживает отдельного рассмотрения, а не в контексте других

событий. Хотя пираты не имели собственного государства в полном смысле слова, они смогли стать силой, с которой Рим в итоге был вынужден считаться. Отлаженный механизм морского разбоя наносил ущерб Римской республике в течение первой половины I века до н.э.

Митридат VI первым осознал выгоды сотрудничества с пиратами. Царь Понта нашел в пиратах мощного союзника для трех тяжелых войн против Рима. После войны Гнея Помпея Великого против киликийских пиратов в 67 году до н.э. мы не находим в источниках значительных масштабных действий пиратов против Рима. Однако мы склонны согласиться с рядом отечественных и зарубежных ученых, что пираты сыграли значительную роль в государстве Секста Помпея на Сицилии (43–36 гг. до н.э.).

М.И. Ростовцев связывал пиратство с социальной основой государства Секста Помпея. Разумеется, ученый не противоречил тезису о преобладающей роли рабов в движении Секста Помпея [\[10\]](#). С.И. Ковалев также описывал движение Секста Помпея как "государство рабов и пиратов". Однако в своей работе, опубликованной в 1939 году, он подчеркивал важность рабского элемента, считая пиратство второстепенным фактором [\[5\]](#). Современные российские ученые, такие как А.Б. Егоров и А.Б. Снисаренко, отмечают уникальную роль политических эмигрантов и италиков в государстве Секста Помпея и, что важно для нашего исследования, подчеркивают роль пиратов [\[3; 11\]](#). Напротив, В.Н. Парфенов считает роль рабов незначительной и ставит пиратов и италиков в центр социальной базы Секста Помпея [\[8; 9; 1\]](#).

Зарубежные историки также часто обращались к вопросу социальной базы Секста Помпея. В XIX веке Г. Вебер подчеркивал корсарский характер и пиратский состав сицилийского государства между 43 и 36 годами до н.э. Французский ученый Ж. Мериен утверждал, что Секст Помпей использовал пиратов в своей службе, вероятно, включая некоторых освобожденных рабов [\[17\]](#). Немецкий историк Э. Мароти, изучавший эту тему, пришел к выводу, что пираты играли важную роль в государстве Секста Помпея [\[18\]](#). Пираты все больше становились организованной силой под командованием Помпея, осуществляя морские рейды по его приказу. Движение Секста Помпея было сложным по своему социальному составу. Аристократическая элита вместе с рабами и пиратами сформировала единое государство.

Риму потребовалось время, чтобы уделить должное внимание пиратам. Это можно заключить на основе попыток покончить с пиратством в Киликии, предпринятых до операции Гнея Помпея в 67 году до н.э. Сначала казалось, что несколько военных кампаний в Киликии решат проблему пиратства. Однако даже, казалось бы, успешные кампании, такие как миссия Публия Сервилия Ватия Исаврика (79–74 гг. до н.э.), не имели длительного успеха. Киликийские пираты снова и снова восстанавливались после ударов и продолжали совершать акты пиратства и вооруженного разбоя на море. Дошло до того, что пираты действовали у берегов Италии и похищали знатных римлян (Plut., Caes., 1).

Основным занятием жителей Киликии было пиратство. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, это связано с местностью, где они жили. По словам Страбона, Киликия Трахея была "неровной, скалистой". Казалось, что она создана для разбоя (Strab. XIV.5). Высокие горы заставляли жителей селиться у их подножий на прибрежных равнинах, открытых для набегов. Обилие корабельного леса способствовало развитию кораблестроения. Местные жители успешно занимались навигацией. Однако, помимо природных условий, были и политические причины, которые

кажутся еще более важными.

Киликия была спорной территорией, на которую претендовали Селевкиды и Птолемеи с III века до н.э. В течение нескольких веков этот регион превратился в поле битвы. В результате местное население вело военизированный образ жизни, занимаясь разбоем и пиратством. В III веке до н.э., в войне между Антиохом III Великим и Птолемеем IV Филопатором (Четвертая Сирийская война 219–217 гг. до н.э.), киликийские пираты участвовали в сражениях на стороне Антиоха III [\[4, cc. 220–224\]](#). Для этой статьи нет необходимости подробно описывать ход войны, однако важно выделить некоторые значимые моменты.

Птолемей IV направил посольство к римлянам с жалобой на Антиоха, который силой захватил Сирию и Киликию. Попытки Рима решить конфликт дипломатически оказались безуспешными. В результате Рим был втянут в войну против Антиоха III, который снова использовал силы пиратов для борьбы на море [\[15, cc. 190–197\]](#).

Согласно Аппиану и Полибию, мы знаем, что киликийские пираты участвовали в морском сражении при Мионессе в 190 году до н.э. Тем не менее они не смогли проявить себя: киликийские пираты бежали при виде римского флота (Polyb. XXI.12; App. Syr.29). После двух тяжелых поражений Антиох III начал переговоры, которые привели к заключению Апамейского мира в 188 году до н.э. [\[16, cc. 277–280\]](#). По этому договору Антиох III был обязан отказаться от малоазийских территорий к западу от Таврских гор. Кроме того, что более важно для нашего исследования, Селевкидам было запрещено формировать и поддерживать военный флот в Средиземном море (Liv. XXXVIII.38–39).

М.Г. Абрамзон пишет, что после заключения этого договора мы можем наблюдать, как власть Селевкидов в Киликии угасает. Многие области начали выходить из-под контроля и даже приступили к автономной чеканке монет без королевского портрета [\[1, с. 42\]](#). После заключения Апамейского мира киликийское пиратство стало хаотичным. Пираты часто служили восточным правителям, которые, помимо усиления своего флота, таким образом контролировали их. Отсутствие селевкидского флота давало киликийцам свободу действий.

К середине II века до н.э. Птолемеи и Селевкиды переживали глубокий кризис и не могли противостоять пиратству. Восстание Диодота Трифона против Селевкидов в 146–139 гг. до н.э. стало ключевым событием для развития пиратства [\[11, с. 155\]](#). Диодот Трифон был бывшим рабом, провозгласившим себя сирийским царем. Он намеревался закрепить свою власть в Киликии Трахее с помощью пиратов [\[13, с. 99\]](#). Покровительствуя им, он способствовал развитию морского разбоя в этих районах.

Диодот Трифон основал Коракесий, укрепление на крутой скале, соединенной с материком узким перешейком, своей опорной точкой (Strab. XIV.5.2). Коракесий располагался рядом с хребтом Ташели на западной стороне, а его двойная крепость, Корик, была построена на восточном краю. Пираты со всего побережья находили здесь убежище. По словам Ф. Де Сузы, это место было настолько хорошо приспособлено для обороны, что крепость использовалась еще много веков местными жителями [\[13, с. 98\]](#).

В 139 году до н.э. Антиох VII смог подавить восстание Трифона и заставить его совершить самоубийство. Однако к этому времени киликийские пираты уже слишком прочно закрепились на побережье Киликии. Начали формироваться многочисленные пиратские банды, уже без какого-либо влияния сверху. Сначала киликийские пираты

довольствовались добычей, которую могли получить вдоль маршрутов Леванта. Однако по мере роста их сил опустошение и грабеж распространились на все побережье Малой Азии [\[19, cc. 205-206\]](#).

Один из крупнейших рынков рабов находился на Делосе. Здесь была возможность продавать до десятков тысяч рабов в день. По этой причине пираты стекались сюда под видом работорговцев с награбленным, чтобы сбыть его. Страбон отмечает, что цари Кипра и Египта помогали пиратам, так как те были врагами сирийцев (Strab. XIV.5)

Римляне, разбогатевшие после разрушения Карфагена и Коринфа, были основными покупателями рабов. Поэтому они не сразу озаботились вопросом пиратства. Киликийцы не причиняли прямого ущерба Риму. Кроме того, столь развитый морской разбой окончательно подорвал власть Селевкидов. Тем не менее в 143 году до н.э. Рим решил направить комиссию, включающую Сципиона Эмилиана, в Египет и Азию. Как указывает Страбон, комиссия была отправлена для "наблюдения за положением племен и городов на месте". Сципион Эмилиан и другие сенаторы выяснили, что рост пиратства был вызван политическим кризисом в империи Селевкидов (Strab., XIV, 5, 2).

Римская дипломатическая миссия не увенчалась успехом из-за слабости правительств этих стран. В II веке до н.э. римляне не имели достаточных возможностей для поддержания собственного флота на Востоке, поэтому Малую Азию оставили на произвол судьбы. Киликийские пираты доминировали в регионе, и, более того, римляне поддерживали с ними дружеские отношения [\[7, с. 65\]](#).

Это изменилось в 133 году до н.э., после того как Аттал III завещал Риму Пергамское царство. С этого момента римляне не могли игнорировать пиратство в регионе, поскольку оно напрямую входило в их зону влияния, и морской разбой стал прямой угрозой владениям Римской республики (Just. XXXVII.1). Если римляне и пытались контролировать безопасность на море, у них это не получилось. Операции против морских разбойников в основном проводились по инициативе местных народов. В связи с этим Г. Ормерод упоминает эфесский декрет. Согласно ему, жители Астипалеи были в ярости, узнав о разграблении храма Артемиды Эфесской, и решили лично бороться с пиратами. Есть также свидетельство Диона Кассия о том, что города в Малой Азии не ожидали помощи от Рима и заключали соглашения с киликийскими пиратами (XXXVI.20). Г. Ормерод считает, что большинство населения в Памфилии, Писидии и Киликии к моменту кампании Марка Антония занималось пиратством [\[19, cc. 247-248\]](#).

Таким образом, к началу I века до н.э. киликийские пираты были грозной и опасной силой: у них был большой флот, гавани, верфи, множество хорошо обученных моряков и воинов; их войска были многочисленны и хорошо организованы. Они расширили свое влияние на все Восточное Средиземноморье и начали непосредственно угрожать берегам Апеннинского полуострова. Это требовало мер против пиратов, и для этой цели в Малую Азию был отправлен Марк Антоний (Liv. Ep.68).

О кампании Марка Антония известно немного. Антоний был отличным оратором, за что получил когномен Оратор. Он был квестором в провинции Азия, но не имел заслуг. В 102–101 годах до н.э. сенат направил Марка Антония как проконсула в Киликию для борьбы с пиратами. Скорее всего, отрывок у Цицерона, в котором Марк Антоний рассказывает о своем путешествии, относится именно к этому периоду: *"Однажды проездом в киликийское наместничество мне случилось на много дней задержаться в Афинах из-за неблагоприятной там погоды, и там я вращался ежедневно в обществе ученых, едва ли не тех самых, о которых ты только что говорил..."* (De orat. I.80).

Традиционно считается, что Марк Антоний не воевал на суше. Однако эпиграфика, представленная в работе М.Г. Абрамзона, позволяет предположить обратное. Несколько офицеров Марка Антония, например, претор Гратидиан и квестор Авл Габиний, были убиты в Киликии, что было бы невозможно, если бы Марк Антоний не высаживался на берег [\[1, с. 46\]](#).

Надпись, найденная в Коринфе, сообщает, что римский флот пересек Истм и отплыл в Памфилию, в то же время пропретор Гирр снарядил другой флот в Афинах [\[20, с. 4\]](#). Интересно, что имя командующего на надписи было стерто. А.Н. Шервин-Уайт предполагает, что это было сделано во времена Октавиана, так как было смешение с именем печально известного триумвира [\[20, с. 4\]](#).

Флот, скорее всего, был отправлен не из Италии, так как после войны с Карфагеном и до Митридатовых войн у римлян не было мощного флота. Известно, что Родос и Византий предоставили флот в распоряжение римлян. Отсюда следует, что Марк Антоний набирал моряков и организовывал флот для борьбы с киликийскими пиратами в Азии. А.Н. Шервин-Уайт отмечает, что в 102 году до н.э. Антоний мог быть направлен с проконсульскими полномочиями в Азию, и Киликия рассматривалась как зона его военных действий [\[20, с. 4\]](#).

В 102–101 годах до н.э. Марк Антоний, вероятно, провел ряд военных операций, сведения о которых не сохранились до наших дней. Римское вторжение в Киликию было осуществлено из Ликаонии через Таврский проход. М.Г. Абрамзон считает, что не было необходимости в крупном военном действии, и это объясняет отсутствие подробной информации в источниках. Большая роль в кампании была отведена восточным прибрежным городам, в частности Родосу. Вернувшись из Киликии в Рим, Марк Антоний отпраздновал триумф [\[13, сс. 107–108\]](#).

Открытие пяти колонн с текстом *Lex Romana de pirates persequendis* (Cnidos. III.28–41) в Книде в 1970 году оказалось очень полезным. Надписи на колоннах дополнили похожий текст из Дельф и пролили свет на цели кампании Марка Антония [\[12, сс. 153–167\]](#). Закон датируется 101 годом до н.э., вероятно, концом миссии Марка Антония. Дело в том, что закон обязывал консула, находящегося в Риме, отправить письма восточным правителям, контролирующим побережье Восточного Средиземноморья. Среди них были правители Сирии, Египта, Кирены, Родоса, Кипра. Требование римлян к восточным правителям заключалось в том, чтобы они прекратили деятельность пиратов на своих территориях. Киликийским пиратам не должно было быть позволено отплывать с территорий, подконтрольных восточным правителям, и был наложен запрет на вход пиратов в гавани. Правительствам также было поручено обеспечить безопасность мореплавания для римских граждан [\[14, сс. 205–210\]](#).

Книдские колонны также содержат фрагмент текста, вызывающий дискуссии среди историков (Cnidos. III.35–41). Надпись на одной из колонн служила предупреждением, что римский народ объявил Киликию своей провинцией; так полагает М. Хассел [\[14, с. 209\]](#). Однако А.Н. Шервин-Уайт не согласен и считает, что произошла ошибка при переводе с латыни на греческий. В качестве аргумента ученый приводит другую надпись из Книды, в которой Ликаония также объявлена провинцией, следуя тому же переводу, что невозможно, так как Ликаония была частью провинции Азия [\[20, с. 5\]](#).

М.Г. Абрамзон следует в этом вопросе за А.Н. Шервин-Уайтом и добавляет, что на самом

деле не было необходимости для римлян создавать вторую провинцию в Малой Азии. Римский командующий мог опираться на военные ресурсы провинции Азия, а также на территории, которые Аттал III завещал римскому народу. Таким образом, вопрос о создании провинции Киликия во время кампании Марка Антония является дискуссионным, но мы склонны думать, что А.Н. Шервин-Уайт привел убедительные аргументы. Следовательно, в случае Киликии термин "провинция" означал, что эта область считалась зоной военных действий, и римский магистрат был назначен в Киликию не для управления, а для выполнения функций полицейского надзора – борьбы с пиратством и обеспечения морской безопасности [\[21, cc. 222–224\]](#).

Большинство сведений о феномене "киликийского пиратства" мы черпаем из римских письменных источников и эпиграфики. В свою очередь, римские источники рассматривают киликийское пиратство прежде всего как объект римских военных кампаний. По этой причине сложно создать исчерпывающую и многомерную картину социальных, экономических и культурных механизмов, движущих множеством этнических групп, объединенных под общим названием "киликийские пираты". Однако создание детальной картины политических и военных мер, предпринятых Римом для борьбы с пиратством, может помочь лучше понять его природу.

Отношение Рима к киликийским пиратам не всегда было враждебным. Во II веке до н.э. Рим использовал рабов, которых пираты поставляли на рынки Делоса. В то же время грабежи и разбои, которые пираты устраивали на территории государств Малой Азии, явно были на руку Риму, который прагматично интересовался этим регионом. Все изменилось с образованием римской провинции Азия в 133 году до н.э. на территории бывшего Пергамского царства. С этого момента эти территории находились под непосредственной властью Рима, и киликийское пиратство стало угрожать процветанию новой провинции.

Однако Рим не сразу обратил внимание на эту проблему. Мы знаем, что военная кампания Марка Антония в 102–101 годах до н.э. была первым военным столкновением между Римом и пиратством. Практически нет информации о кампании Марка Антония. Мы также не знаем, за что именно Марк Антоний получил свой триумф. Вероятно, он одержал несколько побед над киликийскими пиратами. Тем не менее, как будет видно в будущем, он все же не достиг успеха. Спустя десять лет киликийские пираты с новой силой присоединятся к Митридату VI, уже не как разбойники, а как сплоченная морская сила.

Известно, что в этот период пираты продолжали свои грабительские набеги на берега Малой Азии. Однако теперь Римская республика уже была в числе тех, кто непосредственно страдал от пиратства. Теперь не могло быть и речи о каком-либо диалоге между Римом и пиратами. Для пиратов грабеж был вопросом выживания. Они не могли отказаться от разбоя и грабежа, в то время как Рим не мог позволить разграбление своей территории. Таким образом, конфликт был неизбежен.

Как упоминалось выше, кампания Марка Антония завершилась триумфом. Однако был ли это действительно триумф? Вероятно, мы многого не знаем, поскольку большинство информации до нас не дошло, но очевидно одно – проблема пиратства не была решена. Возможно, Рим недооценил своего нового врага. Более того, сам Рим, вероятно, способствовал тому, что пираты стали реальной угрозой. В будущем против пиратов будет отправлена не одна военная экспедиция, но они завершатся неудачей. Каждый раз Рим посылал все больше солдат, но не достигал желаемых результатов. Все закончилось только тогда, когда Рим предоставил *imperium* Гнею Помпею в 67 году до

н.э. Используя почти всю мощь Рима, будущий триумвир смог покончить с пиратством в тот момент, когда оно было на пике своей силы, вместо того чтобы расправиться с ним гораздо раньше, когда оно только возникало в 102–101 годах до н.э.

Библиография

1. Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», 2005.
2. Вебер Г. Курс всеобщей истории. История римского государства. Рипол Классик, 2013.
3. Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985.
4. Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. М.: Издательство «Наука», 1969.
5. Ковалев С.И. История Рима. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1986.
6. Кубанова А.И. Движение рабов в гражданской войне 43–36 гг. до н.э. в Сицилии // *Ученые записки*, вып. 8. Тульское книжное издательство, 1958. С. 49–73.
7. Моммзен Т. История Рима. Т. 3. СПб.: «Наука», «Ювента», 1997.
8. Парфенов В.Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
9. Парфенов В.Н. Секст Помпей и сицилийцы // *Античный мир и археология*, вып. 8. Саратов, 1990. С. 63–73.
10. Ростовцев М.И. Рождение римской империи. М.: Издательский дом «Книжная находка», 2003.
11. Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М.: «Мысль», 1986.
12. Badian E., Martin J.R. Two Notes on the Roman Law from Cnidos // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 35. 1979. S. 153–167.
13. De Souza, Philip. Piracy in the Graeco-Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
14. Hassall M., Crawford M., Reynolds J. Rome and the Eastern Provinces at the End of the Second Century B.C.: The So-Called "Piracy-Law" // *Journal of Roman Studies*. Vol. 64. 1974.
15. Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937.
16. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. I–II. Princeton, 1950.
17. Maróti E. Sklavenbewegungen zur Zeit des zweiten Triumvirates // *Antike Gesellschaft*. M., 1967. P. 114.
18. Merrien J. Histoire mondiale des pirates, flibustiers et négriers. Paris, 1959. P. 42.
19. Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. Liverpool: The University Press of Liverpool, 1924.
20. Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia, and Cilicia, 133–70 B.C. // *Journal of Roman Studies*. Vol. 66. 1976. P. 1–14.
21. Sumner G.V. The "Piracy-Law" from Delphi and the Law of Cnidos Inscriptions // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 19. 1978. P. 211–225.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда мы говорим о пиратстве, то на ум в первую очередь приходят современный Африканский рог или Карибское море в XVII - XVIII веках. Однако колыбель

цивилизации - Средиземное море - значительную часть истории также было опасной зоной, где властвовали пираты. Было это и в эпоху античности, а в плен к пиратам попадал сам Юлий Цезарь.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является киликийское пиратство в эпоху античности. Автор ставит своими задачами проанализировать киликийское пиратство и борьбу с ним Рима, а также рассмотреть роль пиратов в становлении сицилийского государства Секста Помпея.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что "пиратство I века до н.э. само по себе является самобытным явлением и заслуживает отдельного рассмотрения, а не в контексте других событий".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском, французском, немецком языках, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором трудов укажет на работы А.Б. Снисаренко, Г. Самнера, Ф. де Соузы, в центре внимания которых находится античное пиратство, а также на общие работы по истории Рима Т. Моммзена и С.И. Ковалева. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как античной историей, в целом, так и пиратством в римскую эпоху, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "килийские пираты снова и снова восстанавливались после ударов и продолжали совершать акты пиратства и вооруженного разбоя на море". В работе показано, что "к началу I века до н.э. киликийские пираты были грозной и опасной силой: у них был большой флот, гавани, верфи, множество хорошо обученных моряков и воинов; их войска были многочисленны и хорошо организованы", угрожали даже Аппенинскому полуострову. Автор отмечает, что сам Рим не разглядел в начале опасность киликийских пиратов: более того, в определенный момент пираты присоединились к движению Секста Помпея. Покончить с пиратами удалось только Гнею Помпею.

Главным выводом статьи является то, что Рим недооценил киликийских пиратов, предоставив им возможность стать сплоченной морской силой.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, например, в заключении, поводя итоги, не проводит связь между киликийскими пиратами и движением Секста Помпея.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в

журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Абрамов А.А. «Он знает, как иметь дело с этими людьми...» Бывший кардинал Теодор Маккаррик и спецслужбы США // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.71583
EDN: OTLCEZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71583

«Он знает, как иметь дело с этими людьми...» Бывший кардинал Теодор Маккаррик и спецслужбы США

Абрамов Александр Александрович

ORCID: 0000-0001-8070-0805

независимый исследователь

127051, Россия, г. Москва, Крапивенский пер., 4, строение 2

✉ nyresidence@gmail.com

[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.71583

EDN:

OTLCEZ

Дата направления статьи в редакцию:

27-08-2024

Аннотация: В статье рассматриваются особенности взаимодействия специальных служб США с высшим католическим духовенством Америки на примере дела бывшего кардинала Теодора Маккаррика, который был отправлен в отставку и затем запрещен в священнослужении за провинности морального характера. Громкое дело Маккаррика, занимавшего пост архиепископа Вашингтона, вызвало серьезный общественный резонанс и побудило Ватикан провести тщательное внутреннее расследование выдвинутых против прелата обвинений. Итогом этого расследования стал опубликованный в 2020 г. фундаментальный «Отчет о сведениях, которыми располагал Св. Престол, и о решениях, которые принимались относительно бывшего кардинала Теодора Эдгара Маккаррика (1937–2017)». Отчет, являющийся основным источником при работе над статьей, был предназначен, в основном, для умиротворения публичного недовольства, однако, как показывает автор, может быть с успехом использован для исследования характера взаимодействия американских спецслужб и католического сообщества США. Статья строится на применении принципов строгой научной объективности, системного подхода к источникам, историзма. Автор контекстуализирует

проблемное поле рассматриваемой темы, прибегает к исследованию вопроса в ретроспекции и в различные периоды (диахронно). Новизна проведенной работы состоит в нескольких моментах. Во-первых, рассматривается редкая для отечественной историографии тема взаимодействия спецслужб США и американского религиозного сообщества в новейшее время. Во-вторых, впервые вводится в русскоязычный научный оборот относящийся к изучаемому вопросу «Отчет о сведениях, которыми располагал Св. Престол, и о решениях, которые принимались относительно бывшего кардинала Теодора Эдгара Маккаррика (1937–2017)». В-третьих, обосновывается возможность применения этого специфического источника для изучения как церковной истории, так и истории контрразведывательного сообщества Америки. Установлено, что бывший кардинал Маккаррик получал поручения ФБР и консультировался с представительством Ватикана в США относительно выполнения полученных заданий. Случай Маккаррика вписан в контекст резонансных для США ситуаций, когда методы действий спецслужб вызывали общественный протест. Автор приходит к заключению, что речь может идти об известной рутинности в осуществлении контактов католических деятелей со спецслужбами.

Ключевые слова:

Ватикан, кардинал Маккаррик, спецслужбы, ФБР, КГБ, ЦРУ, Католическая Церковь, внутренняя политика, США, Вашингтон

Понтификат Папы Франциска богат на события. Одной из приметных черт его правления стало своеобразие кадровой политики, невиданная череда отставок и назначений, невольно заставляющие думать об СССР времени Горбачева. Вследствие колоссальной амплитуды принимаемых решений изгоями становятся вчерашние высшие дипломаты, чиновники курии, кардиналы. Кое-кто из них из разряда париев переходит в число «врагов Папы» [\[1\]](#), кто-то получает тюремный срок [\[2\]](#), некоторые лишаются священного сана. Среди последних — убежденный оппонент Франциска, бывший нунций (представитель государства-города Ватикан в стране пребывания) в США архиепископ Карло Мария Вигано, твердо стоящий на консервативных христианских позициях. Он был обвинен в расколе и осужден совсем недавно — в июле 2024 г. По иронии судьбы Вигано получил практически то же церковное наказание [\[3\]](#), что и человек, в разоблачении неблагоприятных поступков которого много лет назад он принял самое деятельное участие. Речь идет о кардинале Теодоре Маккаррике (Theodore McCarrick), который ушел на покой с должности архиепископа Вашингтона в 2006 г.. В 2018 г. Маккаррик был вынужден подать прошение об исключении его из коллегии кардиналов, а в 2019 г. возвращен в состояние мирянина [\[4\]](#) — исключительно строгое наказание для лица высшего духовного сословия в Католической церкви. Причиной опалы стали сексуальные преступления и угроза светского уголовного преследования кардинала.

В годы моей работы в США мне приходилось встречаться с Маккарриком — сухим, энергичным, улыбчивым прелатом, который знал всех и которого знали все в американском политическом и религиозном истеблишменте. Распознать в нем злодея было, конечно, решительно невозможно. После ватиканского наказания стало ясно, что и бывшие его товарищи по бесчисленным межрелигиозным фондам и комиссиям дружили, скорее, с должностью, чем с человеком. Во всяком случае, упоминание бывшего кардинала в качестве попечителя или члена совета директоров молниеносно исчезло с сайтов многих из этих организаций. Примером может служить фонд «Призыв

совести», где на сайте упомянуты даже умершие попечители, но нет живого Маккаррика [5]. Однако неприятности кардинала этим не ограничились. В ноябре 2020 г. Государственный департамент Св. Престола опубликовал [6] документ на 450 страницах под названием «Отчет о сведениях, которыми располагал Св. Престол, и о решениях, которые принимались относительно бывшего кардинала Теодора Эдгара Маккаррика (1937–2017)», который в дальнейшем я буду для краткости именовать «Отчетом». Документ содержит детальнейшее описание жизненного пути прелата, свидетельства его злоупотреблений, изложение его рабочих и личных дел, вообще биографической траектории. После публикации стало ясно, что никакого возврата к «счастливым временам» не будет, а впереди бывшего кардинала ждут светские суды и обвинения. Надо сказать, что опубликованный текст характеризуется невиданной детализацией и подробностью систематического изложения материала. В ходе подготовки отчета были опрошены сотни, если не тысячи, лиц, изучены тысячи документов официального и личного происхождения. Полученные ответы сохранены и тщательно запротоколированы как отдельные единицы хранения в архиве Госдепартамента Ватикана, к которым доступа по понятным причинам нет. Поэтому в дальнейшем я буду давать ссылки не на эти интервью и документы, а на страницы «Отчета», где названы соответствующие файлы. Непривычная для Ватикана откровенность, продиктованная большим объемом фактически имеющегося компромата, который в противном случае использовали бы противники Папы Франциска и Маккаррика, позволяют охарактеризовать документ как ценный источник. Специфика впервые вводимого на русском языке в оборот текста состоит в том, что он является продуктом деятельности различных подразделений куриальной бюрократии и нацелен, в значительной степени, на решение внутриватиканских и репутационных задач, связанных с многочисленными сексуальными скандалами, потрясающими время от времени католические епархии. Происхождение и задачи документа исключает желание его авторов организовать какую-либо утечку сведений конфиденциального характера, но, напротив, свидетельствует о должном уровне добросовестности при сборе фактов. Составители документа, конечно, не имели в виду дать в руки исследователей возможность использовать предлагаемый текст как источник по взаимоотношениям высшего американского католического духовенства со спецслужбами США. Однако под определенным углом зрения этот «Отчет» становится весьма интересным и ценным источником, дающим представление об отдельных аспектах таких связей. Ватиканский отчет будет, конечно, нас интересовать не как путеводитель по моральным девиациям изгнанного кардинала, а как возможность изучить вопрос конкретных форм и методов отнюдь не замалчиваемого сотрудничества Маккаррика, в частности, с ФБР. Предлагаю вслед за составителями «Отчета» пройти по вехам биографии Маккаррика, обращая внимание на некоторые примечательные аспекты, которые не минуют и авторы ватиканского документа.

Начнем с 14 ноября 1981 года, когда викарный епископ Нью-Йорка Теодор Маккаррик, которому шел пятьдесят второй год, был назначен епископом Метачена и его округа, новоучрежденной епархии в штате Нью-Джерси. Сам Метачен — это маленький городок, насчитывавший тогда около 13 тысяч жителей и примечательный только тем, что в нем родился иллюзионист Давид Копперфильд. Однако штат Нью-Джерси — это престижное назначение, а кафедральный город находится всего в 35 километрах на юго-запад от Нью-Йорка. Здесь Маккаррик проведет четыре года. На первой самостоятельной епископской кафедре он развивает активную деятельность, которая выходит далеко за рамки обычной рутинной работы правящего архиерея. За три года — с 1983 до 1986 — им проводится исключительно удачная кампания по сбору пожертвований с задачей

собрать 10 млн. долларов. В результате цель была достигнута и перевыполнена — собранная сумма равнялась 14 млн. долларов [6, с.30]. Он принимает участие в работе многочисленных комиссий Национальной конференции католических епископов (NCCB) и Католической конференции Соединенных Штатов (USCC). За короткое время епископ посещает дюжину стран, не считая шести поездок в Ватикан, где, в частности, встречается с Иоанном Павлом II [6, с.31-32]. Интересно, что оплата подобных поездок, явно никак не связанных с деятельностью рядового главы одной из небольших епархий, происходила не за счет Ватикана. Если предположить, что Маккаррик направлялся в различные миссии с церковно-дипломатическими задачами, то и финансирование происходило бы за счет соответствующего ватиканского ведомства. В отчете же мы читаем, что на протяжении лет поездки прелата оплачивались «иными организациями» [6, с.31], включая межрелигиозный миротворческий фонд «Призыв совести». Эти путешествия по миру были столь многочисленными и частыми, что уместен вопрос, оставалось ли время у епископа для управления собственной епархией. Кроме того, коль скоро поездки в различные государства происходили не по линии официальных церковных учреждений (или не только по ней), неясно, кто мог давать санкцию на столь частые отлучки. Впрочем, епархия Метачена и титул ее главы стали прекрасными декорациями для колоссальной общественной и медийной активности новоназначенного епископа. Он произносит благословение на открытии сессии ассамблеи штата Нью-Джерси в 1982 г., читает молитву на обеде в честь актера Боба Хоупа в роскошной гостинице «Уолдорф-Астория» в 1983 г., возглавляет особую мессу для чиновников, судей и юристов в 1985 году [6, с.33], выступает на общенациональном телевидении. Многие высокопоставленные иерархи посещают в это время гостеприимную епархию. Среди них архиепископ Пио Лаги, ставший первым нунцием в США после установления полных дипломатических отношений Св. Престола и Соединенных Штатов в 1984 году (продолжил возглавлять нунциатуру до 1990 г., в 1991 г. стал кардиналом), архиепископ Вашингтона Джеймс Хики и кардиналы Себастиан Баджио (в 1973–1984 гг. — префект Священной конгрегации по делам епископов, в 1984–1990 гг. — председатель Папской комиссии по делам государства-города Ватикан) и Иосиф Бернардин (архиепископ Чикаго в 1982–1996 гг., кардинал с 1983 г.). Заведена традиция устраивать ежегодные пикники для духовенства, жертвователей и простых мирян «День дяди Теда». Все идет очень успешно для амбициозного прелата, и даже, пожалуй, слишком. Должна была возникнуть коллизия, изменяющая безоблачность ситуации, и она не преминула образоваться: разносторонние связи епископа, его кипучая активность привлекли внимание ФБР [6, с.34]. Но и это полбеда, ведь, как утверждается в отчете, в начале 80-х годов Маккарриком заинтересовался и КГБ. Сотрудник советской резидентуры под прикрытием должности заместителя постпреда СССР при ООН установил с епископом контакт, дабы «подружиться с ним». Постоянным представителем Советского Союза при всемирной организации в 1976–1986 гг. являлся выдающийся советский дипломат О. А. Трояновский. Для уяснения специфики работы делегации СССР в Нью-Йорке в эти годы большую ценность имеют его мемуары, которые позволяют ощутить остроту политико-дипломатического противостояния того времени [7]. Позволю себе пространное цитирование нашего источника, позволяющее понять, как развивалась дальнейшая история:

«Агенты ФБР вышли на Маккаррика, который первоначально не знал, что дипломат был также сотрудником КГБ. Они обратились к нему с предложением выступить в качестве информатора контрразведки, который позволял бы контролировать деятельность КГБ. Хотя Маккаррик считал, что лучше отказаться от такой роли (отчасти и потому, что он

был погружен в дела организации епархии Метачена), ФБР настаивало. Его сотрудники вновь вошли в контакт с Маккарриком, убеждая его продолжать развитие отношений с агентом КГБ. Учитывая щекотливый характер дела, Маккаррик в деталях изложил требования ФБР нунцию Лаги в январе 1985 г. в надежде получить совет, как быть дальше. Лаги полагал, что Маккаррику «не следует отрицательно относиться» к возможности выполнить роль осведомителя ФБР. В документе для служебного пользования он охарактеризовал Маккаррика как человека, который «знает, как иметь дело с этими людьми и быть осторожным», «достаточно мудрого, чтобы все понимать и не попасться» [6, с.34].

Впрочем, в отчете отмечается, что точных данных о том, развился ли контакт прелата с советским представителем, как того хотело бы ФБР, нет [6, там же]. Для целей подготовки отчета Ватикана у чиновников Св. Престола состоялась беседа с бывшим директором ФБР Л. Фри, который в 1975–1981 гг. был специальным агентом ФБР в нью-йоркском отделении и в штаб-квартире в Вашингтоне. Он возглавлял ФБР в 1993–2001 гг. и не был лично знаком с этим инцидентом, но заявил, что Маккаррик в то время мог быть очень ценной целью для любой из служб, в особенности для русских» [6, с.34].

Проливая свет на природу взаимодействия религиозных деятелей, спецслужб США и нунциатуры в Вашингтоне в это время, эти подробности дела Маккаррика очень интересны. Отметим следующие моменты. Первое: интерес ФБР к фигуре католического епископа никак не связан с его противозаконной деятельностью (ее не было), а носит характер рутинного мониторинга ситуации. Второе: предложение Маккаррику работать в интересах американской контрразведки против советских дипломатов не оказалось затруднительным для агентов ФБР, то есть привлечение к негласному сотрудничеству клириков не было поставлено под запрет соответствующими внутренними регламентами. Третье: руководство нунциатуры, будучи поставленным в известность о деликатной ситуации, не только не встревожилось, но прямо проинструктировало своего подшефного прелата согласиться на предложение ФБР. Все это вместе взятое, конечно, не может не привести к заключению, что сотрудничество американских спецслужб с католическим духовенством США имело место; проводилось на основе известной регулярности; включало в себя при необходимости привлечение клириков к контрразведывательным операциям при осведомленности о том компетентных представителей ватиканского руководства. Это тем более примечательно, что всего за несколько лет до описываемых событий в стране прошла оживленная кампания против привлечения американских священнослужителей-миссионеров в качестве прикрытия для операций ЦРУ, чему были посвящены статьи в самых респектабельных газетах. Вот пример такой публикации: 29 января 1976 г. в «Нью-Йорк таймс» вышел материал под заголовком «Рассерженные вскрывшимися фактами церкви стремятся запретить ЦРУ использование миссионеров в разведывательной работе» [8]. В тексте цитируются обращенные к сенаторам письма директора ЦРУ У. Колби, который заявляет о том, что использование миссионеров с разведывательными задачами является стандартной процедурой, которая не нарушает закон и внутренние установления миссионерской деятельности. Перепалка на общенациональном уровне носила столь острый характер, что сменивший Колби на посту директора ЦРУ Дж. Буш-старший одним из первых решений запретил привлечение к разведработе журналистов и священнослужителей, впрочем, за исключением случаев, когда эти люди предлагают свои услуги «добровольно» [9]. Однако, как показывает случай епископа Маккаррика, одно дело — нормативные документы (не важно, ЦРУ или ФБР), а совсем другое — повседневная практика. Здесь особых нравственных колебаний в вербовочных подходах не наблюдалось. Дело шло, как отмечает один исследователь

взаимоотношений американской контрразведки и религиозного сообщества, на основе совместно разделяемых «общих ценностей» [\[10, с.111\]](#), причем речь идет о весьма прочной и давней традиции [\[11\]](#).

В деле Маккарика содержится еще один примечательный эпизод, который характеризует уровень взаимоотношений в дипслужбе Святого Престола и степень осведомленности клириков о некоторых видах специальных навыков. Итак, в 1986 г. епископ Маккаррик получает очередное повышение — назначается архиепископом Ньюарка. Здесь он будет служить на протяжении четырнадцати лет. Карьера архиепископа движется в гору не просто быстро — стремительно. Он заседает и председательствует в десятках разнообразных церковных и правительственных комиссий, в частности, является членом Американской Хельсинкской комиссии, Федеральной комиссии по иммиграции и экономической политике, Комиссии по международной религиозной свободе. Епископ занимается широчайшим кругом международных проблем — от внешнего долга до отношений США с Китаем. Как и прежде, иерарх исключительно много путешествует в составе различных делегаций, в том числе и в нашу страну, где встречается в 1996 г. с Патриархом Алексием II. Уровень связей прелата с политическим руководством США был настолько высоким, что, как он сам вспоминал, в программу загранпоездки обычно включалась встреча с нунцием и американским послом [\[6, с.55\]](#). Излишне говорить, что в качестве официального представителя США архиепископ перемещается по миру с дипломатическим паспортом [\[6, с.56\]](#). Он входит в Белый дом и Госдепартамент, и при этом не оставляет свои контакты с ФБР, в том числе и с руководителем отделения в штате Нью-Джерси [\[6, с.63\]](#). К этому периоду находится и некоторая перемена умонастроения архиепископа: он не очень доволен своим постом, тот для него слишком незначителен («Я заслуживаю Нью-Йорка!» [\[6, с.91\]](#)), ему не нравится, как мало времени ему уделяют во время посещения Рима [\[6, с.202\]](#). Несмотря на щедрые подарки приезжающим гостям и чиновникам курии, карьерный рост слегка замедлился. В этих обстоятельствах Маккаррик желал максимально подробно знать о кадровых планах руководства Ватикана в США. Однако это его внешне безобидное пожелание реализовывалось с помощью методов, которые мало кто назвал бы этически приемлемыми или общепринятыми в церковных кругах. В январе 1990 г. архиепископ с помощью своих друзей, которые тогда работали в составе миссии Постоянного наблюдателя Св. Престола при ООН, организовал знакомство обычного приходского священника монсиньора Доминика Боттино с архиепископом Ренато Мартино, возглавлявшим тогда представительство Ватикана (ныне кардинал, возглавлял миссию Постоянного наблюдателя в 1986-2002 гг.). Монсиньор Боттино использовался «втемную», не имея представления о цели встречи с Мартино. Впрочем, все встало на свои места очень скоро. Боттино был приглашен на застолье с участием Маккарика, который обратился к священнику как к будущему «новому атташе миссии Св. Престола при ООН». Посещение Мартино в Манхэттене, где располагалось представительство Ватикана, было, как выяснилось, «смотринами» церковного чиновника, который и оказался впоследствии назначен в миссию Ватикана при ООН в 1991 г.. Однако перспективное назначение было сопряжено с выполнением крайне скользких поручений благодетеля:

«Маккаррик объяснил ему, что Постоянный наблюдатель регулярно получает дипломатическую почту, которая содержит, среди прочего, документы о назначениях епископов на кафедры в США. Положив руку на плечо Боттино, Маккаррик спросил, может ли он рассчитывать на то, что, став атташе, тот будет снабжать его информацией из этой почты. После того, как Боттино заявил, что по его мнению информация из

дипломатической почты должна оставаться конфиденциальной, Маккаррик похлопал его по плечу и ответил: «Правильно. Но думаю, что могу на тебя рассчитывать» [\[6, с.90\]](#).

Приведенный пример из ватиканского досье показывает, что архиепископ Маккаррик не только был в хороших личных и рабочих взаимоотношениях с представителями государственной власти США и, в частности, силовых ведомств, но и продемонстрировал прямое знание технических приемов внедрения агента с целью получения доступа к закрытой информации. Этому, как представляется, должны были содействовать и обстоятельства личной биографии будущего кардинала: дядя Маккаррика работал в полиции и одно время возглавлял полицейскую академию [\[6, с.62-63\]](#).

Таким образом, опубликованные материалы внутреннего расследования Ватикана по делу экс-кардинала Теодора Маккаррика бесспорно свидетельствуют об имеющемся взаимодействии части духовенства США, включая католических иерархов, с американскими спецслужбами. Как мы увидели, религиозные деятели в ряде случаев были готовы не только оказывать услуги профильным ведомствам, но и сами не были чужды ведению оперативной работы. Наивным было бы полагать, будто дело ограничивалось лишь контактами с ФБР. С учетом обширнейшей географии поездок Маккаррика и объема получаемой им информации, можно поставить вопрос и о степени его взаимодействия с органами внешней разведки США. Эта тема не нашла развития в том докладе Ватикана, который лег в основу этой статьи, однако, конечно, не снимается.

В заключение хотел бы обратить внимание на то, что проблема отношений силовых ведомств Америки и религиозных лидеров не ограничивается, разумеется, делом Маккаррика, но лишь им ярко иллюстрируется. В 1996 г. спустя двадцать лет после запрета ЦРУ на привлечение клириков к разведывательной работе, тема вновь всплыла на общенациональном уровне в связи с желанием ведомства найти лазейки в законодательстве и вернуться к ранее запрещенным практикам [\[12\]](#). Это привело к необходимости проведения специальных слушаний в сенатском комитете по делам разведки, во время которых директор ЦРУ Д. Дейч отстаивал точку зрения о правомерности использовать священнослужителей для добывания разведанных «при исключительных обстоятельствах» [\[13\]](#). Что же касается ФБР, сыгравшего свою роль в жизненных приключениях Маккаррика, то это агентство вновь отметилось острым интересом к церковной жизни совсем недавно — в 2023 г., да так, что вся страна узнала о так называемом «Ричмондском меморандуме» [\[14\]](#). В документе, составленном в соответствующем региональном подразделении Бюро, содержатся предложения об освещении деятельности католических общин с целью отслеживания консервативного радикализма. Словами дело не ограничилось: были допрошены настоятель одного из приходов штата Вирджиния и регент хора, а в сам приход внедрен осведомитель. Скандальную ситуацию принял к рассмотрению Судебный комитет Конгресса США, который вызвал для свидетельства директора ФБР К. Рея [\[15\]](#). Одним из итогов расследования стала публикация 4 декабря 2023 г. совместного доклада Судебного комитета и подкомитета Палаты представителей по инструментализации федерального правительства под красноречивым названием «Нарушения религиозной свободы со стороны ФБР: использование правоохранительной системы против американцев-католиков» [\[16\]](#).

Приведенные факты как из самого дела лишнего сана Теодора Макарика, доживающего свои дни в доме престарелых, так и из иных опубликованных источников вновь и вновь подтверждают: взаимодействие силовых ведомств США с религиозным

сообществом Америки не прекращалось, являясь частью разведывательных и контрразведывательных усилий внутри страны и за ее пределами. В ряде случаев (как было с Маккарриком) эти контакты не являются чем-то экстраординарным или нежелательным для участников процесса. В других же обстоятельствах ФБР и ЦРУ добиваются своих целей иными, более грубыми способами.

Одним из тезисов противников привлечения духовенства к выполнению задач спецслужб в дискуссии 1976 г. звучал так: «Священник должен служить сначала Богу, а потом государству». Очевидно, что в Лэнгли и Вашингтоне полагают совсем иначе.

Библиография

1. Politi Marco. Pope Francis Among the Wolves: The Inside Story of a Revolution. Columbia University Press, 2015.
2. Sentenza del Tribunale dello Stato della Città del Vaticano, 16.12.2023: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2023/12/16/0896/01958.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
3. Comunicato Stampa del Dicastero per la Dottrina della Fede, 05.07.2024: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2024/07/05/0554/01148.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
4. Comunicato della Congregazione per la Dottrina della Fede, 16.02.2019: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2019/02/16/0133/00272.html#en> [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
5. Board of Trustees and Officers, Appeal of Conscience Foundation: <https://appealofconscience.org/about-us/board/> [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
6. Report On The Holy See's Institutional Knowledge And Decision-Making Related to Former Cardinal Theodore Edgar McCarrick (1930 To 2017): https://www.vatican.va/resources/resources_rapporto-card-mccarrick_20201110_en.pdf [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
7. О. А. Трояновский. Через годы и расстояния. М., Вагриус, 1997.
8. Kenneth A. Briggs. Churches, Angered by Disclosures, Seek to Bar Further C.I.A. Use of Missionaries in Intelligence Work. New York Times, January 29, 1976: <https://www.nytimes.com/1976/01/29/archives/churches-angered-by-disclosures-seek-to-bar-further-cia-use-of.html>. [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
9. Nicholas M. Horrock. C.I.A. to Stop Enlisting Agents From the Press and the Church. New York Times, February 12, 1976: <https://www.nytimes.com/1976/02/12/archives/cia-to-stop-enlisting-agents-from-the-press-and-the-church-cia-to.html>. [Электронный ресурс]. Дата обращения 20 июля 2024 г.
10. Regin Schmidt. FBI and Catholic Church в: The FBI and Religion. Faith and National Security before and after 9/11. Ed. by Sylvester A. Johnson and Steven Weitzman. University of California Press, 2017.
11. Steve Rosswurm. The FBI and the Catholic Church, 1935–1962. University of Massachusetts Press, 2009.
12. Walter Pincus. CIA can waive prohibition against using U.S. clergy abroad for covert work. Washington Post, February 21, 1996: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1996/02/22/cia...y-abroad-for-covert-work/a26ea46b-9235-4168-a95f-c85df1d5148a/> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20 июля 2024 г.
13. CIA's use of journalists and clergy in intelligence operations. Hearing before the Select Committee on Intelligence of the United States Senate. July 17, 1996. S. Hrg. 104-593. US Government Printing Office. Washington, 1996.

14. Interest of Racially or Ethnically Motivated Violent Extremists in Radical-Traditionalist Catholic Ideology Almost Certainly Presents New Mitigation Opportunities:

<https://judiciary.house.gov/sites/evo-subsites/republicans-judiciary.house.gov/files/evo-media-document/fbi-anti-catholic-memo.pdf> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20 июля 2024 г.

15. Documents Reveal FBI Sought to Develop Sources in Local Catholic Churches:

<https://judiciary.house.gov/media/press-releases/documents-reveal-fbi-sought-develop-sources-local-catholic-churches>. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20 июля 2024 г.

16. The FBI's Breach Of Religious Freedom: The Weaponization Of Law Enforcement Against Catholic Americans. Interim Staff Report of the Committee on the Judiciary and the Select Subcommittee on the Weaponization of the Federal Government:

<https://judiciary.house.gov/sites/evo-subsites/republicans-judiciary.house.gov/files/evo-media-document/2023-12-04-the-fbis-breach-of-religious-freedom-the-weaponization-of-law-enforcement-against-catholic-americans.pdf>. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20 июля 2024 г.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Последние десятилетия отмечены в Европе, прежде всего в Западной, да и за ее пределами резким снижением авторитета христианской церкви, что совпало как с размыванием традиционных ценностей, так и масштабным притоком мигрантов из других регионов, процесс, который можно назвать новым Великим переселением народов. Вместе с тем несмотря на все вышесказанное, а также на различные скандалы влияние римско-католической церкви на политические процессы весьма весомо.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является деятельность кардинала Теодора Маккаррика. Автор ставит своими задачами рассмотреть взаимоотношения Маккаррика с представителями государственной власти США, а также определить причины вербовки церковных деятелей американскими спецслужбами.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится на примере Маккаррика охарактеризовать взаимодействие силовых ведомств США с религиозным сообществом Америки.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на материалы официального сайта Ватикана, воспоминания советского дипломата О.А. Трояновского, но центральным источником работы является «Отчет о сведениях, которыми располагал Св. Престол, и о решениях, которые принимались относительно бывшего кардинала Теодора Эдгара Маккаррика (1937–2017)». Из используемых исследований отметим труд С. Росвурма «ФБР и католическая церковь», в центре внимания которого находятся различные аспекты сотрудничества американской спецслужбы и католической церкви. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, но в тоже время с элементами публицистики, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как взаимодействием американских спецслужб и католической церкви, в целом, так и конкретных лиц, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить вводную часть, основную часть и заключение, хотя в силу специфики статьи (ее пишет в известной мере очевидец событий) автор вводит в текст собственные впечатления. Так, например, автор пишет: «В годы моей работы в США мне приходилось встречаться с Маккарриком — сухим, энергичным, улыбчивым прелатом, который знал всех и которого знали все в американском политическом и религиозном истеблишменте. Распознать в нем злодея было, конечно, решительно невозможно». Автор отмечает, что уже упоминавшийся выше «Отчет» «будет, конечно, нас интересовать не как путеводитель по моральным девиациям изгнанного кардинала, а как возможность изучить вопрос конкретных форм и методов отнюдь не замалчиваемого сотрудничества Маккаррика, в частности, с ФБР». На основе приводимых фактов автор делает вывод о том, что «сотрудничество американских спецслужб с католическим духовенством США имело место; проводилось на основе известной регулярности; включало в себя при необходимости привлечение клириков к контрразведывательным операциям при осведомленности о том компетентных представителей ватиканского руководства».

Главным выводом статьи является то, что взаимодействие силовых ведомств США с религиозным сообществом Америки являются частью разведывательных и контрразведывательных усилий внутри страны и за ее пределами.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана живым языком, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования стратегий взаимодействия с римско-католической церковью.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Баимов А.Г. Эзотерический туризм на археологических объектах: почему Савин не стал Аркаимом? // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.72470 EDN: OTWGMD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72470

Эзотерический туризм на археологических объектах: почему Савин не стал Аркаимом?

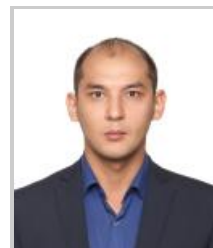
Баимов Айрат Гайсарович

ORCID: 0009-0003-8985-0676

Младший научный сотрудник; Институт Этнологических Исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН

450077, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6

✉ baimov.airat@mail.ru

[Статья из рубрики "Культурное наследие - памятники истории и культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.72470

EDN:

OTWGMD

Дата направления статьи в редакцию:

26-11-2024

Аннотация: Статья посвящена проблеме популяризации «эзотерического туризма», а также использованию археологических памятников для развития внутреннего туризма в Российских регионах на примере Курганской области. В этой работе мы не ставим целью изучить обряды и духовные практики, а также направления новых религиозных движений. Поэтому мы будем использовать термин «эзотерики» в отношении широкого круга персон, относящих себя к различным сообществам: от астрологов и хиромантов, до неоязычников и колдунов. Сюда же мы отнесли «городских обывателей», допускающих существование сверхъестественных сил, но в обычной жизни не практикующих какое-либо эзотерическое учение. Главная цель и задача исследования отражена в названии работы: выяснить почему Савин по уровню популярности среди эзотериков не может конкурировать с Аркаимом? В ходе подготовки данного исследования нами был осуществлен экспедиционный выезд на объекты «Энеолитическое святилище "Савин-1"» и «Заповедник "Аркаим"» в день летнего солнцестояния. С помощью средств автоматизированного сбора информации, собраны данные из открытых источников в социальной сети «ВКонтакте». Материал был

структурирован и проанализирован с применением количественных и качественных подходов. Комбинированное применение методов цифровой этнографии с классическими этнографическими методами, позволило собрать и проанализировать более широкий круг источников. В рамках исследования впервые осуществлен анализ групп и аккаунтов пользователей, рассматривающих Савин как «место силы», установлен их примерный половозрастной состав и регион проживания. Вместе с тем, статистическое описание этих групп не является основной целью нашего исследования. Поэтому проведенный нами дискурс-анализ текстов позволил более глубоко погрузиться в исследуемую тему и выявить основные причины, почему памятник археологии «Энеолитическое святилище "Савин-1"» не смог обрести такую же популярность среди туристов, какую имеет Аркаим. Автор делает вывод, что при скромных финансовых вложениях на развитие туристической инфраструктуры, только эзотерики могут обеспечить постоянный поток людей на объект. Таким примером является Аркаим.

Ключевые слова:

памятник археологии, эзотерики, эзотерический туризм, место силы, паломничество, социальные сети, цифровая этнография, Савин, Аркаим, внутренний туризм

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-28-01674 «Сакрализация археологических памятников как феномен современной духовной жизни населения Южного Урала».

В одной из своих работ известный советский и российский археолог В. А. Шнирельман на примере Аркаима отметил, что сегодня археология встречает большой общественный спрос и привлекает массы туристов. Так же, продолжая мысль, он подчеркнул, что сами археологические объекты и музеи вокруг них малоинтересны для посетителей, которых скорее привлекают духовные изыскания (участие в ритуальной деятельности, общение с высшими силами, получение консультаций народных целителей, магов и экстрасенсов, обучение у астрологов, оздоровительные процедуры путем медитаций, получение энергии из космоса и т.п.), нежели желание посмотреть на открытия ученых^[1, С. 134–136]. Безусловно, подобные заявления авторитетных исследователей, заставляют органы региональной исполнительной власти на местах брать эти тезисы на вооружение каждый раз, когда речь заходит о развитии внутреннего туризма. Однако, ими умышленно или неумышленно игнорируется вторая часть вопроса. В результате, тратятся немалые средства на развитие туристической инфраструктуры и благоустройство территорий, а окупаемость подобных действий в последующем, оказывается, в лучшем случае, равно нулю. Одним из таких археологических объектов стал памятник «Энеолитическое святилище "Савин—1"», находящийся в Курганской области.

Казалось бы, данный объект имеет все формальные признаки для того, чтобы он стал популярным «местом силы» для туристов, занятых «поиском себя». Во-первых, его территория является «намоленным» (название говорит само за себя—«святилище»), объект еще в древности был создан как сакральное пространство^[2], с четкими астрономическими ориентирами^[3]. Во-вторых, наличие ряда семиотических маркеров, например, круговая планировка объекта, где два рва в форме кольца соединяются между собой, образуя цифру 8, к слову, почитаемую не только в эзотерике^[4]. В-третьих, интерес к ландшафту со стороны региональной власти^[5] и частного бизнеса^[6], создание музея под открытым небом, с организацией специальных «сакральных мест» для

проведения обрядов (металлическое «древо желаний», выложенные из камней спирали, арт-объекты-идолы, реконструкция памятника на непосредственном месте и т.д.) [7].

Администрация Курганской области пытается медийно «раскручивать» Савин, путем проведения различных фестивалей [8], форумов и мастер-классов [9], привлекая профессиональных фотографов и видеографов [10]. Вместе с тем, ожидаемого потока туристов эти усилия не приносят. Последнее утверждение для нас самих стало полной неожиданностью. Предполагая, что такой объект обязательно должен быть местом притяжения туристов-эзотериков, мы запланировали экспедицию на Савин на период летнего солнцестояния, которое в 2024 году совпало с концом рабочей недели. Исходя из данного факта, отправляясь в краткосрочную экспедицию в Курганскую область, мы предвкушали, что в течение ночи и после рассвета, станем свидетелями самых разнообразных ритуалов, исполняемых эзотериками разных мастей, из разных частей России. Однако, оказавшись на месте, мы стали свидетелями, с одной стороны, масштабно проделанной работы по популяризации археологического памятника, с другой—отсутствием кого-либо на нем в такой значимый для эзотериков день. Отметим, что администрация музея предварительно подготовила объект к потоку туристов скошив траву на тропе и возле сопутствующих арт-объектов. Так же на месте были выложены ритуальные спирали из камней, установлено специальное металлическое «Древо желаний», куда рекомендуется подвязывать ленточки.

Однако, несмотря на все приготовления, в ночь с 21 на 22 июня, на объекте не было никого, и лишь утром 22 июня приехала группа туристов из Екатеринбурга на двух микроавтобусах, численностью 24 человек, которые, с их слов, регулярно посещают «места силы» в самый длинный день в году, чтобы «насытиться энергией природы». Среди них были трое мужчин, и 21 женщина. Двое из мужчин отправились рыбачить на старице р. Тобол, в ожидании своих спутниц. Каких-либо особых ритуалов данная группа не проводила, ограничившись «босыми прогулками», медитациями и подношениями.

К полудню мы стали свидетелями исполнения обрядов другой группой из 15 женщин и двух мужчин, во главе с женщиной в шаманском облачении. Двое мужчин осуществили подготовительные работы для исполнения последующих ритуалов. Далее, по указанию их лидера, они построились в один ряд лицом к востоку, но так, чтобы между членами группы оставалось пространство «для духов». Женщина в шаманской одежде разъяснила, что прежде, чем посетить «место обитания духов» необходимо их поприветствовать, очиститься на шаманском костре, принести дары, и только после этого можно ступить на само «святое место».

После того, как группа повторила за шаманом слова приветствия духов, был разведен шаманский костер, и они выстроились вокруг него. Шаман бил в бубен и осуществлял ритуал очищения, после чего каждый из членов группы перепрыгивал через костер. Любопытным является, что в словах приветствия фигурировали древнеславянские божества, такие как Перун, Лада, Дажьбог, которые, казалось бы, не сочетаются с шаманскими традициями.

После полудня на археологический объект прибыла группа учащихся школ в составе экскурсии, организованной Белозерским областным краеведческим музеем. На этом, пожалуй, все.

Почему, несмотря на все усилия со стороны областной администрации, мы не увидели тысячи туристов на Савине? На этот вопрос в определенной степени уже дали объективный ответ коллеги-этнографы. По мнению Ф. С. Корандея и М. Г. Агапова, Савин

с самого начала стал предметом конфликта четырех групп: профессиональные археологи, туристический бизнес, местные сообщества, представители новых религиозных движений. Археологи пытаются получить средства на сохранение памятника и дальнейшие исследования, но областная администрация требует развитие туризма, что не входит в область их компетенций. Туристический бизнес столкнулся с сопротивлением местного населения, которые выкупили земельные паи вокруг памятника, чтобы не дать бизнесменам заработать, минуя интересы сельчан. Представители новых религиозных движений были негативно встречены местным православным сообществом. Авторы данного исследования на основе полевого материала, который собирался в течение года, отмечают, что причиной возникновения подобных конфронтаций стало экстерриториальное участие региональной власти в процессе освоения территории археологического памятника, которая ограничилась спуском по вертикали общего направления местного развития, исключив живое участие представителей власти в дискуссиях.

Опираясь на опыт создания рекреационной зоны вокруг озера Ипкуль в Тюменской области, исследователи считают, что смягчить неизбежный конфликт интересов разных групп можно было бы возложив функции модератора происходящей ландшафтной трансформации на частный бизнес, в результате которого выиграли бы все: местные жители получают рабочие места, администрация отчисления в бюджет, туристы продуманную инфраструктуру, а бизнес зарабатывает деньги. Вместе с тем, авторы признаются, что наблюдали за процессом на этапе становления, в связи с чем объектом их научного интереса были «организаторы» процесса, и среди информаторов отсутствуют «рядовые» посетители объектов^[11].

Классический этнографический метод исследования, в виде включенного наблюдения и глубинного интервьюирования не совсем подошел для нашего исследования, поскольку требует более продолжительного пребывания на объекте, что в нашем случае не представлялось возможным. Как уже мы отмечали ранее, «рядовых» посетителей памятника нам не удалось застать на месте в достаточном для объективного научного анализа количестве, невзирая на то, что день поездки (21–23 июня) был выбран, поскольку имеет важное значение в эзотерической практике. Беседы с теми, кого мы там встретили, включая местных жителей, подтвердили наличие конфликтов, описанных коллегами в работе, которую мы разобрали выше.

Еще в 90-е, когда начиналась вся эта тема с колдунами и ведьмами, кому-то показалось, что из-под земли появился зеленый луч, который соединился с небом, на том самом месте, где находится памятник. Я думаю, что источником зеленого света на самом деле является обычная синька (алкогольные напитки—А.Б.). Потом всякие ведьмы тут собирались, еще задолго до того, как построили все это безобразие (музей под открытым небом с полноразмерной реконструкцией памятника—А.Б.). (Полевые материалы автора. Экспедиция в Курганскую область. Инф. 1, местный житель, запись сделана 21.06.2024).

Мы привыкли уже здесь к постоянным нападкам со стороны местных маргиналов, поэтому вы и ваши вопросы нас несколько не смущают. (Полевые материалы автора. Экспедиция в Курганскую область. Инф. 2, участник поездок на Савин, запись сделана 22.06.2024).

Женщина в шаманском облачении также не демонстрировала готовности к открытой беседе, сообщив лишь то, что подобные обряды ею организуются 4 раза в год: в дни зимнего и летнего солнцестояния, осеннего и весеннего равноденствия. С ее слов, в обрядах у нее принимают участие одни и те же люди, «новичков» стараются включать

дозированно, не более 1-2 человек. Подобная закрытость, вероятно, вызвана осторожностью и нежеланием вступать в открытый диалог с незнакомцами. Здесь важно подчеркнуть, что на Аркаиме участники празднования дня летнего солнцестояния, наоборот отличались демонстративной простотой и открытостью, и охотно отвечали на любые интересующие нас вопросы.

В связи с вышесказанным, для изучения «рядовых» посетителей памятника, сбора источников и их структурирования, в качестве дополнительного метода нами были выбраны методы цифровой этнографии (Digital ethnography). Цифровая этнография подразумевает комплекс методов. К ним относятся сетевой анализ (Network Analysis), методика «анализа совпадающих слов» (ACC) (co-word analysis), семантический анализ и дискурс-анализ (Discourse Analysis) ^[12]. Мы используем эти методы в том понимании, который предлагает А. Калиандро, не ограничиваясь лишь автоматизированным машинным анализом интернет-данных, но и интеграцией количественных и качественных подходов, включая анализ и интерпретацию цифровых данных ^[13]. Из этических соображений и в соответствии со ст. 7 «Общедоступная информация» Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ, нами использована информация только из открытых источников, в обобщенном и обезличенном виде.

Использование описанного выше подхода позволило нам собрать достаточную для анализа информацию не только о пользователях, но и об их впечатлениях о поездке на Савин, которые они выложили в открытом доступе. Это дает нам возможность найти ответы на вопросы, что именно понравилось или не понравилось посетителям, на что они лично обратили внимание и на что, по их мнению, необходимо обратить внимание организаторам туристических поездок, а также иная необходимая нам информация, позволяющая выстроить объективную картину отношения туристов к изучаемому объекту. Важно понимать, что методы цифровой этнографии не могут быть использованы для точного подсчета количества приверженцев эзотерических учений, но в тоже время позволяют определить их примерный социальный состав ^[14].

Для нашего исследования, мы выбрали социальную сеть «ВКонтакте», поскольку она является самой популярной в России ^[15]. Сбор информации осуществлялся автоматизированной системой поиска информации VK.BARKOV.NET ^[16] (далее парсер), выбор которого был обусловлен наличием необходимых для нашего исследования инструментов («поиск по новостям и хэштегам ВК», «полная информация о пользователях», «анализ любой аудитории пользователей») и возможностью выгрузки данных в формате Excel. Частично для автоматизированного анализа нами были использованы возможности программы Microsoft Excel.

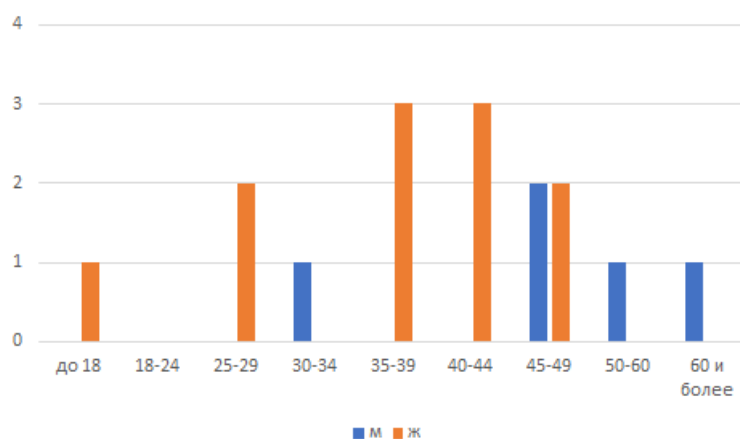
Для достижения поставленных задач мы собрали все посты в социальной сети ВКонтакте, содержащие ключевое слово «Святылище Савин». Всего было обнаружено 651 публикация. Большая часть текстов носят научный и справочно-информативный характер о памятнике или музее, отчеты об экскурсионных поездках с учащимися на Савин в официальных сообществах образовательных учреждений, объявления и отчеты о планируемых или уже проведенных официальных мероприятиях на территории памятника.

Путем семантического анализа текстов мы выделили 87 постов, сделанных 75 уникальными пользователями, представляющих для нас наибольший интерес. В них авторы публикаций рассматривают памятник археологии как «место силы», «территорию

с особой энергетикой», «сакральное место», а также заявляют о своем отношении к сакрализации объекта эзотериками. При этом 64 пользователя—это «городские обыватели», допускающие «особую энергетику» Савина, 8—организаторы поездок, предлагающие «духовное очищение» за определенный организационный взнос, 2—приверженцы оккультных учений, посетившие памятник в индивидуальном порядке, 1—представитель русской православной церкви.

Гендерную принадлежность в своих анкетах указали все 75 пользователей. 51 аккаунт, которых мы условно обозначили как «городские обыватели», принадлежат женщинам, 13—мужчинам. Также 51 человек из рассматриваемой категории указали город проживания: 28 проживают в населенных пунктах Курганской области, 10—в Свердловской области, 4—в Тюменской области, 3—в Челябинской области, 2—в Краснодарском крае, по одному в Кировской области, ХМАО, Москве и Севастополе. 19 человек указали год рождения, из них 14 женщин и 5 мужчин. Большая часть пользователей (10) относится к возрастной группе 35-49 лет, что согласно международной возрастной периодизации (1965) соответствует второму периоду зрелого возраста [\[17\]](#).

График 1. Половозрастной состав «городских обывателей», оставивших комментарий о поездке на Савин.

Анализ страниц «эзотериков», куда мы включили как «организаторов поездок», так и «приверженцев оккультных учений», показал аналогичные результаты: 8 из них являются женщинами, 2—мужчинами, при этом 6 пользователей проживают в Курганской области, по одному в Свердловской и Тюменской областях, а также в ХМАО. 3 пользователя указали возраст, из которых 2 женщины, в возрасте от 39 до 45 лет, и 1 мужчина—51 год (зрелый возраст, второй период).

Исходя из полученных данных, очевидно, что Савин является скорее объектом для семейного туризма регионального уровня. Большая часть как туристов, так и организаторов поездок постоянно проживают непосредственно в Курганской области или в соседних регионах, что подтверждает тезис о том, что данный археологический памятник пока еще мало известен в масштабах страны, не говоря уже про страны ближнего и дальнего зарубежья, и не может претендовать на звание «туристической Мекки».

Проведенный нами дискурс-анализ текстов также показал слабую популярность Савина среди туристов. Анализируя тексты публикаций, нам удалось определить 3 основные причины, почему так произошло. Во-первых, нет туристической инфраструктуры: не обустроены глэмпинги и кемпинги, не организовано место для палаточных городков, нет

продуктовых магазинов и сувенирной продукции, общепитов в зоне доступности, самое главное, отсутствуют рейсовые автобусы в данном направлении, а дорога не имеет асфальтобетонного покрытия. Фактически, грунтовые дороги до памятника имеют протяженность 30 км, если ехать от Кургана, через Падеринское, и 25 км через Белозерское. В 2024 г. положение усугубилось из-за сложной паводковой ситуации.

Если честно, ехать только ради Савина не стоит. А вот если будете где-то поблизости, то можно заглянуть в местечко. (Социальная сеть «ВКонтакте», Катерина Т., г. Екатеринбург).

Только кое-что, как всегда, не уместается в моей ворчливой голове. Если Савин—это второй Стоунхендж и Аркаим и его позиционируют как святилище и место силы для людей, увлеченных духовными практиками, то что там делают сотни людей и палатки с пивом? А если это место развлечений для развития туризма Курганской области, то, зачем там собираются развлекать людей в остальное время? А если археологический памятник, то к нему не надо бережнее относиться? (Социальная сеть «ВКонтакте», Лиза П., Курган).

На Савине мы оказались в компании коров. Все арт-объекты стояли на прежних местах, но некоторые были ещё в воде. Решили подъехать поближе к самому Савину. Нашли следы предыдущего пионера и прокатились до водной преграды. Стали разворачиваться, и преграда в виде болотца победила переднее левое колесо. (Социальная сеть «ВКонтакте», Светлана Д., г. Курган).

Во-вторых, конфликт с местным православным сообществом (включая казаков и местных жителей), которое активно борется против проникновения на территорию памятника представителей новых религиозных учений. Согласно информации из официального сообщества Курганской епархии в социальной сети «ВКонтакте», с 2019 г. ежегодно в полночь с 21 на 22 июня в храме с. Зюзино священники совершают Божественную литургию и идут крестным ходом к памятнику. На месте памятника проводится молебен «об избавлении от чародейства и бесовских наваждений», после чего территория окропляется святой водой и совершается панихида по погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Ежегодно мы молимся на этом месте, чтобы помочь заблудшим избавиться от бесовских наваждений и влияния тёмных сил (Социальная сеть «ВКонтакте», Давид М., Курганская область)

Взвешенная этноконфессиональная политика, учитывающая интересы различных групп населения, является одним из ключевых направлений внутренней политики любого российского региона. Поэтому, данный факт в принципе «кладет на лопатки» областную администрацию, заставляя искать иные способы использования уже созданной туристической площадки. Вероятно, параллельно осуществляются переговоры и с православным сообществом, так как в 2024 году на памятник не был организован ставший традиционным крестный ход, с выполнением описанных ранее православных обрядов на месте.

Эзотерическое сообщество также не заинтересовано быть стороной конфликта, так как это неизбежно привлечет внимание к ним со стороны компетентных ведомств (органы исполнительной власти, правоохранительные органы, налоговая служба и т.п.). Поэтому организацией поездок эзотерического характера преимущественно занимаются юридически «чистые» некоммерческие организации (например, АНО «Сибирский центр социального развития») [\[18\]](#). В иных случаях, памятник посещается в индивидуальном

порядке или небольшими группами, а цель визита они предпочитают умалчивать. Очевидно поэтому «сарафанное радио» в эзотерических сообществах также предпочитает умалчивать информацию о Савине.

Вудхендж, расположенный возле города Курган, был реконструирован. Это место пока малоизвестно, поэтому здесь немного посетителей и энергетически чистое пространство. Желаю совершить групповое путешествие на летнее солнцестояние с посещением великой реки Тобол, древнего города Щадринск и старинного Далматовского монастыря-крепости. (Социальная сеть «ВКонтакте», Мария М., Екатеринбург).

В-третьих, не проделана работа по созданию и распространению мифов, которые послужили бы своеобразной «рекламой» для популяризации эзотерической составляющей поездок на Савин.

Савин—древнее святилище и, предположительно, обсерватория, а теперь и объект туристического притяжения, но пока не раскрученного и не обросшего байками экскурсоводов и впечатленных увиденным туристов так, как известный и посещаемый Аркаим. (Социальная сеть «ВКонтакте», Елена Ч., г. Екатеринбург).

Эзотерики из числа организаторов поездок предпочитают не афишировать свою деятельность на территории памятника, по упомянутым выше причинам. Если поездки и совершаются, то чаще устоявшимися группами, в компании знакомых людей.

Мы всего лишь группа друзей. Хобби у нас такое, ночевать на интересных местах, с особой энергетикой. Вот сейчас мы приехали на Савин, главных среди нас нет, ведьм и колдунов тоже. (Полевые материалы автора. Экспедиция в Курганскую область. Инф. 3, участник поездок на Савин, запись сделана 22.06.2024).

Сейчас вы не сможете к нам присоединиться. Нужно заранее записаться, оплатить организационный взнос. Мы обычно приезжаем сюда в одном и том же составе, новые люди в нашей компании появляются редко. Мы и сами стараемся не включать в свои ряды новичков в большом количестве. Иногда, можем взять пару человек (Полевые материалы автора. Экспедиция в Курганскую область. Инф. 4, участник поездок на Савин, запись сделана 22.06.2024).

Любопытно, что на территории Курганской области, в относительной близости от Савина есть локации, которые могли бы использоваться в комплексе для туристической привлекательности региона, в том числе, через создание определенных мифов о необходимости соблюдения очередности посещения того или иного объекта. Такими локациями могли бы стать Чимеевский святой источник (81 км до Савина) и озеро Медвежье (209 км до Савина), которые пользователи сети наделяют исцеляющими свойствами.

В полутора километрах к северу от Чимеево находится не менее известный Чимеевский святой источник. Можно набрать бутылки воды, а некоторые не ограничиваются этим и лезут в купальню с ледяной водой. Кстати, ученые установили, что в этой воде содержится серебро. А оно, как известно, убивает все микробы и обладает целительной силой. (Социальная сеть «ВКонтакте», Лариса И., Каменск-Уральский).

Курган—столица ортопедии. Именно тут открыт всемирно известный Центр Илизарова, где работают ведущие эксперты России по патологии позвоночника. Курганская область—родина древней обсерватории. Святилище «Савин» старше египетских пирамид, Стоунхенджа и Аркаима. Целебные свойства озера Медвежье не уступают Мертвому

морю. (Социальная сеть «ВКонтакте», Наталья Л., Севастополь)

Среди проанализированных нами текстов, чаще всего встречаются такие фразы, как «Савин—дедушка Аркаима», «Савин старше египетских пирамид, Стоунхенджа и Аркаима». Эти тезисы, скорее всего, позаимствованы пользователями сети у экскурсоводов, работающих на территории музея под открытым небом. При этом посетителями музея приводится самая разная датировка от 6 тыс. лет назад, до 2,5 тыс. лет, это указывает на то, что обычный человек, далекий от археологии слабо ориентируется в исторической периодизации, а посещение музея не закрепило за ним этих знаний. Запомнились лишь громкие заявления об уникальности памятника, который превосходит «известных собратьев» по возрасту.

Если вспомнить пример Аркаима, то автором основных мифов был сам руководитель раскопок и создатель научно-исследовательского центра «Аркаим» Г. Б. Зданович («страна городов»^[19]), «могила Заратуштры» и «Прародина мировых религий»^[20], «протогородская цивилизация», «арии на Урале»^[21], «магические круги»^[22] и т.д.). Эти мифы «породили» такой поток туристов-эзотериков, что ни наука, ни государственные институты уже не могут с этим справиться. Как отметил В. А. Шнирельман: «...сотрудники музея-заповедника уже не в состоянии контролировать ситуацию...»^[1, с. 134]. А бывший тогда заместителем директора по науке центра «Аркаим» Ф. Н. Петров писал: «...запущенные сознательно культурные, а сегодня уже и природные процессы связанные с Аркаимом, начинают развиваться в значительной мере самостоятельно, они уже не поддаются однозначному регулированию и контролю. Государственные структуры уже не управляют ими, а только участвуют в них...»^[23]. Сам Г. Б. Зданович выражал сожаление о том, что туризм принял именно такую форму^[24].

Но, если говорить про популярность туризма на археологических объектах, без «духовной составляющей» и паранауки, туристов в желаемом для организаторов количестве просто не будет. «Культурно-просветительский туризм» зачастую ограничивается посещением учащихся школ, студентов, трудовых коллективов бюджетных учреждений и пенсионеров. Поэтому, к эзотерикам можно относиться по-разному, но, при условии ограниченных вложений на развитие туристической инфраструктуры, они, и только они могут обеспечить постоянный и массовый поток туристов на археологических памятниках, с регулярным пополнением регионального бюджета.

Общаясь с туристами на Аркаиме удалось выяснить, что основной целью их поездки является «загадать желание», «желание выйти замуж», «завести ребенка», «избавление от неизлечимой болезни», «благодарность Высшим силам за исполнение предыдущего желания», «зарядиться особой энергией» и т.п. Они верят, что этот ландшафт обладает такой энергетикой, при этом, немалая часть собеседников и не знали о существовании на данной территории археологического памятника. Интерес к музеям (Музей-заповедник «Аркаим», Музей природы и человека, дом и усадьба оренбургского казака), также был слабый, и проявлялся далеко не у всех.

Мы посчитали, в этом году на Аркаим в день летнего солнцестояния приехали порядка 7 тыс. туристов, однако даже десятая часть из них не посетили музеи. Сидят на своих сопках молятся. Наука им не нужна. (Полевые материалы автора. Экспедиция в Челябинскую область. Инф. 1, сотрудник музея-заповедника «Аркаим», запись сделана 23.06.2024).

Конечно, конфликты в латентной форме существуют и здесь, между представителями различных эзотерических учений, но они не переходят к открытому противостоянию, ограничиваясь лишь критикой некоторых туристов, которые «неправильно» исполняют определенные ритуалы.

Они вон пирамидки эти строят, целый город каменный построили. А для чего строят сами не знают. Думают, чем выше, тем лучше, и делают эти пирамидки основательно. На самом деле желание исполнится только тогда, когда природа разрушит пирамиду естественным образом. А у них они годами стоят. (Полевые материалы автора. Экспедиция в Челябинскую область. Инф. 2, участник поездок на Аркаим, запись сделана 23.06.2024)

Местные жители также приспособились к происходящему, и активно встроились в рыночные отношения.

А что местные? Туристы им денег приносят, кто-то сельхоз продукты продает, кто-то сувениры. У нас в поселке и шаманы живут, и колдуны, и астрологи. Им там делить нечего, клиенты у всех разные. (Полевые материалы автора. Экспедиция в Челябинскую область. Инф. 1, сотрудник музея-заповедника «Аркаим», запись сделана 23.06.2024)

Конечно, нужно понимать, что Аркаим среди сакрализованных объектов археологии держится особняком. Популяризация объекта состоялась еще в 90-е годы прошлого столетия. Тогда активно не говорили про «традиционные ценности», «духовные скрепы», «уникальную роль традиционных религий» и т.п. Поэтому эзотерики, практически не встретили заметного сопротивления со стороны как местных жителей, так и археологического сообщества. Сегодня мы имеем иную картину. Учитывая, что в Курганской области не менее 82% населения являются этническими православными^[25], мифы и паранаучные концепции вокруг Савина с «христианским» подтекстом могли бы стать приемлемым вариантом для популяризации памятника среди туристов.

Например, в Республике Башкортостан, где преобладают этнические мусульмане, мифологизацией археологических объектов («мавзолеей "Турахана"», «Ильчигуловский курганный могильник IV» и др.) успешно занимается религиозная группа «хакканитов» (мусульманский суфийский орден, последователи кипрского шейха Назима Аль-Хаккани)^[26]. Безусловно, количество туристов не исчисляется десятками тысяч, как на Аркаиме, но все же памятники регулярно посещаются, и открытой конфронтации между кем-либо не наблюдается (за исключением on-line нападков немногочисленных религиозных фундаменталистов).

Заключение. Итак, одновременное посещение двух археологических объектов в день летнего солнцестояния позволило нам сделать вывод о том, что на данном этапе памятник «Энеолитическое святилище Савин-1» в плане развития эзотерического туризма действительно не стал вторым Аркаимом. Мы выделили три основные причины, из-за которых амбиции организаторов остались не до конца реализованными:

- 1) относительно небольшие финансовые вложения на развитие туристической и дорожно-транспортной инфраструктуры;
- 2) наличие открытой конфронтации между различными группами интересантов;
- 3) отсутствие мифов, традиций и ритуалов, иными словами, своей «духовной изюминки» Савина, которая могла бы стимулировать популяризацию эзотерического туризма на объекте.

Организация музея под открытым небом, с установкой арт объектов и фотозон, проведение официальных мероприятий и фестивалей регионального уровня не смогли привлечь большое количество туристов, которые посещали бы объект на регулярной основе. Фактически, в отношении Савина более уместно определение «событийный туризм», в меньшей степени «культурно-просветительский» или «семейный туризм». Однако, для полноценного развития этих направлений вложенных средств и проделанных мероприятий недостаточно. Элементарно, отсутствие качественных дорог, даже при развитой туристической инфраструктуре, вряд ли будет способствовать потоку туристов, если основной целью их поездки не будут духовные изыскания. Несомненным плюсом «эзотерического туризма» является то, что одни и те же люди посещают один и тот же объект с постоянной периодичностью, поскольку в этом случае важным для них является сам факт «паломничества», а наличие развлекательных аттракционов, гостиниц и качественных дорог имеет второстепенное значение.

Библиография

1. Шнирельман В. А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133-167.
2. Потемкина Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: 2001. С. 166-256.
3. Потемкина Т. М. Зауральские энеолитические святилища с астрономическими ориентирами в системе сходных моделей Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: материалы международной конференции. Челябинск-Аркаим. 1999. С. 227-229.
4. Воробьева С. Н. Мистическая символика числа в контексте религиозного дискурса (на примере апокрифа «Хождение Зосимы к рахманам») // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 3 (36). С. 53-62.
5. Стратегия развития туризма Курганской области на 2019–2023 гг. / Стратегии развития туризма 2019–2023. Электрон. версия. URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/_right/obsh_sovets/info/20190328/strategiya_turizma.pdf (дата обращения 29.09.2024)
6. Рамблер: сайт / Возле древнего святилища Савин в Курганской области выделяют землю под кафе, гостиницы и кемпинги. URL: <https://travel.rambler.ru/local/53654224-vozle-drevnego-svyatilisha-savin-v-kurganskoy-oblasti-vydelyat-zemlyu-pod-kafe-gostinitsy-i-kempingi/> (дата обращения 29.09.2024)
7. Трофимова Е. А., Костомаров В. М., Маслюженко Д. Н., Новиков И. К. Энеолитическое святилище Савин-1: от открытия до музеефикации (проблемы и перспективы) // Древние и традиционные культуры во взаимодействии со средой обитания: проблемы исторической реконструкции. Материалы I Международной междисциплинарной конференции. Челябинск. 2021 С. 188-194.
8. Муниципальное образование город Курган: официальный сайт / «Едем на Савин». Областной фестиваль народного творчества приглашает гостей URL: <https://www.kurgan-city.ru/city/info/news/935/1207447/> (дата обращения 29.09.2024)
9. Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество: официальный сайт / Святилище Савин станет площадкой Географического диктанта–2023 URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/svyatilishche-savin-stanet-ploshchadkoy-geograficheskogo-diktanta-2023> (дата обращения 29.09.2024)
10. NaturePhoto.Team: сайт / Галерея лучших работ с фестиваля в Курганской Области URL: <https://naturephoto.team/npc-2024> (дата обращения 29.09.2024)
11. Корандей Ф. С. и Агапов М. Г. Туризм на археологических местах Среднего

Зауралья: Переосмысление статуса ландшафта и режимы наследия // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 175-198.

12. Rogers R. Digital Methods. Cambridge: The MIT Press. London. 2013.

13. Alessandro C. «Ethnography in Digital Spaces: Ethnography of Virtual Worlds, Netnography, and Digital Ethnography» // Handbook of Business Anthropology, Walnut Creek, Left Coast Press, 2014. P. 738-761.

14. Бесков А. Полезен ли анализ неоязыческих сообществ в соцсетях для оценки численности последователей русского неоязычества? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(3). С. 306-330.

15. Brand Analytiks: сайт / Черный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2023 // URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2023> (дата обращения 30.09.2024)

16. VK.BARKOV.NET: сайт / поиск целевой аудитории в соцсетях. URL: <https://vk.barkov.net/> (дата обращения 30.09.2024)

17. Козлова О. А., Секички-Павленко О. О. Теоретические основания определения возрастных границ и возрастной структуры населения в контексте демографического старения // AlterEconomics. 2022. № 19(3). 442-463.

18. АНО «Сибирский центр социального развития»: сайт URL: <https://sibcentr45.ru/profile/rybakova-elena-yurevna/> (дата обращения 2.10.2024)

19. Зданович Г. Б., Батанина И. М. Аркаим–«Страна городов». Пространство и образы. Челябинск: Крокус, 2007.

20. Зданович Г. Б. Могила «учителя» и образ горы в культуре «Страны городов» // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск: Крокус. 2004. С. 75-86.

21. Зданович Г. Б. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Под ред. Г.Б. Здановича. Челябинск: Каменный пояс. 1995. С. 21-42.

22. Зданович Г. Б. Вместо введения // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск: Каменный пояс. 1995. С. 3-8.

23. Петров Ф. Н. Традиционное мировосприятие народов степной Евразии. Челябинск: Крокус. 2006.

24. Зданович Г. Б. Аркаим и «Страна городов»: диалог культур // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Под ред. Г. Б. Здановича. Челябинск: Крокус. 2004. С. 49-66.

25. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт / Итоги ВПН–2020. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 10.10.2024)

26. Тузбеков А. И., Бахшиев И. И. Археологические объекты как объекты сакрализации (на примере могильника Ильчигулово IV) // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2015. № 4. С. 103-107.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проведен глубокий анализ повсеместно распространяющегося явления – сакрализации археологических памятников, превращения объектов исторического и культурного

наследия в так называемые «места силы». Статья построена на материалах включенного наблюдения, предпринятого во время экспедиционного выезда на археологический памятник «Савин-1» в Курганской области. Экспедиция была приурочена к важной для эзотерической практики дате – дню летнего солнцестояния 21-22 июня 2024 г. Текст насыщен фактами, личное наблюдение и другие методы этнографического полевого исследования позволили собрать конкретные данные, сделать аргументированные выводы и ответить на поставленный в названии статьи вопрос – почему археологический памятник «Савин-1» не стал таким же популярным местом для эзотерического туризма, как Аркаим?

Дано подробное описание примененных методов, включающих традиционные методы этнографических полевых исследования, комплекс методов цифровой этнографии (Digital ethnography) – сетевой анализ (Network Analysis), методика «анализа совпадающих слов» (ACC) (co-word analysis), семантический анализ и дискурс-анализ (Discourse Analysis), контент-анализ. Полем для цифрового анализа стала социальная сеть «ВКонтакте», сбор информации осуществлялся автоматизированной системой поиска информации VK.BARKOV.NET. Были использованы методы изобразительной статистики, данные о половозрастном составе «городских обывателей», оставивших комментарий о поездке на Савин, представлены в Граф. 1.

Научный и социальный аспекты актуальности тематики статьи подтверждаются, с одной стороны, широким обзором существующих исследований по эзотерическому туризму, археологическому туризму и сакрализации объектов исторического и культурного наследия, с другой – материализованным интересом к объекту «Савин-1» со стороны региональной власти. Администрация Курганской области – пишет автор – пытается медийно «раскручивать» Савин, путем проведения различных фестивалей, форумов и мастер-классов. Практический интерес к памятнику проявляет и частный бизнес, используя объект для проведения обрядов и создавая для этого различные атрибуты эзотерических практик – металлическое «древо желаний», выложенные из камней спирали, арт-объекты-идолы и пр.

Стиль изложения соответствует научным публикациям. Структура логичная, содержание статьи последовательно подводит к ответу на заявленный в названии вопрос. В качестве рекомендаций по структуре и содержанию статьи можно предложить автору расширить теоретический контекст, дать детальное описание самого памятника «Савин-1», цифровые данные сравнить с таковыми же по другим сакрализованным археологическим объектам. Напрашивается также применение методов ГИС, картографирование и анализ географического распределения посетителей данного объекта.

Библиография включает 26 наименований, научные публикации за последние 10 лет составляют 25% списка. Автор уверенно владеет информацией о состоянии исследований по проблемам сакрализации объектов исторического и культурного наследия в регионах России.

В целом статья является ценным вкладом в изучение феномена эзотерического туризма в России, представляет интерес как для специалистов археологов, так и для органов власти в контексте развития туристической индустрии в регионе.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Беляков Н.А., Куцева Е.А. Политическая основа дендизма в романе Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена» // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.71891 EDN: OXTKDY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71891

Политическая основа дендизма в романе Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена»

Беляков Николай Александрович

ORCID: 0009-0007-7829-4589

студент, Исторический факультет, Самарский государственный социально-педагогический университет

443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Льва Толстого, 47

✉ belyakovnikolaschka@yandex.ru

Куцева Елена Александровна

ORCID: 0000-0001-6959-5215

кандидат исторических наук

доцент, Исторический факультет, Самарский государственный социально-педагогический университет

443010, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Льва Толстого, 47

✉ kutseva@pgsga.ru

[Статья из рубрики "История и литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.71891

EDN:

OXTKDY

Дата направления статьи в редакцию:

05-10-2024

Аннотация: Предметом данного исследования являются внешние и внутренние аспекты дендизма, описанные в романе «Пелэм, или приключения джентльмена» 1828 г. английского писателя Э. Бульвера-Литтона. В исследовании рассматриваются: стиль денди во внешнем виде и костюме (принципы «Заметной незаметности» и индивидуальности); Кодекс поведения денди («Ничему не удивляться», «Сохраняя

бесстрашие, поражать неожиданностью», «Уходить, как только было достигнуто впечатление»); Ценностное содержание дендизма (Индивидуализм, персонализм, стремление к свободе, специфический элитаризм); Дендистские персоналии XIX века (Д. Браммел, Ч. Д. Фокс, Д. Байрон, А. д'Орсе и прочие). Особое внимание уделяется культурному фону периода конца XVII – начала XIX века, на основе которого появился и развивался дендизм в Англии. В исследовании используется историко-компаративный метод, заключающийся в выявлении общего и различного между образом денди, показанным автором в произведении, и канонами дендизма, описанными в исторических источниках. Помимо этого, сравнивается идеология дендизма с европейской политико-правовой мыслью конца XVII – первой половины XIX века. На сегодняшний день тема философии дендизма чрезвычайно мало раскрыта в научной литературе, а вопрос ее возможной политической составляющей практически не рассматривался. Новизна исследования заключается в том, что через изучение исторических источников и культурного фона, проведя сравнительный анализ, можно выявить влияние общественной мысли, социальной борьбы и политических событий в Англии и Европе конца XVII – начала XIX века на дендизм. После изучения текста романа, источников и предыдущих исследований, в качестве вывода можно отметить: главнейшим образом на дендизм повлияла философия Просвещения, выдвигавшая принципы рационализма, индивидуализма и гуманизма; Дендизм сложился к началу XIX века и благодаря социально-экономическому процессу перехода от феодальной к капиталистической формации, смене положения господствующих классов; Из исторических событий на зарождение движения денди некоторым образом повлияли европейские революции, а в особенности Английская революция 1640–1660 гг., Славная английская революция 1688 г., Великая французская революция 1789–1799 гг.; Многие денди XIX века, разделяя идеи свободы личности и индивидуализма, примыкали к идеологиям классического и консервативного либерализма.

Ключевые слова:

Дендизм, История культуры, Английская культура, Литература, XIX век, Эпоха Просвещения, Денди, Политическая философия, Философия права, Классическая литература

В исторических и культурологических научных исследованиях, чаще всего, делается упор на поведенческое и внешне-атрибутивное содержание движения денди, а в общественном сознании оно неразрывно связано с историей моды. Немногочисленные исследования о ценностном содержании дендизма, некоторые из них будут упомянуты ниже, находили фундамент движения денди в экзистенциальном бунте творческой личности, которая пытается утвердить свой образ в материальном мире. При изучении некоторых исторических источников о денди, а также при анализе культурного фона периода зарождения и активного становления дендизма, можно заметить в философии дендизма не только экзистенциальное, но и политико-социальное начало, которому на данный момент среди большинства исследователей внимание практически не уделялось.

Одним из источников для изучения дендизма XIX века является роман английского писателя Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена», опубликованный в 1828 г. Ценность романа как дендистского источника заключается в том, что денди в нем не просто упоминаются как сторонний культурный феномен, а сам главный герой Генри Пелэм – денди, периодически повествующий читателям об

особенностях дендизма как социально-культурного явления.

Таким образом, предметом данного исследования будут характерные черты, принципы и ценности дендизма, описанные в произведении Бульвера-Литтона.

Основой для исследования служит историко-компаративный метод, заключающийся в выявлении сходств и различий между дендистским образом, описанным в романе, и историческими примерами денди, а также между идейным содержанием дендизма XIX века и европейской политико-правовой мысли конца XVII-первой половины XIX века.

Поскольку дендизм находит свое воплощение преимущественно во внешнем виде и одежде человека, то стоит упомянуть важный принцип стиля денди – «Заметная незаметность». Данное правило сформулировал английский отец-основатель дендизма Джордж Браммел [\[1, с. 61\]](#). На портрете 1805 г. английского художника Роберта Дайтона первый денди изображен в своем классическом наряде: гессенские сапоги, бежевые панталоны, белая рубашка с шейным платком, белый жилет, черный фрак и цилиндр. Того же стиля придерживается герой романа Пелэм – «...оделся нарочито просто, без вычур (к слову сказать – человек несветский сделал бы как раз наоборот)...» [\[2, с. 311-312\]](#). В одной из глав Пелэм сам описывает свой гардероб – «Я надену черный фрак, черный жилет, длинные панталоны...» [\[2, с. 419\]](#), что явно напоминает браммеловский стиль.

Лаконичной красоте денди в книге противопоставлена вульгарная, а зачастую просто неловкая напыщенность. Одним из примеров антидендизма стал персонаж Генри Миллингтон – «...весь накладной, втиснутый в модный фрак и жилет... Дело в том, что бедняга в тот вечер был не приспособлен к тому, чтобы сидеть, – на нем был тот фрак, в котором он мог только стоять!» [\[2, с. 315\]](#).

Стоит отметить, принцип естественности должен соблюдаться человеком не вульгарным, а денди лишь таким и может быть, как во внешнем виде, так и в поведении [\[3, с. 179-188\]](#). Мать главного героя Френсис Пелэм в одном из своих писем к сыну рассуждает о том, что в высшем обществе претенциозность не нужна, в нем все держатся естественно и без вычур [\[2, с. 364\]](#).

Дендистский наряд выделяется не только минимализмом, но и индивидуализмом. Одежда для истинного денди становится предметом его жизнетворчества, денди не слепо следует моде, а создает свой образ. Напротив, антидендистским поведением будет раболепство перед чужими вкусами. В одной из глав книги с Пелэмом разговаривает лорд Винсент, оценивая гардероб некоего барона – «Он не осмелится надеть жилет нового фасона, пока этот фасон не будет узаконен каким-нибудь авторитетным лицом» [\[2, с. 332-333\]](#). Показательными историческими примерами дендистского индивидуализма из первой половины XIX века служат пресловутый Джордж Браммел, однотонный стиль которого был в новинку для консервативного английского общества рубежа XVIII-XIX веков, английский поэт Джордж Байрон прославился своим романтизмом в одежде, на многих портретах он изображен в полурасстегнутой рубашке, поверх ворота которой вольным узлом повязан шейный платок, французский денди и художник Альфред д'Орсе умел выделять себя гармоничным сочетанием ярких цветов в одежде.

Принципы естественности и индивидуальности костюма взаимосвязаны, Пелэм озвучивает их своему портному, когда тот предлагает герою усовершенствовать крой сюртука и подбить его ватой – «Будьте любезны ничего нигде не подкладывать, ни на

йоту не стягивать мне талию... И вообще, соблаговолите, в бесконечном своем милосердии, как можно точнее придерживаться того фасона, который мне дан Господом Богом» [\[2, с. 440-441\]](#). В философии дендизма не человек создан для костюма, а костюм для человека, наряд должен украшать, а не сковывать свободную личность.

Культура индивидуализма, вполне возможно, заложена уже в этимологии слова «Dandy». В английском словаре Джонсона 1836 г. предполагается, что это слово происходит от фразеологизма «Jack-a-dandy» (Тщеславный парень) [\[4\]](#).

Особенности дендистского стиля дополняются, когда на страницах романа появляется Джон Раслтон, под именем которого скрывается Джордж Браммел. Обсуждая с Генри Пелэмом портных, сэр Раслтон раскритиковал портного Стульца, фраки которого однотипны, слишком узнаваемы и не учитывают индивидуальность человека. Окончательно понять, что в этой сцене участвует сам Браммел, но под другим именем, мы можем, когда разговор Пелэма и Раслтона пытается поддержать сэр Уиллоуби, расхваливая свой новый фрак. Раслтон ему отвечает саркастической репликой Браммела [\[3, с. 61\]](#), обращенной к герцогу Бедфордскому – «По-вашему, этот предмет представляет собой фрак?» [\[2, с. 390\]](#).

Помимо принципа «Заметной незаметности», Браммелом был основан кодекс поведения денди: «Ничему не удивляться», «Сохраняя бесстрашие, поражать неожиданностью», «Уходить, как только было достигнуто впечатление» [\[3, с. 19\]](#). Генри Пелэм безукоризненно данные принципы соблюдает: главный герой книги без колебаний принимает вызов на дуэль, не удивляется и не боится того [\[2, с. 371\]](#). На обеде у лорда Беннингтона, дабы привлечь к себе внимание и эпатировать гостей, он утверждал, что носить с собой часы это буржуазная и «Плебейская» привычка [\[2, с. 312\]](#). На светских мероприятиях протагонист долго не задерживается – «Я успел произвести благоприятное впечатление, и в таких случаях неукоснительно соблюдаю правило уходить как можно скорее» [\[2, с. 378\]](#).

Говоря подробнее о принципе «Сохраняя бесстрашие, поражать неожиданностью», то Пелэм это делает постоянно. Главный герой часто эпатирует публику, начиная с того, как он на пресловутом обеде у Беннингтона на вопрос «Как вам наши улицы?» в качестве ответа рассказал выдуманную историю, якобы он упал в канаву, и вместо простой попытки вылезти начал кричать о помощи [\[2, с. 313\]](#), заканчивая случаем, когда он намеренно стравил двух собак в гостях у лорда Честера [\[2, с. 523\]](#). Желание обратить на себя внимание вызвано тем же стремлением денди к бытовому и культурному индивидуализму. Если снова посмотреть на дендистские персоналии первой половины XIX века, то особенно любил, как способ выделиться, метод благородного скандала Браммел, взаимодействующий с людьми колкими высказываниями, сделанными с театральным снобизмом [\[3, с. 59-64\]](#). Французский философ-экзистенциалист Жан Поль Сартр в своей работе 1946 г. «Бодлер» раскрыл подробнее механизм эпатажа у денди, так вызывающее поведение и наряд, заранее спланированные, предвосхищают реакцию зрителей, обезоруживают насмешников и обретают яркий запоминающийся образ во взоре публики [\[5, с. 102\]](#).

Теперь, когда мы установили характеристики денди в стиле внешности и поведения, указанные в романе, следует перейти к социально-политическому фундаменту дендизма. В «Приключениях джентльмена» Бульвер-Литтон описывает через историю главного героя внутривнутриполитическую обстановку, социальную борьбу и общественную мысль

Британской Империи. Одним из политических лейтмотивов произведения показана борьба парламентских партий вигов (либералов) и тори (консерваторов).

Сначала нужно понять политические взгляды самого протагониста романа. Самое первое, что мы узнаем о главном герое, вернее, о его семье, что его отец был «Умеренный виг и задавал роскошные балы» [\[2, с. 282\]](#). То есть, Генри Пелэм вырос явно в либеральной семейной среде и мировоззрение мог перенять от отца. «Умеренный виг» – очень характерная политическая позиция для англичанина, жившего во второй половине XVIII-начале XIX века (предполагаемый период жизни отца Пелэма). Поздний период эпохи Просвещения в Англии специфичен своим внутренним противоречием, ведь начало Просвещению и классическому либерализму дали сами англичане через Славную революцию 1688 г. и ее Билль о правах 1689 г., через идеи ученого Исаака Ньютона, просветителя Джона Локка, публициста Джозефа Аддисона и других; Но британцы же встали во главе антифранцузского консервативного блока после Великой французской революции 1789-1799 гг., идеологические корни которой ведут в Просвещение, которое начали англичане. С одной стороны, английский либерал хочет отстоять завоевания своей революции и плоды трудов своих мыслителей, но с другой, он невероятно напуган радикальностью соседней революции, которая черпала большую часть идей из его же культуры, потому и появляется «Умеренный виг» или же консервативный либерал в Англии, такие как философ Эдмунд Берк или политик Уильям Гренвиль.

Несмотря на склонность к лицемерию, Пелэм тоже близок к либерализму, как и его отец. В диалоге с лордом Винсентом он ругает непринципиального члена партии вигов, реплики которого явно противоречат программе партии, лорда Линкольна, сказавшего, что «...как бы страшны ни были бедствия народа – никогда они не будут облегчены за счет какой-либо из привилегий аристократии!». Про своих политических оппонентов Пелэм говорит – «Полное незнание основ законодательства они сочетают с полным равнодушием ко всему, что касается благополучия народа...». Когда Винсент спрашивает у протагониста о причине его беспокойства об общем благе, то Пелэм отвечает, он осознает себя частью нации и «...если я наношу им вред, я тем самым врежу себе», стремление даровать народу благополучие, таким образом, сулит благополучие и ему самому [\[2, с. 482-484\]](#). Часть взглядов Генри Пелэма описывалась чуть раньше, а именно в сцене прогулки во Франции в Сен-Жерменском предместье. Герой описывает улицы предместья с воодушевлением ретрограда: старинная архитектура, незатронутые новшествами нравы и манеры, «...слегка надменные, хотя и весьма учтивы люди, на которых Революция не наложила печати демократического плебейства...» [\[2, с. 351-352\]](#). Таким образом, Пелэм, как и его отец, тоже подходит под типаж «Умеренного вига».

Подробностей в описание взглядов главного героя могут добавить упоминания литературы и авторов, которых Пелэм читал или цитировал на протяжении романа. Идеологические вдохновители Пелэма упоминаются в главе, в которой дядя главного героя подготавливает его к политической карьере. Во-первых, дядя презентует Пелэму статью английского либерального философа-утилитариста Джона Стюарта Милля о государственном управлении [\[2, с. 411-412\]](#). Дабы понять идеи мыслителя, можно обратиться к более поздней книге 1861 г. «Размышления о представительном правлении». В труде Милль рассуждает на тему функционирования представительных органов власти в государстве, об их взаимоотношении с исполнительной властью, устройстве избирательной системы, но, что самое важное, в работе Милль провозглашает все формы правления и типы политических режимов следствием

социальных отношений, а если государство сотворено человеком, то люди же, исходя из своего правосознания и состояния общего духа, могут его изменить. Основными критериями хорошего государственного устройства философ называет сочетание порядка и прогресса [\[6, с. 7-37\]](#).

Во-вторых, дальше говорится – «Мы изучили все поистине превосходные статьи "Энциклопедии"...» [\[2, с. 413\]](#). «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», издававшаяся в 1751-1772 гг., содержит в себе множество статей на социально-гуманитарные темы за авторством французских философов-просветителей разных политических взглядов, от умеренного либерала Анна Жака Тюрго до мечтающего о возвращении в первобытный Золотой век Жан-Жака Руссо. К сожалению, персоналии или названия статей не упоминаются, из-за чего невозможно определить какие именно просветители-энциклопедисты повлияли на Пелэма. Впрочем, главный герой цитирует философа-просветителя Клода Адриана Гельвеция [\[2, с. 442\]](#).

В-третьих, упоминается английский мыслитель консервативно-либерального толка Иеремия Бентам, но вновь без конкретики о прочтенных трудах [\[2, с. 413\]](#). В целом, поскольку и Бентам и Милль принадлежат к утилитаристскому течению, то их положения о государстве и общем благе примерно едины. Можно отметить, поскольку Пелэм готовился к карьере парламентария, то он мог прочитать «Тактику законодательных собраний» 1816 г. Эта работа Бентама не политико-философская, а больше обозревает позитивные и традиционные способы регуляции законотворчества, помимо этого, в ней ученый выводит центральный принцип гласности, на котором основывается доверие народа к своим представителям. Гласность предполагает состязательность партий и политиков в парламенте, свободу слова и прозрачность законодательного процесса [\[7, с. 10-33\]](#).

В-четвертых, можно вернуться к моменту, когда Пелэм обосновывает свою заинтересованность в общем благе. Умозаключение о своей принадлежности к народу, и, соответственно, выгоде народного благополучия для себя самого, выстроено в соответствии с идеей добродетельного эгоизма шотландского просветителя-экономиста Адама Смита, которую он подробно описал в трактате 1759 г. «Теория нравственных чувств» [\[8\]](#). Возможность ознакомления Пелэма с этим мыслителем подтверждается строчками из книги, что он прочитал политэкономов [\[2, с. 413\]](#), а Смит как раз был одним из основоположников классической политэкономии.

Теперь, когда описаны в общих чертах политические взгляды Генри Пелэма и выявлены его идеологические вдохновители, необходимо обозначить связь между дендизмом и либерализмом, отраженную в романе.

Стоит упомянуть, помимо Сартра, французского философа-экзистенциалиста Альбера Камю и его труд «Бунтующий человек» 1951 г. Мыслитель в своей работе рассматривает дендизм как способ бунта, связывая его, отнюдь, не с бунтом против устаревших социально-политических порядков, а с борьбой против вселенского забвения и личной смертности, которую денди переняли из культуры Романтизма [\[9, с. 154-159\]](#). Но в данном случае нужно рассмотреть идею Камю о стилистическом бунте. Художник своими произведениями искусства бунтует и противостоит самой действительности – «Искусство – это обретшее форму требование невозможного» [\[9, с. 331\]](#), а в случае с денди предметом искусства является сама личность, облаченная в тщательно подобранные одежды и манеры. Если снова обратить внимание на портрет Джорджа Браммела от

художника Дайтона, да и в целом на мужские портреты начала XIX века, а перед этим взглянуть на английские портреты вплоть до конца XVIII века, то можно найти отображение бунта в минималистском костюме, изобретенным денди. Семиотика дендистской «Заметной незаметности» проявляется в отрицании одежды как способа показать свое положение в феодальном строе: отказ от богато украшенных жюстокоров, расшитых сложными узорами камзолов, от рубашек с большими воротниками или кружевными жабо и манжетами, от напудренного парика и шляпы с перьями, замена их на фраки, однотонные жилеты, на повязанный аккуратным узлом вокруг ворота рубашки шейный платок, на коротко постриженные волосы и цилиндр на голове – не является ли все это противостоянием тому, что долгое время считалось символами наследственного дворянства и монархии, знаками богатства, ведущего свое происхождение от низкопоклонства при королевском дворе и эксплуатации угнетенных сословий? Что это, как не бунт, направленный на уничтожение Старого порядка в сфере эстетики?

Описанный выше процесс стремления мужской моды к минимализму, начавшийся на рубеже XVIII-XIX веков, в исторической и культурологической литературе принято называть «Великим мужским отказом» [\[10\]](#). Мужской отказ продиктован не только личностью Браммела, он, скорее, его окончательно сформулировал, но в большей степени философией Просвещения, Великой французской революцией, Наполеоновскими войнами 1799-1815 гг. Кроме перемены в гардеробе, изменился и способ ухаживать за собой: мужчины перестали пользоваться румянами, белилами, пудрой, накладными мушками, париком, заменили сильно-пахнущие духи естественным запахом чистого тела, моясь и умываясь чаще.

Денди – индивидуалист во всем, начиная от костюма, заканчивая моделью поведения. Дендистский персонализм во многом происходит из культуры эпохи Просвещения. Если философы-просветители писали о свободе личности с точки зрения политических, социальных, экономических отношений, то денди перенесли идею человеческой правосубъектности и свободы воли на бытовую культуру. Значимость идеи естественного права на свободу куда больше, чем просто гарантия отсутствия произвольного насилия над личностью в правовой доктрине, ведь если человек рождается свободным, то он волен распоряжаться собой как угодно, и равноценно волен сопротивляться попыткам лишить его свободы. Как писал Руссо – «Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах» [\[11, с. 10\]](#), денди же эти оковы, подобно революционеру, разрывает. Денди разрывает цепи оков общественного мнения, намеренно эпатируя общество и привлекая к себе внимание, он рушит традиционные представления об одежде как знаке сословного статуса, делая костюм воплощением чувства прекрасного свободной личности, он низвергает саму сословную структуру, отказываясь признавать ее авторитет. Дендизм и Просвещение не случайно имеют общие английские истоки, денди продолжает революцию, начатую еще против короля Карла I в 1640 г., но теперь восстание идет не против социального Старого порядка, а против его формы в культуре; Триумф революции же выражается не в государственных законах, и не на страницах оппозиционных памфлетов, а на улицах городов, в джентльменских клубах и на балах.

О социально-политическом происхождении дендизма отмечает в романе и сам Бульвер-Литтон. В одной из глав Генри Пелэм разговаривает с Джоном Раслтоном, напомним, под этим именем скрывается денди Джордж Браммел. Раслтон, как и Браммел, к концу жизни превратился в собственную тень, он в изгнании и от былой славы почти ничего не осталось – «Я ввел в Англии накрахмаленные галстуки и кончаю тем, что завязываю свой собственный галстук в Кале, глядясь в трехдюймовое зеркальце». Раслтон потешался над английским обществом своего времени, находил его большинство рабами

старых предрассудков – «...англичане раболепствуют перед знатью и пасуют перед дерзостью» [2, с. 393-395]. Соответственно, если он не является представителем привилегированного дворянства, то ради воплощения амбиций нужно вести себя вызывающе и сблизиться со знатью, размыв тем самым классово-сословные рамки. Кстати говоря, реальный Браммел гордился своим неаристократическим происхождением и одновременно был другом принца-регента Георга Уэльского (будущего короля Георга IV) [3, с. 66], демонстрируя тем самым, может и неосознанно, скорую смерть Старого порядка и в социуме и в культуре. Далее Раслтон напрямую заявляет о своих мотивах, они скрываются в том, в чем главная причина любой революции и вольнодумства – социальная неудовлетворенность. Персонаж с нескрываемой ненавистью говорит – «Бальзамом для моей души, полной горечи и злобы, было созерцать, как те, что отвергли бы меня, если бы посмели, извивались под моим хлыстом, которым я, по своей прихоти, карал и миловал... Я живу в мире воспоминаний, я снова попираю ногами герцогские короны и горностаевые мантии – гордость ничтожных "Великих мира сего"» [2, с. 396].

Говоря о персонаже Раслтоне в романе, то нам известно из воспоминаний мореплавателя Уильяма Джесси «Жизнь Джорджа Браммела», опубликованных в 1844 г., что Браммел читал книгу Бульвера-Литтона. Основоположник дендизма остался недоволен собственным образом в произведении, назвав его «Грубейшей карикатурой» [12, с. 186]. Первый денди считал изображенную в романе свою модель поведения гиперболизированной, а попытку отобразить в книге его стиль одежды, которому пытался подражать сам капитан Джесси, скорее «...похож на сороку» [12, с. 67-68]. Возможно, недовольство романом обусловлено еще и тем, как Бульвер-Литтон снял с Браммела маску дендизма, под аполлоническим обликом скрывалась обида маленького человека на свою незначительную роль в традиционной государственно-сословной структуре, от которой он так отчаянно пытался освободиться.

В публицистике одним из первых о политическом фундаменте дендизма размышлял французский денди Барбе д'Ореви́льи в работе 1845 г. «Дендизм и Джордж Браммел». Писатель тоже ищет корни дендизма в Английской революции 1640-1660 гг., но не из вышедшего из нее Просвещения, а из столкновения английского пуританизма с гедонизмом, навеянным французским влиянием при правлении Карла II [1, с. 39-41]. Однако, влияние Просвещения при формировании дендизма д'Ореви́льи признает – «Подобно философам, противопоставляющим законам более верховные обязательства, денди своим личным примером устанавливают иные правила над теми, которые господствуют в наиболее аристократических (видимо, автор имел ввиду не в духовном, а сословном смысле), наиболее приверженных традиции кругах». Под философами, которые ставят определенные правила выше позитивного права и обычаев, явно понимались философы-просветители, постулировавшие наличие у человека естественных прав, одним из которых был пресловутый английский просветитель Локк или французский мыслитель Гельвеций, тоже ранее упомянутый, которого читал Пелэм; Весьма забавно, д'Ореви́льи видит сходства между Джорджем Браммелом, отказавшимся от напудренных париков и ярких кафтанов, и русской просветительницей Екатериной Романовной Дашковой, отказавшейся от румян [1, с. 44].

Из индивидуализма денди берет свое начало стремление к элитарности. Здесь дело не только в общем пафосе образа денди, в само дендистское сообщество попасть было довольно сложно, вспоминая их закрытые джентльменские клубы. Главный критерий отбора в клуб был в наличии хорошего тона и воспитанности, а на финансовое

положение или сословие смотрели в последнюю очередь [\[3, с. 201-203\]](#). Еще стоит отметить, клуб денди «Брукс» собирал членов партии вигов, что тоже подтверждает связь дендизма с вольтерьянством [\[3, с. 201\]](#). Особый элитаризм денди стал реакцией на разрушение прежних классово-сословных порядков на рубеже XVIII-XIX веков: когда буржуазия до конца не окрепла, а дворянство до конца не ослабло, тогда денди предлагают свою социальную модель в виде духовного аристократизма. Идея создания аристократии духа, противопоставляя ее как персской иерархии Старого порядка, так и радикальному требованию полного равенства, сильно пересекается с философией Просвещения. Беря в пример немецкого философа-просветителя Поля Анри Гольбаха, несмотря на критику тирании, абсолютной монархии, родовой аристократии и феодализма, он считал, что власть народных масс не способна сохранить свободу и правопорядок – «Любовь к равенству кончает тем, что разрушает здание, которое было воздвигнуто добродетелью и поддерживалось ею некоторое время» [\[13, с. 145-146\]](#), а «Непросвещенные и лишенные нравственности люди созданы для того, чтобы рано или поздно стать рабами» [\[13, с. 148\]](#). Самому Пелэму одинаково неприятно находиться как в обществе феодальной аристократии, так и нуворишей, ведь оба этих класса не соответствуют просвещенному требованию аристократии разума и вкуса – «Затем я, с видом крайнего утомления, взял свою шляпу и расстался с шутовской помесью фешенебельной черни и вульгарной знати» [\[2, с. 429\]](#), либо можно вспомнить его реплику о Гайд-парке – «Но здесь чванливость дворянства... обрушивается на вас как буря с градом, а низкопоклонство буржуазии может вызвать внезапный приступ тошноты» [\[2, с. 570\]](#).

И так, поскольку дендизм явно имеет просветительские корни и является, по сути своей, эстетской борьбой личности за свою свободу, то нет ничего удивительного в том, что Пелэм и многие реально существовавшие денди XIX века примыкали к либеральной идеологии: Чарльз Джеймс Фокс, который был инициатором запрета работорговли в Англии в 1807 г., человек-скандал Джордж Байрон, его друг и поэт Томас Мур, писатель Чарльз Диккенс, поднимавший в своих произведениях проблему социального неравенства в английском обществе, да и сам Эдвард Бульвер-Литтон состоял в партии вигов, иные примеры. Классический либерализм ставит своей целью построение политико-экономического порядка, в котором государство будет минимально вмешиваться в жизнь людей, а индивиды получают свободу мысли и действий [\[14, с. 102\]](#), в том числе свободу самовыражения и жизнетворчества, чего и желали денди. Не только Генри Пелэм был в романе денди-либералом, автор на это намекает, например, когда лорд Доутон говорит Пелэму о незавидном положении вигов в Палате общин, главный герой грозит направить к дверям парламента «Целый легион денди» [\[2, с. 486\]](#). Другим подтверждающим примером из книги будет описание лорда Винсента, в котором Бульвер-Литтон сам связывает либеральные взгляды и духовный аристократизм – «Полулиберал по своим взглядам, и, разумеется, аристократ по натуре» [\[2, с. 319\]](#).

В «Приключениях джентльмена» есть и антипод денди-либералу, здесь нужно вспомнить персонаж некоего барона, которого обсуждали Пелэм и Винсент. Помимо того, что барон боится надеть «...жилет нового фасона, пока этот фасон не будет узаконен каким-нибудь авторитетным лицом», протагонист ему дает характеристику – «Эта душа мрачна и полна смятения, ее тревожат смутные видения Старого строя; Она подобна летучей мыши, кружащей вокруг келий древнего замка. Жалкая, старомодная душонка!» [\[2, с. 432\]](#). Консерватор-охранитель с большей вероятностью станет рутинером, признавая уже общепринятые явления и вещи как должное, поскольку сама суть традиционализма

заключается в сохранении социальных порядков и поддержании обычаев [\[15\]](#). Впрочем, и здесь есть свое исключение в лице английского денди и политика из партии тори Бенджамина Дизраэли.

Но является ли Генри Пелэм денди в полном смысле этого слова? Вопрос достаточно сложный, ведь, с одной стороны, мы видим сходства между стилем одежды и практически полное сходство с кодексом поведения денди, добавляется и соответствие политических взглядов Пелэма с дендистской идеологией. Но, несмотря на все предыдущие пункты, протагониста от истинного денди отличает лицемерие. Речь идет не о театральности и способности примерять на себя разные амплуа, чем герой тоже занимается на протяжении романа, хамелеонство вполне соответствует дендизму, имеется в виду именно меркантильное лицемерие. Многоликостью протагонист отличался еще с начала романа, так как главной его целью было завоевать признание в светском обществе, главной наставницей в этом стала его мать [\[2, с. 318\]](#), но апогея кривоудшие достигло после того, как Пелэм начал заниматься политической карьерой. Самый запоминающийся пример лицемерия описан, когда Генри Пелэм агитирует проголосовать за себя на выборах жителей Баймола: во-первых, его «Обращение ко всем независимым избирателям местечка Баймол» представляет собой текст карикатурно-популистский, ничего не выражающий [\[2, с. 402\]](#); Во-вторых, при общении со священником Комбермиром Сент-Квинтином Пелэм притворяется традиционалистом феодально-аристократического толка, а в беседе с виноторговцем Джоном Бриггсом он становится либералом буржуазно-демократического толка [\[2, с. 404-409\]](#). Подобное поведение явно противоречит дендизму, поскольку в миропонимании денди, перенявших идеалы Просвещения и склонных к либерализму, все люди рождены свободными и равными в правах, а особое обращение допустимо только с людьми из своего узкого круга аристократии разума и вкуса. Потому, например, Джордж Браммел обрушивался насмешками одинаково на всех, а Альфред д'Орсе был одинаково вежлив и добр со всеми, как с лордами, так и с лакеями, ведь нет для денди ни знати, ни простолюдин, но определенно есть люди «Comme il faut» и люди «Vulgaires». С Браммелом данный эгалитарный подход сыграл злую шутку, поскольку принц Георг Уэльский не смог долго терпеть подобное отношение к себе, разорвав позже дружбу с денди [\[3, с. 73\]](#). Генри Пелэм же, ради политической прагматики и сохранения своего положения в обществе, равным отношением к окружающим пренебрегает.

Подводя итог, в романе Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена» отображаются дендистские каноны внешности (минимализм и индивидуализм) и поведения (эпатаж, театральность, определенная сдержанность). Помимо внешней характеристики дендизма, автором были оставлены данные о его внутриценностном содержании, о его возможной связи с политической сферой культуры общества. Дендизм, таким образом, в некотором смысле является эстетическим продолжением революций и философии эпохи Просвещения, особенно ее изначальной английской традиции, выраженном в искусстве повседневной жизни. Дендизм переносит либеральные ценности неприкосновенности и свободы личности из политической плоскости в культурно-бытовую. В философии дендизма индивид борется за свободу самоопределения и самовыражения против деспотизма общественного мнения и социально-культурных ограничений, реже, в случае денди среди политических деятелей, против государства и его законов, разрушая личным примером устаревшие догмы. Вся жизнь, от стиля костюма до манеры речи, превращается для вольнодумного денди в манифестацию его идей, в торжество его личного вкуса, знамя которого бунтарь-эстет несет наперекор всем: закостенелым предрассудкам, обществу и государству.

Библиография

1. д'Оревилли Б. Дендизм и Джордж Браммел. М.: Альциона, 1912.
2. Бульвер-Литтон Э. Пелэм, или приключения джентльмена // Последние дни Помпей / Пелэм, или приключения джентльмена. М.: Правда, 1988. С. 279-737.
3. Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
4. Johnson S., Walker J. Dandy // Johnson's dictionary. Boston: C. J. Hendee, 1836. P. 90.
5. Сартр Ж. П. Бодлер. М.: УРСС, 2004.
6. Милль Д. С. Размышления о представительном правлении. New York: Chalidze publications, 1988.
7. Бентам И. Тактика законодательных собраний. Челябинск: Социум, 2006.
8. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 98-100.
9. Камю А. Бунтующий человек. М.: Издательство политической литературы, 1990.
10. Flugel J. C. The psychology of clothes. London: Hogarth press, 1940. P. 110-113.
11. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. М.: Юрайт, 2020. С. 10-11.
12. Jesse W. The life of George Brummel. London: J. C. Nimmo, 1886. Vol. II.
13. Гольбах П. А. Естественная политика, или беседы об истинных принципах управления. Т. I. // Избранные произведения П. А. Гольбаха в двух томах. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1963. Т. II. С. 83-286.
14. Мизес Л. Либерализм. Челябинск: Социум, 2011. С. 102-108.
15. Oakeshott M. On Being Conservative. 1956. URL: https://www.academia.edu/23673199/On_Being_Conservative_1956_by_Michael_Joseph_Oakeshott (Дата обращения: 27.09.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Всем, кто читал пушкинский роман в стихах "Евгений Онегин" памятно следующее описание главного героя: "Как денди лондонский одет". Однако помня эти строчки, мы вряд ли осознаем тот смысл, который современники XIX в. вкладывали в понятия "денди" и "дендизм".

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются характерные черты, принципы и ценности дендизма, описанные в произведении Бульвера-Литтона "Пелэм, или приключения джентльмена". Автор ставит своими задачами выявить сходства и различия между дендистским образом, описанным в романе, и историческими примерами денди, а также между идейным содержанием дендизма XIX века и европейской политико-правовой мысли конца XVII-первой половины XIX века.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективно объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать политическую основу дендизма в романе Эдварда Бульвера-Литтона «Пелэм, или приключения джентльмена».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует

отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 15 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем собственно на труд Э. Бульвер-Литтона, а также сочинения Д. Милля, А. Смита, П. Гольбаха и др. Из используемых исследований укажем на работы О.Б. Вайнштейна и Б. д'Оревиля, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения дендизма. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как дендизмом, в целом, так и его политической основой, в частности. Апелляция по оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что ценность рассматриваемого романа Э. Бульвер-Литтона "заключается в том, что денди в нем не просто упоминаются как сторонний культурный феномен, а сам главный герой Генри Пелэм – денди, периодически повествующий читателям об особенностях дендизма как социально-культурного явления". В работе показано, что "дендизм в некотором смысле является эстетическим продолжением революций и философии эпохи Просвещения, особенно ее изначальной английской традиции, выраженном в искусстве повседневной жизни". Автор обращает внимание на то, что в философии дендизма

"индивид борется за свободу самоопределения и самовыражения против деспотизма общественного мнения и социально-культурных ограничений, реже, в случае денди среди политических деятелей, против государства и его законов, разрушая личным примером устаревшие догмы".

Главным выводом статьи является то, что

"жизнь, от стиля костюма до манеры речи, превращается для вольнодумного денди в манифестацию его идей, в торжество его личного вкуса, знамя которого бунтарь-эстет несет наперекор всем: закостенелым предрассудкам, обществу и государству".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Гринько А.А. Дальневосточные кладбища как объект изучения // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.69487 EDN: OXWFBB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69487

Дальневосточные кладбища как объект изучения

Гринько Андрей Александрович

ORCID: 0000-0002-9690-421X

кандидат исторических наук

доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Дальневосточный государственный аграрный университет

675000, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Политехническая, 86

✉ andrey2007-85@mail.ru

[Статья из рубрики "Антропосоциогенез и историческая антропология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.69487

EDN:

OXWFBB

Дата направления статьи в редакцию:

01-01-2024

Аннотация: Статья посвящена актуализации изучения дальневосточных кладбищ как объектов, обладающих исторической ценностью, формирующих и сохраняющих национальную память. Избранная тематика имеет междисциплинарный характер, включающий исторические, культурологические, правовые, градостроительные, философские и иные аспекты, и отличается не только научной, но и общественной значимостью. На региональном дальневосточном уровне практически отсутствует комплексный подход к изучению погостов, в том числе, в рамках вспомогательной исторической дисциплины некрополистики (или некрополеведения), хотя ее значимость трудно переоценить. Дальневосточные кладбища, самые ранние погребения которых датируются второй половиной XIX века, содержат целый пласт информации, касающийся разных эпох, особенностей общественного уклада, экономики, культуры, стилистики надгробий, содержания эпитафий, биографий исторических личностей. Особое место занимают исчезающие и частично утраченные кладбища, официально не являющиеся объектами культурного наследия, но представляющие научную и краеведческую ценность. В качестве основных методов исследования применялись историко-

сравнительный метод, позволяющий выявить сходства и различия у захоронений разных эпох; хронологический метод, дающий возможность рассмотреть эволюцию погостов через призму временных изменений, и ряд других, с учетом принципов историзма, объективности и системного анализа. Привлекались микроисторический и культурологический походы, теория повседневности. В работе рассматриваются некоторые особенности мест захоронений, основные вехи их изучения, характеризуется ряд дальневосточных погостов, важных с точки зрения научного анализа и сохранения национальной памяти, проводится обоснование отечественных кладбищ как комплексных памятников, обладающими исторической ценностью, формирующих и сохраняющих коллективную память народа. Выводы, сделанные в статье, позволяют судить о том, что изучение дальневосточных кладбищ пока остается отрывочным и бессистемным, хотя это – перспективное направление региональной исторической науки, способное существенно дополнить и обогатить ее новыми данными, обобщениями и смыслами. Научные исследования должны идти параллельно с общественной деятельностью по сохранению существующих погостов, восстановлению надгробий и увековечиванию памяти людей, оставивших значимый след в жизни региона и страны в целом.

Ключевые слова:

Дальний Восток России, некрополеведение, некрополистика, кладбище, история, надгробие, захоронение, национальная память, историческая память, памятник

Кладбище представляет собой не только место захоронения, но и многослойный памятник, призванный формировать коллективную идентичность, сохранять и транслировать память о ранее живших поколениях людей. Кладбища являются сосредоточением социально-исторической памяти целых сообществ людей, здесь концентрируется прошлое. Цель таких «мест памяти», опираясь на концепцию П. Нора, – остановка времени, блокирование работы забвения, фиксирование настоящего порядка вещей, обессмерчивание смерти, материализация нематериального для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков [\[1\]](#). Места памяти существуют только благодаря тому, что о них помнят. Если желание и возможность помнить исчезает, то места памяти превращаются в места забвения.

Изучение кладбищ позволяет лучше понимать специфику жизни тех или иных поколений, культурные особенности соответствующей эпохи, материальное благосостояние определенных слоев общества и многое другое. Рассматриваемый вопрос имеет не только научный, но и нравственный аспект. Последний наглядно выражается в отношении живущих поколений к местам захоронений и их состоянию. Выдающиеся личности прошлого (А.С. Пушкин, И.В. Гете и др.) неоднократно обращались к нравственному содержанию проблемы памяти. Кладбище и его восприятие в различные эпохи – показатель существовавшего и существующего в обществе исторического самосознания. «Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю, – писал Н.М. Карамзин, – старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о деяниях лежащего в ней Героя» [\[2\]](#). Исследователь М.Д. Артамонов отмечал, что «...забота о могилах предков – один из элементов культуры любого народа, показатель его духовного здоровья. К сожалению, у нас и раньше, и теперь культ предков, в хорошем смысле этого слова, не было, и нет. О кладбищах мало пишут, их недостаточно изучают, о захоронениях мало заботятся. Могилы многих, даже выдающихся сынов и дочерей

России, зарастают травой забвения, а порою исчезают совсем» [3]. Решение этой нравственной проблемы необходимо и возможно, равно как и решение исследовательских задач в этой области. Научное изучение кладбищ, проводимое в рамках некрополистики (или некрополеведения) как вспомогательной исторической дисциплины слабо проявляется на уровне Дальнего Востока, хотя значимость этой работы невозможно переоценить.

Кладбище выступает в качестве объекта похоронного назначения, предназначенного для погребения останков и праха умерших или погибших [ГОСТ Р 53107-2008 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200069390> Дата обращения: 25.12.2023]. Как комплекс погребений и надгробных памятников на особой территории, кладбище позиционируется как один из традиционных видов землепользования, обязательный элемент, присущий существованию человеческого общества. На кладбищах нередко выделяются особые зоны, погребение на которых проводится в соответствии с определенными ритуалами и традициями. В случае длительного существования и значительной историко-культурной ценности можно говорить о кладбище как некрополе. Верхняя граница датировки исторического некрополя, как правило, ограничивается первой половиной XX века [4]. Предметом дискуссий остается возможность отнесения к некрополям более «молодых» захоронений, принадлежащих известным людям и отмеченных уникальными памятниками.

К настоящему времени в РФ разработана определенная нормативная база, регулирующая сферу похоронного дела и содержания захоронений [Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 N 8-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/ Дата обращения: 24.12.2023. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N 52-ФЗ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ Дата обращения: 23.12.2023. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 июня 2011 г. № 84 «Об утверждении СанПиН 2.1.2882-11 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12089475/> Дата обращения: 23.12.2023]. Согласно законодательству, места погребений, как создаваемые, так и существующие, не могут быть снесены, и переносятся только при наличии угрозы вследствие стихийных бедствий. При переносе кладбищ и захоронений проводится рекультивация, использование территории разрешается только спустя 20 лет после переноса, и лишь под насаждения. На региональном уровне функционирование кладбищ основывается на положениях Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и нормативных документах соответствующих органов [Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ Дата обращения: 23.12.2023]. Несмотря на то, что местные администрации обязаны содержать места захоронений, требования законодательства нередко нарушаются. Существенная часть региональных кладбищ, особенно в небольших населенных пунктах, находится в удручающем состоянии, вызванном недостаточным финансированием, пробелами в правовой сфере и слабой общественной инициативой.

Зародившись как сугубо утилитарная, санитарно-гигиеническая изоляция мертвых от живых, по мере общественного прогресса и развития человеческого сознания, кладбища превратились в места систематических посещений со своей специфической

культурой, становясь, своего рода, музеями под открытым небом, сосредоточием архитектурных и культурных традиций. Значимость факта смерти в жизни человеческого общества привела к развитию похоронной культуры, уникальной для той или иной эпохи, народа, региона.

Кладбище выступает в качестве ценного исторического источника. Этот источник важен при изучении социально-политической истории, истории искусства, градостроительства и повседневности, анализе антропо- и этногенеза [5]. Надгробия олицетворяют свое время, территорию, отношение со стороны современников и потомков. Анализ рисунков, символов и текстов, размещенных на надгробиях, позволяет изучить собственно отечественную мемориальную культуру: «от реконструирования «биографии вещей», задействованных в коммеморациях (технологии изготовления, декора, подбора текстов эпитафий), до анализа темпоральности и локальной идентичности» [6].

Академик Д.С. Лихачев отмечал, что «... кладбище – это элемент города, своеобразная и очень ценная часть городской архитектуры. Надгробные памятники ... разнообразны, индивидуальны и всегда по-своему любопытны. Читая забытые имена, иногда разыскивая похороненных здесь известных людей, своих родных или просто знакомых, посетители в какой-то мере учатся «мудрости жизни». Роль одиноких могил или кладбищ в воспитании «нравственной оседлости» очень велика» [7].

В социальном и культурном плане значимость кладбища заключается в его прямой связи с вечной проблемой жизни и смерти, сохранением представлений об общем прошлом для последующих поколений людей, что формирует коллективную идентичность нации. Посещение кладбища означает своеобразную встречу с людьми минувших эпох. Осознание важности сохранения памяти о предыдущих поколениях привело к отнесению ряда кладбищ и отдельных захоронений к объектам культурного наследия. Согласно законодательству РФ, мемориальные памятники (в том числе художественные надгробия старше 100 лет) являются объектами культурного наследия и подлежат охране и сохранению [Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 N 73-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ Дата обращения: 23.12.2023]. Однако это касается сравнительно малой части погостов, преимущественно расположенных в европейской части страны. Существенная часть примечательных отечественных надгробий не осознается как национальное достояние, незащищена перед человеческим невежеством и постепенно предается забвению, либо безвозвратно утрачена. Современная ситуация такова, что историко-культурное, духовное и даже патриотическое значение провинциальных, в том числе дальневосточных, кладбищ ставится под сомнение, собственно культура посещения таких мест практически не развита, что нельзя считать нормальным явлением. Сохраняется сложившееся в советский период «отчужденное отношение к кладбищам как к некой разновидности складов с ограниченным сроком действия, в то время как, на самом деле, некрополи – это материальное воплощение духовности общества, феномен культурного наследия» [Караваева Н. В. Социально-экологические аспекты изучения некрополей как феномена культурного наследия: на примере Москвы : автореферат дис. ... кандидата географических наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2007, 24 с.].

Осознание важности изучения и сохранения отечественных кладбищ стало складываться в имперский период истории России. Особенно явно это проявилось на рубеже XIX-XX вв., когда исследователи-энтузиасты стали описывать некрополи, расположенные в европейской части страны, а результаты оформлялись в виде сравнительно

многочисленных публикаций [\[8\]](#). Началось описание надгробных памятников, инициатором чего стал великий князь Николай Михайлович. Он считал, что «издание надгробных надписей сохранит их навсегда от исчезновения и даст полезный материал для истории и, особенно, для генеалогии» [\[9\]](#). Изучение кладбищ было прервано событиями 1917 года. В советский период погостам был нанесен значительный урон. Разруха и бедствия Гражданской и Великой Отечественной войн, уничтожение религиозных объектов, надгробий представителей дворянства и буржуазии, целого ряда кладбищ, располагавшихся рядом с культовыми сооружениями и общественными зданиями, отсутствие ухода за старыми захоронениями, привели к потере целого пласта национальной исторической памяти. Несмотря на активность краеведческих объединений и отдельных энтузиастов («Старая Москва», Б. Греков, Н. Иконников и др.), некрополистика переживала упадок. Только в 1960-е годы начнется период ее возрождения, связанный с исследованиями захоронений Великой Отечественной войны и ряда столичных кладбищ. В 1970-1980-е годы появляются описания кладбищ ряда крупных городов. Важную роль в развитии некрополистики сыграли научно-практические конференции, проводившиеся раз в несколько лет, начиная с 1990 года [\[10\]](#). К изучению некрополей приступил Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия), издаются фундаментальные книги, публикуются научные статьи [\[11; 12; 13\]](#). С 1990-х гг. в отдельных регионах появляются полноценные общественные движения, изучающие и защищающие кладбища, включающие как энтузиастов, так и специалистов в области некрополистики, краеведения, генеалогии и др. Некоторые инициативы получают государственную поддержку, расширяется просветительская деятельность, разрабатываются тематические экскурсии. В начале нового тысячелетия появляется и развивается сетевая некрополистика: создаются и обретают популярность соответствующие интернет-сайты, тематические страницы, блоги и публичные группы в социальных сетях. Современный интерес к кладбищам, как и ранее, основан на любительском, популярном энтузиазме, роль науки остается вторичной. Краеведы широкого профиля: музейные, библиотечные, архивные работники, журналисты и педагоги, активные и равнодушные граждане, определяют пути и направления развития некрополистики.

К настоящему времени существует значительное количество исследований не только в отношении кладбищ и отдельных захоронений европейской части страны, но и расположенных на территории Сибири [\[14; 15\]](#). Однако, применительно к восточной России, их перечень крайне незначителен. При этом в южной части Дальнего Востока существует целый ряд кладбищ, имеющих сравнительно длительную историю, представляющих интерес для науки и важность с точки зрения сохранения национальной памяти. Среди опубликованных научных работ, посвященных дальневосточным кладбищам, можно отметить труды В.С. Гришечкина и Е.С. Кирсановой, посвященные Морскому кладбищу Владивостока, работу Е.А. Шмакова о церковном некрополе Хабаровска, публикацию А.В. Ижендеева об обелисках кладбищ Благовещенска и некоторые другие [\[1; 16; 17; 18\]](#). При этом для научного изучения дальневосточных погостов и реконструкции их истории, имеется источниковая база, включающая в себя метрические книги, данные статистики, некрологи, документацию местных и региональных органов власти, карты и планы населенных пунктов, реестры захоронений, а также фрагменты мемуаров, газетные публикации, фото-видео-материалы, интернет-публикации, описывающие современное состояние тех или иных захоронений.

Охарактеризуем некоторые из дальневосточных погостов. В городе Благовещенск

Амурской области сохранилось два некрополя, возникших во второй половине XIX в. Вознесенское кладбище появилось почти одновременно с самим городом и изначально располагалось за его пределами. Название «Вознесенское» оно получило после возведения в 1896 году храма Градо-Благовещенской кладбищенской церкви во имя Вознесения Господня. По мере расширения города оно вошло в его состав и сегодня расположено в центральной части. В имперский период погост был огорожен, установлены трехарочные ворота, на его территории располагались церковь во имя Второго пришествия Господа и Страшного Суда, частная часовня, отдельные участки еврейских и японских захоронений, а общая площадь достигала 27 кв. км. Большинство жителей Благовещенска, за исключением молокан, покоилось именно здесь. Надгробия состоятельных горожан или материалы для них нередко заказывались из Европы, сооружались мраморные и гранитные склепы, колонны и стелы. После гибели Российской империи многие памятники, особенно носящие имена дворян, священнослужителей, представителей буржуазии, были уничтожены, материал использовался для хозяйственных нужд, а иногда и как основа для создания надгробий другим людям. В довоенные годы была уничтожена южная часть кладбища, на которой, в частности, покоились врач-хирург, один из пионеров применения внутривенного наркоза А.П. Еремич (1876-1920); золотодобытчик и меценат П.Д. Баллод (1837-1918); сатирик Ф.И. Чудаков (1888-1918); поэт П.Ф. Масюков (1848-1903); первый куратор римско-католических церквей Дальнего Востока капеллан К. Радзишевский (1838-1893); художник, один из основателей первого на Дальнем Востоке художественно-промышленного училища П. С. Евстафьев (1880-1958), ученик Ильи Репина^[19]. Их могилы утрачены. На остальной части погоста захоронения продолжались до 1970-х годов, преимущественно семейного характера. Среди выдающихся личностей, покоящихся здесь, можно отметить, известного краеведа Г.С. Новикова-Даурского (1881-1961); режиссера, заслуженного деятеля искусств РСФСР Н.И. Уралова (1899-1964). Судя по воспоминаниям благовещенцев, еще в середине XX в. здесь сохранялись уникальные памятники дореволюционного периода. Цитируем: «Нас поражала величиим трехстенная беседка высотой с человеческий рост из плит белого мрамора с голубыми прожилками, увенчанная церковной маковкой весом в несколько сотен килограммов. ... Помню высокую беседку редкой кузнечной работы и с завершением в виде купола. Стены отделаны металлом, напоминая вьющиеся виноградные лозы с тонкими узорчатыми листьями. Внутри, на облицованном керамической плиткой полу, была вмонтирована чугунная ваза, в которой находился букет роз из металла. На главной аллее стоял двухметровой высоты обелиск из черного мрамора основателю Благовещенского пивоваренного завода Клоссу. Напротив него покоился прах купца 1-й гильдии Бояринцева. Его памятник состоял из четырех цветов. Четыре круглые колонны из полированного зеленовато-серого мрамора, основание — черного мрамора, стела из красно-серого камня, а завершал ансамбль купол в виде церковной маковки, который переливался на солнце кристаллами ярко-белого мрамора» [Воспоминания В. Григорьева // Амурская правда. Приложение «Старая мельница». 24 апреля 1998 г.]. В настоящее время историческую и культурную ценность представляет ряд памятников имперского и советского периодов, исполненных в каменном и металлическом виде, часть из которых сохранилась лишь частично. До 2010-х годов Вознесенское кладбище было фактически заброшенным и постепенно уничтожалось, а часть территории использовалась под нужды жителей и организаций, была проложена автодорога, построена автозаправочная станция. Общественная активность и инициативность местных жителей, ученых, руководства города в последние годы привели к положительным изменениям в облике данного кладбища, однако превращения некрополя в полноценный историко-культурный объект и мемориал пока не произошло.

Молоканское кладбище Благовещенска сохранилось лишь частично, в урезанных границах. Молокане, ортодоксальным православием считавшиеся сектантами, в имперский период мигрировали на восток страны, в частности, в Приамурье, благодаря фактически действовавшей здесь религиозной свободе и экономическим перспективам региона. К 1880 году в Благовещенске уже насчитывалось около семи тысяч молокан. Большинство могил выглядело скромно, так как похоронный ритуал у «духовных христиан» был сравнительно прост. Они ставили скромные деревянные памятники в форме тумбочек, если не оставляли камней, кресты не ставили принципиально [20].

Основной массив сохранившихся памятников, как на Вознесенском, так и на Молоканском кладбище, составляют советские обелиски, изготовленные из стали и бетона, с пятиконечными звездами, реже – с крестами, в отдельных случаях, с эпитафиями. Иногда к обелискам прикреплены символы и знаки каких-либо профессий и обществ: якорь, руль, знак общества «Трудовые резервы» [17]. Среди сохранившихся надгробий особый интерес представляют надгробия в форме обрубленного дерева, устанавливавшиеся на могилах последних в роду людей. Они встречаются и в других регионах Дальнего Востока, в частности, на Морском кладбище Владивостока. Рядом с Благовещенском есть более молодые кладбища, расположенные на 8 и 17 км Новотроицкого шоссе. Первое было открыто в 1970-е годы, второе – в 1990-е. Несмотря на свою «молодость» и сравнительно короткую историю существования, они также являются местами коллективной памяти, а примечательные надгробия и выдающиеся личности, похороненные здесь, должны выступать объектами изучения и защиты.

В Биробиджане Еврейской автономной области старейшее городское кладбище находится возле микрорайона «Мясокомбинат» и условно состоит из двух участков. Первый, где, вероятно, хоронили жителей станции Тихонькая еще до образования города, сейчас фактически представляет собой участок леса. Второй известен как «Старое кладбище» и большей частью сохранился, но находится в запущенном состоянии и разрушается. Примерно до середины XX века на нем хоронили первых строителей города и почетных жителей, ветеранов Великой Отечественной войны, иудейские захоронения здесь перемешаны с сугубо светскими [Черненко В. Старейшее кладбище Биробиджана под угрозой исчезновения // Комсомольская правда. Хабаровск. URL: <https://www.hab.kp.ru/daily/27127/4212414/?ysclid=Il0ctn31xo676297807> Дата обращения: 07.11.2023].

Центральное кладбище Хабаровска функционирует с 1930-х годов, получив печальную известность захоронениями репрессированных граждан. Здесь покоятся такие известные люди, как писатель, общественный деятель и охотовед В.П. Сысоев (1911-2011); поэт П.С. Комаров (1911-1949); олимпийский чемпион В.С. Голованов (1938-2003); артисты М.М. Кацель (1930-2000) и А.З. Егоров (1922-1967); певец Н.И. Кола Бельды (1929-1993); писатель и философ В.Н. Иванов (1888-1971); ученый-паразитолог А.В. Маслов (1906-1971) и другие. В настоящее время погост благоустроен, ведется работа по оцифровке захоронений и составления интерактивной карты кладбища [Загорская Е. Новая история старого кладбища: в Хабаровске оцифруют погосты // Habinfo – интернет-журнал Хабаровска. URL: <https://habinfo.ru/tsentralnoe-kladbische/?ysclid=Il0drnny3483581810> Дата обращения: 07.12.2023]. Ряд захоронений поставлен на учет Всероссийским обществом охраны памятников. В настоящее время основным кладбищем Хабаровска считается «Матвеевское». Здесь покоятся люди, ушедшие относительно недавно, в том числе те, кто имел особые заслуги перед страной и народом. Например, писатель-фронтовик Ю.И. Квятковский (1926-2013). Помимо Центрального и Матвеевского, в Хабаровске имелось несколько старых, в том числе

церковных, кладбищ, большинство из которых уничтожено. Сохранившиеся, например, в районе Амурского моста, находятся в неудовлетворительном состоянии. Последние захоронения здесь датируются 1940-1950-ми годами, значительная часть территории погоста была снесена в ходе реконструкции моста, а оставшаяся представляет собой неблагоустроенное пространство. Здесь находится могила талантливого художника М.Е. Сергиенко (1927-1955).

Во Владивостоке ряд старых кладбищ безвозвратно утрачен в первые десятилетия советской власти. Это касается Успенского и Покровского погостов. Кирпич, мрамор, металлические элементы использовались при строительстве и ремонте жилых и производственных зданий. Некоторые погосты исчезли в послевоенное время, например, Старое Эгершельдское. Именно там, в 1930 г. был изначально похоронен выдающийся путешественник В.К. Арсеньев (1872-1930). Такие кладбища, как Новое Эгершельдское и Солдатское, запущены и постепенно разрушаются. Наиболее известным из сохранившихся является Морское кладбище Владивостока, открытое в 1903 г. Название у кладбища сформировалось не сразу, оно также именовалось холерным, братским, военным, закрытым ^[1]. Морское кладбище включает погребения трех исторических эпох, включая участников Гражданской войны (так называемых, «красных», «белых» и интервентов (чехов, японцев, англичан, канадцев, французов) и военных (от моряков Русско-японской войны до бойцов, погибших в зоне СВО). Первыми стали могилы моряков крейсеров «Россия» и «Аскольд», и солдат 4-го Восточно-Сибирского полка, не сохранившиеся до нашего времени. В 1911 г. здесь были перезахоронены доставленные из Кореи останки моряков крейсера «Варяг», а созданный мемориал в настоящее время относится к памятникам федерального значения. С 1912 г. на территории кладбища начались захоронения и гражданских лиц. Были построены церковь, часовня, общинный дом женской монашеской общины. Как и все старые кладбища, Морское не избежало гонений первых десятилетий существования советской власти. Волна антирелигиозной пропаганды кардинально меняла отношение людей не только к религии, но и к местам захоронений. Оказались разрушены культовые постройки, распущена женская община, уничтожен ряд могил ^[1]. В 1954 г. сюда были перенесены захоронения советских бойцов, павших в ходе конфликта на КВЖД в 1929 г. под Мишань-Фу и у озера Хасан в 1938 г., а также прах исследователя В.К. Арсеньева (1872-1930). Данные объекты являются памятниками историко-культурного наследия федерального значения. В 1980-е годы здесь были перезахоронены контр-адмирал Е.С. Бурачек (1836-1911) и морской исследователь Ф. Гек (1836-1904); похоронены настоятель лютеранской церкви святого апостола Павла во Владивостоке, декан лютеранских приходов Дальнего Востока и пастор Карл Август Румпетер (1849-1912), первая в мире женщина-капитан дальнего плавания А.И. Щетинина (1908-1999), организатор рыбной промышленности в регионе Ш.Г. Надибаидзе (1907-1964), историк и академик А.И. Крушанов (1921-1991); были созданы мемориалы, посвященные погибшим кораблям и их экипажам (подводной лодке С-178, теплоходам «Баскунчак», «Комсомолец Находки», «Большереец», «Тикси»). Наиболее старые из сохранившихся могил представляют собой каменные надгробия в виде дерева с обрубленными ветвями, сломанной колонны, креста на Голгофе (сохранилось только основание), многие захоронения советского периода своим внешним видом и материалом сходны с надгробиями, встречающимися на погостах других дальневосточных городов, ряд из них оформлен исходя из профессиональной деятельности умершего, преобладает морская тематика. Центральное кладбище Владивостока появилось в 1920-е годы и активно использовалось до своего закрытия в 1970-х гг. Здесь покоится геолог и палеонтолог Д.Ф. Масленников (1904-1953), первая мать-героиня Владивостока Р.А. Полутис (1892-1958), контр-адмирал К.О. Осипов (1898-

1945), корейский политик-социалист Ли Дон Хви (1873-1935) и другие известные личности. Современное состояние данного погоста оставляет желать лучшего. Более молодым и используемым вплоть до настоящего времени является Лесное кладбище Владивостока. Здесь похоронен олимпийский чемпион С.М. Ощепков (1934-2012), герой Советского Союза М.Г. Малик (1911-1980), основатель Института океанографии ДВО РАН Н. Васильков, архитектор Ю.А. Траутман (1909-1986), народный артист РСФСР В.Я. Мялк (1925-1996), ученый-зоолог Г.Ф. Бромлей (1906-1982).

Таким образом, отечественные кладбища выступают комплексными памятниками, обладающими исторической ценностью, формирующими и сохраняющими коллективную память народа. Наиболее ранние из существующих кладбищ южной части Дальнего Востока включают захоронения трех исторических эпох. Памятники имперского периода, преимущественно начала XX века, сохранились в небольшом количестве и, в основном, в каменном исполнении. Надгробия с металлическими элементами присутствуют в единичных случаях. В силу отсутствия систематического ухода и непризнания, за редким исключением, со стороны государства объектами культурного наследия, данная группа памятников постепенно исчезает. Большой массив составляют надгробия советского периода, выполненные из металла, нередко типового образца. Послевоенному периоду свойственно большое количество пирамид и обелисков с красными звездами, памятников и оград с символами предприятий, организаций, конкретных профессий, разнообразие эпитафий, с минимальным количеством отсылок к религии. История отдельных погостов, например, Морского кладбища во Владивостоке, настолько богата и многогранна, что заслуживает самостоятельного изучения. Степень сохранности надгробий различна и связана с целым комплексом факторов: природно-климатических, материальных, временных и других. Действующие кладбища дальневосточных населенных пунктов находятся в лучшем состоянии, чем старые, закрытые погосты. Последние демонстрируют процесс превращения из мест памяти в места забвения, которые без регулярного ухода обречены на исчезновение. Действительность такова, что территория ряда погостов, особенно неиспользуемых в настоящее время, подвергается негативному влиянию со стороны расширяющихся населенных пунктов, вплоть до непосредственного соседства жилой или промышленной застройки и мест захоронений. Кроме того, старые кладбища часто страдают от вандализма и служат прибежищем для асоциальных элементов. В отсутствие контроля и надлежащей охраны это ускоряет процесс утраты данных объектов, формирует негативное отношение к памятным местам, что не может восприниматься положительно. Изучение дальневосточных кладбищ пока остается отрывочным и бессистемным, хотя это – перспективное направление региональной исторической науки, способное существенно дополнить и обогатить ее новыми данными, обобщениями и смыслами. Научные исследования должны идти параллельно с общественной деятельностью по сохранению существующих погостов, восстановлению надгробий и увековечиванию памяти людей, оставивших значимый след в жизни региона и страны в целом.

Библиография

1. Кирсанова Е.С. Морское кладбище: о памяти и забвении // Известия Восточного института. 2019. № 3 (43). С. 46-68.
2. Карамзин Н.М. История Государства Российского: [в двенадцати томах]. М.: Московский рабочий: Слог, 1993. Т. 1-2. 1993, 366 с.
3. Артамонов М.Д. Московский Некрополь. М.: Столица, 1995, 432 с.
4. Беляев Л.А. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. М.: ИА РАН, 2011, 53 с.
5. Шокарев С.Ю. Некрополь как исторический источник // Источниковедение и

- краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения С. О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 21–25.
6. Егорова Г.С., Иванова М.О., Митина Е.И., Шуринова А.М. «Зеркало живых»: описание надгробий Центральной России имперского периода / под ред. Е. М. Болтуновой. М., 2022, 54 с.
7. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. М.: Прогресс, 1992, 237 с.
8. Саитов В.И. Петербургский некрополь : т. 1–4 / изд. вел. кн. Николай Михайлович. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1912–1913.
9. Московский некрополь / Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. СПб., 1907. Т. 1. С. IV.
10. Исторический некрополь России как часть отечественного культурного наследия: проблемы изучения и охраны: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24–25 мая 2019 года. Москва: ИЦ «Краеведение», 2019. 416 с.
11. Шокарев С. Ю. Источники по истории Московского некрополя XII – начала XX века. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019, 486 с.
12. Мохов С. В. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2020, 328 с.
13. Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 456 с.
14. Красильникова Е.И. Исторический некрополь Новосибирска: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 начало 1941 г.) // Вестник ТГУ. 2014. №380. С. 80-91.
15. Берман Е. А., Павлова Е. Г. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т.16. № 4(37). С. 114-128.
16. № 4(37). С. 114-128. 16. Гришечкин В. С. Морское кладбище: прошлое и настоящее. Владивосток: Издательская группа «Восток-Контракт», 2010, 120 с.
17. Ижендеев А. В. Обелиски на кладбищах города Благовещенска Амурской области // Наукосфера. 2022. № 9-2. С. 1-7.
18. Шмаков Е. А. О проблеме изучения церковного некрополя города Хабаровска // Материалы VIII международной студенческой научно-богословской конференции: Сборник докладов, Санкт-Петербург, 18–19 мая 2016 года. Санкт-Петербург: Религиозная организация-духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви», 2016. С. 298-303.
19. Холкина Т.А., Чаюн Л.А. Архитектурное наследие Благовещенска. Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006, 112 с.
20. Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск: АмГУ, 2013, 396 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Дальневосточные кладбища как объект изучения»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте.

Методология исследования базируется на принципах научности, системности, историзма. В работе применен системный подход и исторические методы исследования.

Актуальность темы определяется тем, что кладбища являются социокультурным феноменом, дающие представление о прошлом. автор пишет, что «изучение кладбищ позволяет лучше понимать специфику жизни тех или иных поколений, культурные особенности соответствующей эпохи, материальное благосостояние определенных слоев общества и многое другое». Кладбище выступает, как и исторический источник, который важен «при изучении социально-политической истории, истории искусства, градостроительства и повседневности, анализе антропо- и этногенеза», а также изучение кладбищ важно и с нравственной точки зрения. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения.

Научная новизна определяется самой постановкой вопроса и задач исследования. Новизна обусловлена также тем, что в данной работе сделана попытка исследовать кладбища на Дальнем Востоке, которые представляют значительную историческую и культурную ценность на широком круге источников .

Стиль, структура, содержание Стиль статьи научный с элементами описательности, язык статьи ясный. Структура работы в целом направлена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор раскрывает актуальность темы исследования, отмечает важность нравственной составляющей кладбищ и проблемы памяти, приводит цитаты известных людей об этом. Автор подчеркивает, что «научное изучение кладбищ, проводимое в рамках некрополистики (или некрополеведения) как вспомогательной исторической дисциплины» слабо проявляется на уровне Дальнего Востока, хотя значимость этой работы невозможно переоценить» и отмечает, что в данной работе делается попытка внести определенный вклад в эту тему. В статье дан неплохой обзор работ по изучению некрополей и кладбищ и отмечает вклад в изучение данной темы Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия). Автор также называет работы, посвященные изучению кладбищ Дальнего Востока и подчеркивается, что для изучения кладбищ Дальнего Востока «имеется источниковая база, включающая в себя метрические книги, данные статистики, некрологи, документацию местных и региональных органов власти, карты и планы населенных пунктов, реестры захоронений, а также фрагменты мемуаров, газетные публикации, фото-видео-материалы, интернет-публикации, описывающие современное состояние тех или иных захоронений». Автор дает характеристику некоторых кладбищ Дальнего Востока, а также отмечает причины исчезновения ряда кладбищ в г. Владивостоке и др. городах. В завершении работы приведены объективные выводы. Отмечается, что на Дальнем Востоке сохранились памятники трех эпох, имперского, советского (довоенного и послевоенного) периода и действующие кладбища. Отмечается, что старые погосты в отсутствие контроля и надлежащей охраны разрушаются. Главный вывод автора заключается в том, «научные исследования должны идти параллельно с общественной деятельностью по сохранению существующих погостов, восстановлению надгробий и увековечиванию памяти людей, оставивших значимый след в жизни региона и страны в целом».

Библиография работы представлена на хорошем уровне и составляет 22 источника (это фундаментальные работы по теме исследования и смежным темам, в их числе работы М.Д. Артамонова, С.Ю. Шокарева, С.В. Мохова и др.).

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над статьей информации и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья посвящена актуальной и интересной теме, будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Гирченко Е.А. Культура Баодунь в контексте появления рисосеяния в Сычуаньской котловине // Genesis: исторические исследования. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.11.72358 EDN: PAANUJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72358

Культура Баодунь в контексте появления рисосеяния в Сычуаньской котловине

Гирченко Екатерина Александровна

ORCID: 0000-0001-5304-2595

кандидат исторических наук

научный сотрудник; Отдел археологии каменного века; Институт археологии и этнографии СО РАН
630090, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, каб. 503

✉ wusong@yandex.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.11.72358

EDN:

PAANUJ

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2024

Аннотация: К культуре Баодунь, локализованной на равнине Чэнду Сычуаньской котловины и датируемой III– началом II тыс. до н. э., относятся десять поселений разной степени изученности. Предметом данного исследования являются новые исследования культуры 2021 – 2023 гг., показавшие наличие у носителей культуры Баодунь заливного рисосеяния, которое по всей видимости составляло основу рациона в сочетании с культурой просо, что говорит о комбинированном характере земледелия. Собирательство и охота обеспечивали дополнительные ресурсы. Новые данные положили начало дискуссии, связанной с происхождением очевидно пришедшей культуры Баодунь. Возможно, культура Баодунь сложилась около 4700–4500 л. н. на основе миграций из северо-западных регионов современных Ганьсу и Цинхая, однако археоботанические выводы как для проса, так и для риса, предполагают связь с другими регионами – на юго-востоке Китая. Методология данного исследования строится на последовательном применении описательного, системно-функционального и сравнительно-исторического методов, что позволило на основе новейших данных

раскопок и междисциплинарных исследований 2021 – 2023 гг. не только описать культуру в целом, ее составные элементы и происходящие изменения, но и охарактеризовать динамику развития экономики древнего населения Сычуаньской котловины. На основе анализа публикаций на китайском языке, автором проанализированы основные проблемы исследования культуры Баодунь – ее зарождения, типа хозяйствования, изначальных точек миграции, архитектурной традиции и феномена ранних укрепленных городищ на юго-западе Китая, эволюции керамики, ставшей основой для внутреннего деления культуры на этапы. Установлено, что поселения культуры Баодунь значительно превосходят по численности любые стоянки более раннего времени. Вероятно, такой рост населения продолжался до тех пор, пока не были освоены все пригодные земли, после чего следующим этапом стала интенсификация методов ведения натурального хозяйства, что в конечном итоге привело и к усложнению социальной структуры древних обитателей Сычуаньской котловины примерно за 700–500 лет до появления носителей культуры бронзы Саньсиндуй.

Ключевые слова:

провинция Сычуань, неолит, культура Баодунь, керамика, культурные связи, древнее земледелие, рисосеяние, укрепленное городище, миграции, памятник Баодуньцунь

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0004 «Многообразие и преемственность в развитии культур в эпохи камня, палеометалла и средневековья в дальневосточном и тихоокеанском регионах Евразии»

The investigation was carried out as a part of the research project by IAET SB RAS No. FWZG-2022-0004 "Diversity and continuity in the development of cultures during the Stone, Paleometal and Middle Ages in the Far Eastern and Pacific regions of Eurasia."

УДК 631.417.1(487)

Сычуаньская котловина представляет собой достаточно закрытую природную единицу, окруженную на западе – Тибетским нагорьем, на востоке – районом ущелья Санься на р. Янцзы, на севере – горами Ханьчжуна, на юге – Юньнань– Гуйчжоуским плоскогорьем. Рельеф, высокий на западе, постепенно становится ниже на востоке, таким образом, территория объединяет два отличных в природном отношении района. Обилие рек, в первую очередь, Миньцзян, Луьцзян, Цзялинцзян, Тоцзян, Фуцзян, Цюйцзян и их притоков, делают этот регион максимально пригодным для земледелия. Равнина Чэнду в западной части Сычуаньской котловины особенно благоприятна для сельского хозяйства благодаря ее широким просторам, ровному рельефу и плодородным почвам. Это веерообразная аллювиальная равнина площадью около 7340 км², где находится центр провинции Сычуань, г. Чэнду, а также города и уезды вокруг – Гуанхань, Пэнчжоу, Цзиньтан, Дэян, Шифан, Писянь, Дуцзяньян, Чунчжоу, Даи, Цюнлай, Шуанлю и Синьцзинь. Для равнины Чэнду характерен влажный субтропический климат с сильным влиянием муссонов. В неолите климат также был мягким, примерно на 3о теплее современного [\[1, p. 16\]](#). Наиболее полно исследованные поздненеолитические поселения культуры Баодунь, датируемой III– началом II тыс. до н. э., расположены в бассейне рек

Миньцзян и Луньцзян. Влияние климатических и экологических изменений на социальное развитие древнего населения равнины Чэнду является предметом дискуссий в научных кругах, климатические исследования показали, что относительно теплый и засушливый муссонный климат преобладал на равнине Чэнду в середине голоцена, однако после 2500 гг. до н. э., времени сложения и развития культуры Баодунь, постепенно эволюционировал в сторону менее теплого, но с более обильным количеством осадков. Носители культуры Баодунь заселили равнину Чэнду примерно за 700–500 лет до появления носителей культуры бронзы Саньсиндуй.

Проблема происхождения неолита Сычуаньской котловины довольно сложный и малоизученный вопрос, наиболее полно изучены эпонимный памятник Баодуньцунь и другой крупный памятник Бяньдуйшань, другие объекты слабо исследованы и расположены достаточно разрозненно. Археологические работы на равнине Чэнду начались в 1933–1934 гг. с раскопок американского ученого Дэвида С. Грэма в Юэлянване в Гуанхане, к исследованиям которого впоследствии присоединился английский ученый Д.С. Дай [\[2, 3\]](#). В течение большей части XX в. основное внимание исследователей было сосредоточено на памятнике развитого бронзового века Саньсиндуй, хотя были и другие значимые открытия, такие как бронзовые клады Чжувацзе и памятник Шуйгуаньинь в поселке Синьфань, Бяньдуйшань в городе Мяньян, большой курган Янцзышань на севере города Чэнду, остатки поселения Шиэрцяо в центре города Чэнду и т.д. Датированная 2700–2000 гг. до н. э., Баодунь является на сегодняшний день старейшей и наиболее изученной неолитической культурой равнины Чэнду, несмотря на то, что ее датировки значительно моложе культур среднего и нижнего течения р. Янцзы соседних регионов.

Самым ранним крупным открытием неолита в истории изучения археологии Сычуани стал памятник Бяньдуйшань, раскопанный в 1953 г. близ деревни Синьцзаосян уезда Мяньян. Бяньдуйшань – это памятник с одним неолитическим горизонтом, но он сразу дал определенные представления о неолите данной территории. Название Бяньдуйшань первым стало применяться к неолиту региона, однако не закрепилось, материальная культура Бяньдуйшань не была достаточно репрезентативной для неолита региона по сравнению с открытыми позднее Баодуньцунь и другими памятниками ареала. Кроме того, памятник Бяньдуйшань действительно довольно далек от центральной зоны культуры Баодунь. Постепенно связь позднего неолита с названием культуры Баодунь окончательно устоялась в научной литературе. Позже проект исследования неолита Сычуани был свернут, открытые памятники на два десятилетия остались без должного внимания. В 1970-х гг. были открыты и некоторые новые неолитические объекты – памятники Ганцзинкоу в уезде Чжунсянь, Ланьцзяпо в уезде Ланчжунсянь, в черте города Гуаньюань – памятники Чжанцзяпо и Дэнцзяпин, памятники Чжунбацзы, Баобэньсы в уезде Наньбу, Цзыфосы в уезде Наньчун [\[4, с. 286\]](#). На волне всеобщего интереса к Саньсиндуй в 1989–1991 гг. были полностью раскопаны и доисследованы Бяньдуйшань, Чжанцзяпо, Дэнцзяпо, Чжунцзыпу. Эти раскопки северных регионов Сычуаньской котловины подтвердили догадку 1953 г. о принадлежности такого типа объектов к неолитическому времени. Сформировалось и утвердилось представление об особой только для этого региона характерной неолитической культуре.

Памятник Баодуньцунь был открыт в 1995–1996 гг., где были зафиксированы рукотворные глинобитные внешний и внутренний валы. «Внутренний город» имел площадь примерно 60 га, «внешний город» – 276 га. Раскопки были продолжены только в 2009–2011 гг., тогда было открыто большее количество архитектурных сооружений внутри неолитического городища, 130 зольников и два захоронения. В 2016–2021 гг.

проведена серия исследований по выявлению рациона древних носителей культуры Баодунь и климатической ситуации в регионе в то время. На сегодняшний день только раскопки эпонимного памятника были опубликованы в виде монографии [\[5\]](#), а по другим памятникам имеются лишь краткие отчеты. Многие вопросы остаются неразрешенными, например, назначение отдельных архитектурных строений памятника, особенности хозяйственной и культовой деятельности, доля продуктов земледелия в рационе обитателей равнины Чэнду, организация и расположение поселений на равнине Чэнду в целом, а также связи с многочисленными неукрепленными поселениями на равнине Чэнду и сопредельными регионами.

Восемь наиболее полно исследованных памятников – Баодуньцунь, Юйфуцунь, Гучэн, Манчэн, Шуанхэ, Цзычжуцунь, Яньдянь и Гаошань – представляют собой укрепленные поселения. Каждое из них, вписанное в окружающий ландшафт и расположенное вдоль реки, было окружено земляными трамбованными стенами, иногда внутренними и внешними, и рвами. В Баодуньцуне, Юйфуцуне и Гучэне в поперечном сечении стены имеют трапециевидную форму, внутренние и внешние склоны с обеих сторон достаточно пологие. В Баодуньцунь и Юйфуцунь на глинистой почве зафиксированы даже отпечатки инструментов для трамбовки, а также остатки песка и золы, которые, вероятно, использовались для предотвращения прилипания глины к инструментам. В Гучэне использовались также камни и галька, которыми покрывалась внешняя поверхность стены. Аналогичным образом стены Манчэна были плотно утрамбованы слоями, в то время как внешние поверхности стен были выложены камнями и галькой. Рвы окружали земляные стены в Баодуньцунь, Манчэн, Шуанхэ и Цзычжуцунь, однако существует и точка зрения, что, возможно, они изначально были вырыты как карьеры для забора строительного материала [\[1, p. 55\]](#).

Памятник Баодунь или Баодуньцунь расположен в 5 км от одноименного населенного пункта в уезде Синьцзинь провинции Сычуань на юго-западе равнины Чэнду на высоте 470 м над уровнем моря. Первые обследования территории были проведены в 1950-х гг. и были посвящены исследованию гробниц периода династии Хань рубежа эр. Захоронения упирались в остатки стен, уложенных методом трамбованной слоями земли, еще тогда признанных рукотворным сооружением более раннего времени. Поскольку более поздние исследования 1980-х гг. не показали наличие датирующих признаков, стены были отнесены ко времени предшествующих периоду Хань эпох – династии Цинь и Воюющих царств. В 1995–1996 гг. раскопки проводил Институт археологии и материальной культуры провинции Сычуань (г. Чэнду), общая площадь раскопок составила около 500 м². Изначально были вырыты две траншеи с восточной стороны памятника, за которыми последовали более масштабные раскопки в 1996 г., которые включали раскопки дополнительных секций стен и траншеи в центральной части объекта. После двух сезонов полевых работ Баодуньцунь можно было охарактеризовать как примерно прямоугольное сооружение, охватывающее площадь около 600 000 м² (60 гектаров). Максимальная ширина стены городища составляла 25 м, а максимальная высота — 5 м, что оказалось самым большим из известных укрепленных поселений на территории равнины Чэнду. Как у стен, так и в центральной части было обнаружено множество фрагментов керамики и изделий из камня [\[6, с. 698\]](#). Радиоуглеродное датирование древесного угля с памятника показало даты 4505 ± 95 л.н. и 4485 ± 70 л.н. [\[7, с. 41, 42\]](#). Дальнейшие раскопки показали, что во время работ 1995–1996 гг. был раскопан так называемый «внутренний город». Его первоначальный этап функционирования датируется ранним этапом культуры Баодунь. Дальнейшие раскопки 2009 г. установили размеры «внешнего города», составляющие примерно 276 га. В 2009

г. площадь раскопок составила только 100 м², тогда как в следующем году уже превысила 1800 м² и в 2011 г. составила 1000 м². Раскопки показали, что внешняя земляная стена очерчивает площадь около 276 гектаров, что делает Баодуньцунь вторым по величине укрепленным неолитическим городищем в Китае, немногим уступающим укрепленному поселению Шимао, провинция Шэньси, датируемому средним периодом Луншань, около 2000 г. до н. э.

Стратиграфические данные свидетельствуют, что поселение Баодуньцунь пережило несколько фаз — изначально неукрепленного поселения, затем появления внутренней стены и, наконец, внешней стены. Пробные шурфы и траншеи внутри «внутреннего города» показали, что культурные отложения в наибольшей концентрации в основном сохранились в центре «внутреннего города», возможно, он является наиболее густонаселенной зоной. Река Теси, частично протекающая по территории памятника, изменила свое русло в середине XIX в., что могло нарушить и уничтожить культурный слой по мнению Лю Синши [\[8\]](#), исследователя паводковых отложений, идентифицировавшего также древнее речное русло, проходящее через укрепленное поселение Юйфуцунь. С 2001 г. Баодуньцунь входит в Список охраняемых объектов материальной культуры государственного уровня.

Раскопки большей частью велись во «внутреннем городе» и в юго-восточной стороне «внешнего города». Было обнаружено три глинобитных строения больших размеров, несколько небольших строений, наземных и на сваях, более 130 зольников, колодцы, мусорные ямы и несколько захоронений. Три больших строения располагались внутри «внутреннего города», они отличаются от типичных жилищ культуры, в первую очередь, размерами. Вероятно, это были места публичных собраний и имели ритуальные функции. Одно из строений представляло собой довольно большой зал и два помещения меньшего размера, расположенные с южной и северной сторон большого строения. Большой зал довольно симметричный по форме, сохранились только фрагменты покрытия пола и столбовые ямки. Основной зал имел примерно 20 м в длину и 10, 5 м ширину, что составляло общую площадь 210 м². Насчитывается 28 столбовых ям, из них по восемь расположены с южной и северной сторон, две – в центре зала. Северная комната имеет длину 10, 5 м и ширину 7, 5 м с девятью столбовыми ямами, расположенными в три ряда, а южная комната только 9 м в длину и 8 м в ширину с пятью столбовыми ямами. Расстояние между ямками в целом одинаково и составляет примерно 2–2, 5 м. Стены не сохранились. Второе строение находилось в 13 м от первого, в длину составляло примерно 9 м и 8 м в ширину. Строение состояло из четырех небольших комнат с 17 сохранившимися столбовыми ямками. Третье строение расположено в 22 м от первого. В длину составляло 24 м, в ширину равно 12 м, общая площадь составила примерно 300 м². 28 столбовых ям располагаются в соответствии с определенным порядком: по 8 ям с восточной и западной сторон, по 5 с южной и северной сторон и 2 расположены внутри зала. Отличительной особенностью третьего строения является тот факт, что ямы в данном случае имеют квадратную, иногда подтреугольную форму. Внутри строений встречается керамика и небольшое количество изделий из камня [\[9\]](#).

Захоронения представляют собой прямоугольные ямы, часто расположенные в жилых районах, с очень небольшим количеством погребального инвентаря. Некоторое количество захоронений было обнаружено также за пределами жилых районов. Всего полностью исследовано 13 погребений, большая часть из них принадлежат мужчинам и женщинам 30–45 лет, четыре захоронения подростковые 15–17 лет. Дети и взрослые в основном размещались в яме в вытянутом положении на спине, некоторые — в согнутом положении. Согласно анализам зубов взрослых скелетов, оба верхних боковых резца

иногда удалялись при жизни [\[1, p. 64\]](#).

Другие памятники неолита равнины Чэнду расположены достаточно близко друг к другу, расстояние не превышает двух десятков километров. Для всех памятников выбиралось довольно высокое место недалеко от реки. Преимущественно все памятники имеют вытянутую прямоугольную форму (за исключением Юйфуцунь). Все постройки возводились прямо на поверхности, котлован не выкапывался, стены поставлены под наклоном. Кроме оборонительных стен, на всех памятниках также были обнаружены рвы, выкопанные при строительстве поселения. Большинство строений наземные, а также на сваях. Внутренние постройки прямоугольной или квадратной формы с одним или двумя входами возводились из глины с каркасом из бамбука. Исследователями открыты печи для обжига и множество зольников с керамикой.

Памятник Баодуньцунь содержит три неолитических горизонта, некоторая эволюция прослеживается и в керамике: 1) нижний слой содержит керамический материал двух видов: с песком в качестве отощителя и без очевидных примесей. В процентном отношении доли двух типов среди всех находок примерно равны; 2) во втором слое преобладает керамика с примесями песка; 3) в третьем слое она почти полностью вытесняет керамику без очевидных отощителей. Это памятник, где впервые была открыта данная характерная особенность всех памятников неолита Сычуаньской котловины, а именно наличие двух групп керамического материала, на определенном этапе соседствующих друг с другом, и постепенное преобладание керамики с примесями песка на поздних этапах.

Бытовая керамика представлена следующими простыми категориями сосудов, представленными на всех этапах существования культуры – горшки с широким туловом, горшки с высоким горлышком, сосуды как на круглом поддоне, так и с плоским дном, чаши на высоком поддоне, крышки для горшков, блюда на поддоне, плоскодонные кувшины разных размеров, миски горшкообразной формы, а также лепные домашние печи. На поздних этапах сосуды с примесями песка начали очевидно доминировать. Керамика без примесей песка бело-серая, желто-серая, с примесями песка – бурочерная, красно-бурая и серо-бурая. Цвет сосудов, как правило, неоднороден, внутренняя поверхность черного цвета, а внешняя – бурая [\[10, с. 130\]](#).

Орнамент преимущественно шнуровой, выполнен тонкими вдавленными линиями, а также насечками, реже – волнообразный рисунок, налепы, узор, нанесенный гребенчатым штампом. Шнуровой орнамент наносился, как правило, по всему тулову сосуда, тонкими линиями украшались венчик снаружи и иногда внутри (это характерно для горшковидных сосудов с широким туловом); волнообразный орнамент, с использованием гребенчатого штампа или с налепами, чаще всего, характерен для кувшинов с высоким горлышком, кроме того, по венчику попадает орнамент, выполненный вдавленными насечками. Характерны как поддон, так и ровное дно. Треножки, характерные для неолита восточного и северного Китая, встречаются реже. Сосуды горшкообразной формы имеют широкий отгибающийся венчик, округлые плечики, широкое тулово. Другой тип посуды имеет ровные вертикальные края венчика, широкое, но прямое тулово, сужающееся к дну. Кувшины с высоким горлышком с отгибающимся венчиком. Кубки имеют округлый небольшой поддон, часто с одним отверстием, и широкое тулово. Реже попадаются подобные сосуды с несколькими отверстиями на поддоне, но целых сосудов данного типа практически нет, единичные археологически целые экземпляры сходны с сосудами из Саньсиндуй, также имеющими несколько отверстий в поддоне. Сосудов на высокой ножке с небольшой чашей наверху очень мало, чаша у них небольшая и практически

ровная, ножка тонкая и высокая. Некоторые изделия имеют среды красной краски [\[11: 12\]](#).

Таким образом, керамика памятников культуры Баодунь выполнена вручную и подкорректирована на гончарном круге. Типичными особенностями всего керамического материала является доминирование сосудов с широким устьем, плоское дно или круглый поддон, а, например, такие типичные формы неолита других территорий, как триподы или круглодонные сосуды, встречаются реже [\[13, с. 52-53\]](#).

Основываясь на типологии керамики и стратиграфии памятников, большинство китайских археологов принимают три последовательные археологические культуры, существовавших на равнине Чэнду в период между 2500 и 800 гг. до н. э. – Баодунь, Саньсиндуй и Шиэрцяо. Устоявшаяся хронология доисторического прошлого равнины Чэнду основана на сериях, предложенных в 1987 г. Ван Юпэном и его коллегами [\[14\]](#) и Чэнь Сяньданем [\[15\]](#). В отчете о раскопках, задокументированном Чэнем, последовательность культур была разделена на четыре фазы, привязанные к китайской династийной хронологии. Фаза 1 соответствовала конечному неолиту (ок. 2740–2070 до н.э.); фаза 2 являет собой переход между легендарной династией Ся к ранней династии Шан среднего Хуанхэ (начало бронзового века, ок. 2070–1600 до н.э.); фаза 3 соответствует среднему периоду династии Шан (развитый бронзовый век); фаза 4 соответствует поздней династии Шан и ранней Западной Чжоу (развитый – поздний бронзовый век) [\[15, р. 218-219\]](#). Фаза 1 соответствует культуре Баодунь, сильно отличающейся от культуры Саньсиндуй с ее яркими бронзовыми изделиями [\[16, с. 147-160\]](#). Таким образом, культура Баодунь существовала между 2700 и 2000 гг. до н. э., затем ее сменили две параллельные культуры запада и востока Сычуаньской котловины – Саньсиндуй и Шиэрцяо, которые развивалась во время фаз Саньсиндуй 2 и 3. Их связи с предшествующей культурой Баодунь остаются неясными.

В 2021 г. раскопки на памятнике Баодуньцунь были возобновлены, в юго-западной стороне были обнаружены обугленные зерна риса и других растений, датируемые возрастом 4500 л. н., а также остатки самых ранних рисовых полей на равнине Чэнду. Данный участок был необычен наличием большого количества железных и марганцевых конкреций. Это могла быть анаэробная среда, имевшая определенную связь с условиями орошения и сброса воды во время посадки риса. Подтвердило эту гипотезу и наличие на полях рисовых фитолитов в большой концентрации. Были проведены исследования по выявлению рациона питания древних обитателей данного городища. Среди 1430 карбонизированных семян, найденных непосредственно на памятнике, больше половины также являются семенами риса, также встречаются просо и семена дикорастущих растений, а именно рис (*Oryza sativa*) (45%), просо итальянское (*Setaria italica*) (1,6%), бусенник обыкновенный (*Coix.sp*) (1,3%), горошек заборный (*Vicia sepium*) (4,1%), горошек посевной (*Vigna*) (1,5%) и семена неодамашенных видов (46,5%), преимущественно осоки (*Fimbristylis cf. bulbostylis*). Зерна риса были обнаружены в культурных слоях фазы 1 и 2 Баодунь, когда климат не менялся, был влажным и теплым. Наличие у носителей культуры Баодунь заливного рисосеяния, которое составляло основу рациона в сочетании с культурой просо, говорит о комбинированном характере земледелия. Собирательство и охота обеспечивали дополнительные ресурсы. Данные подтверждаются и наличием большого количества каменных сельскохозяйственных орудий - шлифованных топоров, тесел, долот, ножей.

Сравнение результатов археоботанических исследований на стоянке Баодуньцунь

показывает, что культура потребления зерновых культур на равнине Чэнду в первую очередь основывалась на смешанной структуре с преобладанием риса, причем доля риса в сельскохозяйственных культурах постепенно увеличивалась от фазы 1 к 4. Эти находки дают важную информацию об условиях развития сельского хозяйства в период позднего неолита на равнине Чэнду и в юго-западном Китае в целом [17].

Происхождение культуры Баодунь остается дискуссионным вопросом в китайской археологии и неолитические памятники, более древние, чем Баодуньцунь, до сих пор не были обнаружены на равнине Чэнду. Юй Вэйчао предполагает, что носители Баодунь были мигрантами с территорий современного Хубэя, которые пришли на равнину Чэнду через восточную Сычуань [18]. Другие исследователи так же предполагают, что сам принцип возведения стен укрепленных городищ указывает на взаимодействие с регионом среднего течения р. Янцзы, где были найдены похожие поселения, связанные с выращиванием культуры риса. Есть версия, что культура Баодунь появилась около 4700–4500 л. н. на основе миграций из северо-западных регионов современных Ганьсу и Цинхая [1, p. 47]. Возможно, самые ранние неолитические группы на равнине Чэнду были мигрантами с территории южной Ганьсу, отправившимися на юг в районе 3000 гг. до н. э. и продвигавшимися через долину Байлун и долину р. Миньцзян сначала на северо-запад Сычуани, а затем южнее. Только отсутствие в Баодуньцунь типичной для юга Ганьсу IV-ого и III-его тысячелетия до н. э. расписной керамики вызывает некоторые сомнения в правильности построения миграционных схем. Таким образом, археологических данных, которые могли бы подтвердить прямые связи между Ганьсу, северо-западом Сычуани и равниной Чэнду, пока недостаточно. Это отчасти связано с малым количеством археологических работ в западной части Сычуани, отсутствием описаний стратиграфического контекста находок и достаточного количества радиоуглеродных дат.

Несмотря на то, что описанная выше теория о происхождении Баодунь в целом является рабочей, становление культуры нельзя связывать исключительно с культурным влиянием горного северо-запада, поскольку археоботанические выводы как для проса, так и для риса предполагают связь с другими регионами. Образцы из зольников указывают на переход от земледелия проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) и итальянского проса (*Setaria italica*) ок. 3000–2600 гг. до н. э. к комбинированному производству риса (*Oryza sativa japonica*) и итальянского проса к концу этой фазы ок. 2600 до н. э. Было предложено три потенциальных маршрута распространения рисоводства на равнине Чэнду: 1) через верхнюю долину реки Ханьцзян к северу от Сычуаньской котловины, через территории современных городов Даньцзянкоу, Шиянь, уездов Юньсянь и Юньси, 2) через Три ущелья реки Янцзы в восточной части Сычуани и 3) через предгорья северного Гуйчжоу. Непосредственной родиной выращивания риса был район среднего и нижнего течения р. Янцзы. Расселение людей, выращивающих рис и просо, часто рассматривается как ключевой момент в истории населения Восточной и Юго-Восточной Азии, связанный с установлением оседлости. Тем не менее, все рабочие гипотезы о расселении человека в неолите, основанные на разведении риса, нуждаются в дальнейшем подтверждении.

В исследовательской литературе ведутся также дискуссии на тему причин появления укрепленных городищ в неолите Сычуани. Несмотря на то, что некоторые китайские археологи считают, что стены в первую очередь предназначались для защиты от наводнений [8], основывая свои предположения на форме пологих внешних склонов и функциях рвов как дренажных каналов, существуют и иные теории, связанные с процессами развития древних обществ. Другие ученые предполагают, что рост населения в результате развития сельского хозяйства иногда мог быть очень быстрым

[19, p. 14–19], особенно среди населения, которое больше зависело от земледелия, чем от охоты и собирательства. Растущее население занимало окружающие незаселенные территории, постепенно осваивая их. Резкий рост населения мог произойти и на равнине Чэнду между 2500 и 2000 гг. до н. э., поскольку поселения культуры Баодунь значительно превосходят по численности любые стоянки более раннего времени. Вероятно, такой рост населения продолжался до тех пор, пока не были освоены все пригодные земли, после чего следующим этапом стала интенсификация методов ведения натурального хозяйства. Появление в неолите укрепленных городищ является косвенным признаком проявления напряженности, связанной с ростом населения, равно как и появление большого количества каменных наконечников копий и стрел, что в других регионах Китая часто упоминается как ключевой индикатор социального усложнения и первых предпосылок возникновения городов-государств [20].

Библиография

1. Chiang Po-yi. Pottery Production and Social Complexity on the Chengdu Plain, Sichuan, China, 2500 to 800 BC. Canberra: The Australian National University, 2015.
2. Graham D. C. A Preliminary Report of the Hanchow // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. Рр. 58–80.
3. Dye D.S. Some Ancient Circles, Squares, Angles and Curves in Earth and in Stone in Szechwan, China // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006 Р. 2–13.
4. Сунь Хуа. Сычуань пэньди дэ цинтун шидай [Эпоха бронзы Сычуаньской котловины]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000 (на кит. языке).
5. Синьцзинь Баодунь ичжи фацзюэ хэ яньцзю [Раскопки и исследования памятника Баодунь в уезде Синьцзинь]. Виннипег: ARP Publ., 2000 (на кит. языке).
6. Чжунго каогусюэ. Синьшици шидай [Археология Китая. Неолит]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2010. С. 695–704. (на кит. языке).
7. Чжао Дяньцзэн, Чэнь Дэань. Ба – Шу каогусюэ вэньхуа сюйле яньцзюдэ синьцзинь чжань [Новый этап в исследовании археологических культур Ба – Шу] // Саньсиндуй юй Чанцзян вэньмин [Саньсиндуй и культура Янцзы]. Чэнду: Сычуань жэньмин чубаньшэ, 2005. С. 40–46. (на кит. языке).
8. Лю Синши. Чэнду пинъюань гучэнцзюнь син фэй юй гу цихоу вэньти [О древнем климате и развитии древних городищ на равнине Чэнду] // Сычуань вэньу [Культурные ценности Сычуани], 1998. С. 34–37. (на кит. языке).
9. Цзисянь. Гуанхань Юэлянвань ичжи фацзюэ чжуйцзи [Записи о раскопках памятника Юэлянвань в уезде Ганхань] // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. С. 211–227. (на кит. языке).
10. Дуань Юй, Цзо Ицин. Саньсиндуй вэньмин. Чанцзян шанью гудай вэньмин чжунсинь [Культура Саньсиндуй. Центр древней культуры в верхнем течении Янцзы]. Чэнду: Сычуань жэньмин чубаньшэ, 2006 (на кит. языке).
11. Тун Чжучэнь. Синьшици шидай каогусюэ чанши [Общие представления об археологии неолита] // Вэньу [Материальная культура]. 1959. №2. С. 67–70. (на кит. языке).
12. Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао [Краткий отчет о раскопках первой жертвенной ямы памятника Саньсиндуй уезда Гуанхань] // Саньсиндуй яньцзю [Исследования Саньсиндуй]. Чэнду: Сычуань чубань цзитуань, 2006. С. 161–179. (на кит. языке).
13. Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй. Чанцзян шанью вэньмин чжунсинь таньсо [Саньсиндуй. Исследования центра цивилизации верхнего течения Янцзы]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. (на кит. языке).
14. Ван Юпэн, Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, Мо Хунгуй. Гуанхань Саньсиндуй ичжи

[Памятник Саньсиндуй в уезде Гуанхань] // Каогу сюэбао [Вестник археологии]. 1987. №2. С. 227–254. (на кит. языке).

15. Чэнь Сяньдань. Гуанхань Саньсиндуй ичжи фацзюэ гайкуанб чубу фэньци – цзянь лунь «Гу Шу вэньхуа» дэ тэчжэн цзи ци фачжань [Обзор раскопок стоянки Саньсиндуй в Гуанхане, а также обсуждение характеристик и развития «культуры раннего Шу»] // Наньфан миньцзу каогу [Этнография и археология юга]. Чэнду: Сычуань кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1989. Т. 2. С. 213–231. (на кит. языке).

16. Чжао Дяньцзэн, Ли Минбинь. Чанцзян шанью дэ Ба-Шу вэньхуа [Культура Ба-Шу в верхнем течении Янцзы]. Ухань: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 2004. (на кит. языке).

17. Zhang Jianping, Lv Ying, Yu Lupeng, Tang Miao, Huang Ming, Shao Konglan, Huan Xiujia, Wen Changhui, Dong Yajie, Jiang Ming, He Kunyu, Yan Xue, Ye Maolin, Wu Naiqin, Lu Houyuan. Neolithic Rice Cultivation and Consequent Landscape Changes at the Baodun Site, Southwestern China // Frontiers in Earth Science. 2021. Vol. 9. URL:

<https://www.frontiersin.org/journals/earth-science/articles/10.3389/feart.2021.807626/full>

18. Юй Вэйчао. Санься каогу юй Ба-Шу вэньхуа дэ синь таньсо (ганьяо) [Археология ущелья Санься и новые данные по культуре Ба-Шу (к постановке проблемы)] // Чжунго каогу сюэхуэй дишицы няньхуэй луньвэнь цзи [Материалы 10-ого ежегодного съезда археологов Китая]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. С. 6–10. (на кит. языке).

19. Bellwood P. Archaeology and the origins of language families // Handbook of Archaeological Theories. Lanham: Altamira, 2008. P. 225–243.

20. von Falkenhausen L. Stages in the Development of “Cities” in Pre-Imperial China // The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 2008. Pp. 209–228.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Восток есть Восток, а Запад есть Запад. Эти строчки Р. Киплинга используют чаще всего для того, чтобы показать противоречия между западной и восточной цивилизациями, однако в действительности чаще всего забывают и то общее, что есть у всей человеческой цивилизации. В этой связи история Китая есть неисчислимый источник уникального и общечеловеческого, в связи с чем представляется важным обратиться к различным аспектам ее изучения.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является культура Баодунь. Автор ставит своими задачами рассмотреть проблему

происхождения неолита Сычуаньской котловины, а также проанализировать памятники культуры Баодунь.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать культуру Баодунь в контексте появления рисосеяния в Сычуаньской котловине.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на китайском и

английском языках, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором трудов укажем на работы Юй Вэйчао, Л. фон Фалькенхаузена, Д. Грэхэма и других авторов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения неолита в Китае. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению поставленных перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как древней историей, в целом, так и эпохой неолита в Китае, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "датируемая 2700–2000 гг. до н. э., Баодунь является на сегодняшний день старейшей и наиболее изученной неолитической культурой равнины Чэнду, несмотря на то, что ее датировки значительно моложе культур среднего и нижнего течения р. Янцзы соседних регионов". В работе показано, что "появление в неолите укрепленных городищ является косвенным признаком проявления напряженности, связанной с ростом населения, равно как и появление большого количества каменных наконечников копий и стрел, что в других регионах Китая часто упоминается как ключевой индикатор социального усложнения и первых предпосылок возникновения городов-государств". Говоря о происхождении рассматриваемой культуры, автор обращает внимание на мнение ряда специалистов о том, что "что сам принцип возведения стен укрепленных городищ указывают на взаимодействие с регионом среднего течения р. Янцзы, где были найдены похожие поселения, связанные с выращиванием культуры риса".

Главным выводом статьи является то, что

"все рабочие гипотезы о расселении человека в неолите, основанные на разведении риса, нуждаются в дальнейшем подтверждении".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".

Англоязычные метаданные

The problem of the authenticity and divine status of the image of heavenly virgins in Mari mythology

Ilikaev Aleksandr

PhD in Politics

Associate Professor, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

Zaki Validi str., 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

✉ jumo@bk.ru

Abstract. The subject of this article is the question of the authenticity, as well as the divine status of celestial maidens in Mari mythology. The images of celestial maidens (for example, Yumyndyr – the Daughter of Heaven/ God) in Mari mythology are archetypal. In addition, images of celestial maidens are found in the mythology of the Finns, Karelians, Komi and Mordvins. So, Komi is the famous daughter of the sun Zaran, Mordvins – Castorgo and Vecorgo, the daughters of the goddess Ange-Patiai. Among the heavenly maidens, in addition to Yumyndyr, Mari can be noted Piambar, Yymyndyr, Yuktalche, Pampalche, etc. Nevertheless, some researchers doubt the authenticity of the image of Yumyndyr in view of the fact that it is supposedly the only proper mythological image in Mari mythology. However, Mari still has a real myth about Piambar, the daughter of Kugo Yumo. In addition, images of celestial maidens are present in many Mari fairy tales, songs, and spells. The materials indicate that Yumyndyr and similar characters act as archaic deities who have retained their connection with the aquatic environment, the cult of ancestors, as well as their magical and protective functions. As a local deity, the goddess Piambar is still revered by some Mari groups. Thus, the divine status of celestial maidens in Mari mythology is complex and contradictory. On the one hand, the images of heavenly virgins are common and popular in folklore, incantation magic, on the other hand, they are modestly represented in rituals and prayers. However, in our opinion, this does not allow us to assert that the heavenly virgins in Mari mythology became only a "reduced" version of the former goddesses. Rather, we are talking about the complex evolution of images from matrix-centered deities to folklore, fairy-tale and local characters.

Keywords: Udmurts, Mordvins, Karelians, Finns, Mari, matriarchy, archetype, goddess, heavenly maiden, totemism

References (transliterated)

1. Abukaeva L.A. Funktsii i funktsionirovanie mariiskikh gostevykh pesen // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 14. № 3. S. 344-350. doi: 10.30914/2072-6783-2020-14-3-344-350
2. Anoshina V.N., Sharonova E.A. Znachenie truda U. Kharvy «Die religiosen Vorstellungen der Mordwinen» v kontekste issledovani fol'klora erzi i mokshi // Finno-ugorskii mir. 2014. № 1. S. 9-12.
3. Akhmet'yanov R.G. Obshchaya leksika dukhovnoi kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. M.: Nauka, 1981. 144 s.
4. Belkov P.A. Etnos i mifologiya. Elementarnye struktury etnografii. Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. SPb.: Nauka, 2009. 281 s.

5. Vasimov Yu. Mariitsy severnoi Bashkirii. Mezhdru bystryim Tanyom i Ufimkoi. Tom 2. Ioshkar-Ola: OOO «Gazeta "Marii El"», 2018. 360 s.
6. Vladykin V.E. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov. Izhevsk: Udmurtiya, 2018. 400 s.
7. Galyamshin M.G. Ursai patyr. Legendy, predaniya, vospominaniya. Kaltasa sela, 2019. 96 s.
8. Goto M. Istoricheskoe prevrashchenie traditsionnoi religii chuvashskoi // Chuvashskii gumanitarnyi vestnik. 2009. № 4. S. 3-24.
9. Ilikaev A.S. Matriarkhal'nye proyavleniya rannikh form religii v kosmogonicheskikh mifakh narodov Uralo-Povolzh'ya: bashkiry, mariitsy, russkie: monografiya. 2-e izd., ispravl. i dop. Ufa: RITs UUNiT, 2024. 330 s.
10. Ilikaev A.S. Motivy tvoreniya mira iz yaitsa v mifakh pribaltiisko-finskikh narodov, komi i mordvy v kontekste obraza bozhestvennoi ptitsy: sravnitel'nyi analiz // Finno-ugorskii mir. 2023 T. 15, № 4. S. 472-482. doi: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.472-482
11. Ilikaev A.S. Novye shtrikhi k proiskhozhdeniyu bogini Kaltas' v svete ugorskikh i finno-permskikh parallelei // Vestnik ugrovedeniya. 2024. T. 14. № 3 (58). S. 542-553. doi: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-542-553
12. Kaliev Yu.A. Mify mariiskogo naroda. Ioshkar-Ola: Izdatel'skii domn «Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo». 2019. 447 s.
13. Mariiskie narodnye skazki / Zapis', stat'ya, perevod i kommentarii K.A. Chetkareva. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. 190 s.
14. Mariiskie narodnye skazki / Sost. M. Main; Per. s mariisk. i pereskaz, dlya detei V. Murav'ev. M.: Det. lit., 1985. 111 s.
15. Mariiskie narodnye skazki. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 352 s.
16. Mariiskie skazki: Sbornik Chetkareva K.A / Pod red. prof. K.A. Azadovskogo. Ioshkar-Ola: Margosizdat, 1948 (tip. Upr. izd-v i poligrafii). 184 s.
17. Mariiskii fol'klor: Mify, legendy, predaniya / sost. Aktsorin V.A. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1991. 288 s.
18. Matorin N. Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraia prezhe i teper'. Yazychestvo – islam – pravoslavie – sektanstvo. M.: Akts. izd. o-va «Bezbozhnik», 1929. 175 s.
19. Mel'nikov P.I. / Polnoe sobranie sochinenii P. I. Mel'nikova. T. 12. Ocherki mordvy i dr. SPb-Moskva: Izdanie tovarishchestva M. O. Vol'f, 1898. 431 s.
20. Mify narodov mira. Entsiklopediya. V 2 t. / Pod red. S.A. Tokareva. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2003. T. 2. K – Ya. 719 s.
21. Petrukhin V.Ya. Mify finno-ugrov. M.: Izd-vo AST: Tranzitkniga, 2003. 463 s.
22. PMA. Polevoi material avtora. Informator: Izilyaev Aleksandr Arkad'evich, 1983 g. rozhdeniya, d. Bol'shesukhoyazovo. Beseda provedena 18.07.2024.
23. Popov N.S., Tanygin A.I. Yumyn iula. Ioshkar-Ola: Marii El Respublikyn tuvyra da kalyk koklase kyl shotyshto ministerstvo, Respublikyse ustalyk ruder, 2003. 272 s.
24. Russkaya volshebnyaya skazka / Sost. K.E. Korepanova. M.: Vysshaya shkola, 1991. 525 s.
25. Toshty mary shayavlä: Toshto marii oi-vlak / V.A. Aktsorin chumyren. Onchylmut den umyltarymashym V.A. Aktsorin vozen. Ioshkar-Ola: Knigam luksho marii izdatel'stvo, 1972. 216 s.
26. Chernykh S.Ya. Slovar' mariiskikh lichnykh imen. Okolo 16120 imen. Marii lum-vlak muter. Ioshkar-Ola: MarGU, 1995. 626 s.
27. Chetkarev K.A. O mariiskikh predaniyakh i legendakh // Trudy MarNII. Vyp. II: Voprosy

istorii, yazyka, literatury i fol'klora mari. Ioshkar-Ola, 1940. S. 150-179.

Yeletsky gorodnichy Egor Alexandrovich Kholodovich and the study of antiquities in the province in the middle of the XIX century

Tropin Nikolai Aleksandrovich

Doctor of History

Head of the Laboratory, I.A. Bunin Yelets State University

399771, Russia, Lipetsk region, Yelets, Ordzhonikidze str., 49, sq. 41

✉ tropin2003@list.ru

Abstract. For the first time, the biography and scientific contribution of E. A. Kholodovich to the study of the ancient history of Yelets in the Oryol province are being investigated. In the period 1835–1849 he served as a mayor, became interested in local history. In the Oryol Provincial Gazette for 1840, his note "On the antiquities of the city of Yelets" appears. The note consisted of a preface and six small sections, each of which corresponded to the description of the ancient object: 1) The Icon of the Kazan Mother of God; 2) The Image of the Appearance of the Mother of God to Tamerlane; 3) The Holy Gospel; 4) A chapel and a stone pillar with icons; 5) Talim Prison; 6) Six cast-iron cannons; 7) An underground passage. This information will be widely used by local historians in the future, starting from the middle of the XIX century, but without mentioning the original author. The article is based on archival materials that made it possible to restore the basic biographical information, the circumstances of service in Yelets and the probable motivation in the local history studies of E. A. Kholodovich. The intellectual environment of the communication with experts in the history of the city is being investigated, attempts are being made to establish the sources of information the author received. The results of the research allow us to say that the only known scientific publication by E. A. Kholodovich for the provincial newspaper is based on the unreleased information from the statistical description of Yelets in the 1820s. Their content corresponds to old-time records typical of the time of the formation of historical science in the province at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries. The topic of antiquities is considered through the prism of a detailed description of the remains of the fortress, underground passages, customs, the history of monasteries and temples, and brief historical legends. The material clearly demonstrates the positive impact of the state policy on the conduct of provincial statistical descriptions on the formation of local history research in the province.

Keywords: I. I. Uklein, N. A. Ridinger, M. A. Stakhovich, the formation of science, the antiquities of Yelets, Yelets local historians, statistical description, Yelets gorodnichy, Yelets county, Oryol province

References (transliterated)

1. Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti (GAOO). F. 4. Op. 1. D. 2304.
2. GAOO. F.4. Op. 1. D. 2675.
3. GAOO. F.4. Op. 1. D. 2750.
4. Gosudarstvennyi Arkhiv Lipetskoi oblasti (GALO). F. 130. Op. 1. D. 931.
5. GAOO. F.4. Op. 1. D. 2765.

6. GAOO. F. 4. Op. 1. D. 2750.
7. Ashikhmina E. N. Petr Andreevich Azbukin – inspektor Orlovskoi gimnazii leskovskogo vremeni // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. T. III. Leskovskii sbornik. Orel, 2006. S. 128-138.
8. Ashikhmina E. N. Leskov v Orle. Orel: Orlovskii gos. un-t, 2010.
9. Azbukin P. A. Istoriko-statisticheskoe opisanie gorodov Orlovskoi gubernii // Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del. 1838. S. 397-434.
10. Kholodovich [E. A.], eletsii gorodnichii. O drevnostyakh goroda El'tsa. Istoriko-statisticheskie svedeniya ob Orlovskoi gubernii // Orlovskie gubernskie vedomosti / gazeta. 1840. № 7. S. 63-67.
11. Lyapin D. A. Evangeliiya XVII – nachala XVIII vv. iz fondov Eletskego gorodskogo kraevedcheskogo muzeya // Vestnik Eletskego gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Arkheologiya». Vyp. 22. Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2008. S. 176-177.
12. Sevast'yanova A. A. Russkaya provintsial'naya istoriografiya vtoroi poloviny XVIII veka. M.: Arkheograficheskaya komissiya RAN, 1998.
13. Pryakhin A. D. Istoriya otechestvennoi arkheologii. Ch. I: Russkaya dorevolyutsionnaya arkheologiya. Voronezh: Izd-vo VGU, 2005.
14. Komolov N. Kaleidoskop Voronezhskoi istorii. Voronezh: OOO «Tvorcheskoe ob"edinenie «Al'bom», 2008.
15. Puteshestvennye zapiski Vasil'ya Zueva ot S. Peterburga do Khersona v 1781 i 1782 godu // Eletskaia byl'. Kraevedch. sb. Vyp. 1. Lipetsk: NPO ORIUS, 1994.
16. Rossiiskii voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 846. Op. 16. T. 3. Otd. 5. D. 18903.
17. Tropin N. A. Gorod Elets v topograficheskom opisanii Orlovskogo namestnichestva (obshchaya kharakteristika istochnika) // Rossiiskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidatelei: IX–XXI vv. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Lipetsk: LGPU im. P.P. Semenova-Tyan'-Shanskogo, 2019.
18. Ridinger N. A. Rasskazy eletskikh starozhilov // Russkii arkhiv, 1866. № 3. S. 346-377.
19. Tropin N. A. Drevnii Elets glazami el'chan XVIII veka // Elets v istoriko-kul'turnom prostranstve Rossii: materialy Region. nauch. konf., posvyashch. 865-letiyu g. El'tsa. Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2012. S. 10-18.
20. Nazarov E. I. Zapiski starozhila Ivana Ivanovicha Isaeva o gorode El'tse (okolo 1825–1830 gg.) // Trudy Orlovskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 2. Orel: tip. S.A. Zaitsevoi, 1895. S. 44-47.
21. Nazarov E. I. Izvlecheniya iz bumag, prinaldezhashchikh eletskomu starozhilu Ivanu Vasil'evichu Nikitinu // Trudy Orlovskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Vyp. 2. Orel: tip. S.A. Zaitsevoi, 1895. S. 32-33.
22. Stakhovich M. A. Istoriya, etnografiya i statistika Eletskego uezda. M: Tip. Chuksina, 1858.
23. Uklein I. I. Kratkoe istoricheskoe svedenie o gorode El'tse, sostavlennoe eletskim kuptsom I. I. Ukleinom 1846 i 1847 godov // Eletskaia byl'. Kraevedcheskii sbornik. Vyp. 1. Lipetsk: NPO ORIUS, 1993. S. 23-61.
24. Gorlov V. P. Pervyi eletskii kraeved // Eletskaia byl'. Kraevedcheskii sbornik. Vyp. 1. Lipetsk: NPO ORIUS, 1993.
25. Sevast'yanova A. A. Russkaya provintsial'naya istoriografiya vtoroi poloviny XVIII veka. M.: Arkheograficheskaya komissiya RAN, 1998.
26. GAOO. F. 580. St. 2. D. 324.
27. GAOO. F. 580. St. 2. D. 506.

28. Stakhovich M. A. Istoriya, etnografiya i statistika Eletskego uezda. M.: Tip. Chuksina, 1858.
29. Tam zhe.
30. Ridinger N. A. Materialy dlya istorii i statistiki g. El'tsa. Orel: Gub. tip., 1865.

The Enlightenment Committee of Hamburg-Bremen and the Nazi Seizure of Power: the Case of "Self-Coordination"?

Nurislamov Ruslan Rifovich

Independent researcher

107143, Russia, Moscow, highway Open, 33

✉ ruslan.nurislamov89@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the "coordination" of the Enlightenment Committee Hamburg-Bremen after the Nazis came to power. The purpose of the study is to characterize the process of including this organization in the system of the state apparatus of Nazi Germany. The article analyzes documents from the collections of Russian, German and British archives. The study revealed that the attitude of the Enlightenment Committee Hamburg-Bremen to the Nazi regime was due to a number of reasons: the negative impact of the world economic crisis of 1929-1933 and, against this background, increased interaction with the state even before the Nazis came to power; the rapprochement of some Hamburg and Bremen entrepreneurs with the Nazi Party at the decline of the Weimar Republic due to the success of the party in local and national elections; the rapid process of "coordination" of Hamburg and Bremen and their chambers of commerce after the Nazis came to power; dissatisfaction with the existing system of foreign propaganda, hopes for its strengthening in new conditions. The article shows that the management of the Enlightenment Committee Hamburg-Bremen itself sought to make the organization under the control of the Hitler regime, therefore, even before officially joining the structure of the Ministry of Public Enlightenment and Propaganda, it carried out personnel "coordination" and began to produce materials in a pro-Nazi manner. In Nazi Germany, the Hamburg-based organization came under state control and was provided with stable funding and other support. The previous areas of activity have been preserved and strengthened. The result of the study is the conclusion that in relation to the Enlightenment Committee Hamburg-Bremen, we should not talk about forced "coordination", but rather about "self-coordination".

Keywords: Nazi Germany, NSDAP, press, foreign intelligence, foreign propaganda, Bremen Chamber of Commerce, Hamburg Chamber of Commerce, the enlightenment committee, ministry of propaganda, coordination

References (transliterated)

1. Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin; New York: De Gruyter, 2007. 762 p.
2. Nurislamov R. R. Rurskii krizis 1923 g. i osnovanie byuro ekonomicheskoi informatsii Gamburg-Bremen // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2023. № 1. S. 83-95. doi: 10.18384/2310-676X-2023-1-83-95 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.istpolitmgou.ru/jour/article/view/1586/1467> (data obrashcheniya:

05.11.2023)

3. Nurislamov R.R. Byuro ekonomicheskoi informatsii Gamburg-Bremen i skrytaya propaganda Veimarskoi Germanii za rubezhom v 1923-1932 gg. // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2023. № 10. S. 70-80. doi: 10.25136/2409-868X.2023.10.38990 [Elektronnyi resurs]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38990 (data obrashcheniya: 05.11.2023)
4. Kemper C., Rentschler H. Handlungsspielräume und Verantwortlichkeiten der Handelskammer Hamburg während der NS-Zeit. Berlin: Metropol-Verlag, 2023. 392 p.
5. Varga E.S. Ekonomicheskie krizisy do Vtoroi mirovoi voyny. 1927–1938. M.: Lenand, 2022. 244 s.
6. Boroznyak A.I. Germanskii opyt preodoleniya posledstviy krizisa v kontse 1920-kh – nachale 1930-kh gg. // Mirovoi ekonomicheskii krizis kontsa 1920-kh-nachala 1930-kh gg.: istoriya i sovremennost': materialy kruglogo stola 20 aprelya 2009 g. M.: Izd-vo Instituta vseobshchei istorii RAN (IVI), 2009. S. 83-87.
7. Tuz A. Vsemirnyi potop. Velikaya voyna i pereustroistvo mirovogo poryadka, 1916–1931 gody / per. s angl. A. Gus'kova; pod nauchn. red. E. Antonovoi. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2021. 637 s.
8. Knortz H. Wirtschaftsgeschichte der Weimarer Republik. Eine Einführung in Ökonomie und Gesellschaft der ersten Deutschen Republik. Göttingen, Oakville: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 300 p.
9. Megerle K. Weltwirtschaftskrise und Aussenpolitik // Geschichte als politische Wissenschaft // Hrsg. J. Bergmann. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. S. 116-140.
10. Büttner U. Politische Gerechtigkeit und sozialer Geist: Hamburg zur Zeit der Weimarer Republik. Hamburg: Christians, 1985. 311 p.
11. Büttner U. Hamburg zur Zeit der Weimarer Republik. Hamburg: Landeszentrale für polit. Bildung, 1996. 221 p.
12. Zwischen Demokratie und Diktatur: nationalsozialistische Machtaneignung in Hamburg // Hrsg. U. Büttner, W. Jochmann. Hamburg: Christians, 1984. 166 p.
13. Jochmann W. Der Untergang der Weimarer Republik und Hitlers Aufstieg zur Macht // Studia z najnowszej historii Niemiec i stosunkow polsko-niemieckich // Pod. red. S. Sierpowskiego. Poznan: Wyd-wo nauk. UAM, 1986. Pp. 341-353.
14. Meyhoff A. Blohm & Voss im «Dritten Reich»: eine Hamburger Großwerft zwischen Geschäft und Politik. Hamburg: Christians, 2001. 605 p.
15. Schwarzwälder H. Geschichte der freien Hansestadt Bremen. Bd. 3: Bremen in der Weimarer Republik (1918–1933). Bremen: Röver, 1983. 648 p.
16. Krieger M. Kleine Geschichte Hamburgs. München: Beck, 2014. 158 p.
17. Pauels Zh. Bol'shoi biznes i Gitler. M.: Nashe zavtra, 2021. 350 s.
18. Bahnsen U. Hanseaten unter dem Hakenkreuz. Die Handelskammer Hamburg und die Kaufmannschaft im Dritten Reich. Hamburg: Wachholtz, 2015. 380 S. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.amazon.com/Hanseaten-unter-Hakenkreuz-Handelskammer-Kaufmannschaft-ebook/dp/B00UX2SXMM> (data obrashcheniya: 05.11.2023)
19. Plenkov O.Yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Tret'em reikhe: proekt natsional-sotsializma. SPb.: Vladimir Dal', 2017. 762 s.
20. Baev V.G., Marchenko A.N. Gosudarstvennyi stroi natsistskoi Germanii. M.: Yurlitinform, 2015. 173 s.
21. Klessmann E. Geschichte der Stadt Hamburg. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1984.

608 p.

22. Longerich P. Nationalsozialistische Propaganda // Deutschland 1933-1945: Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft // Hrsg. K. Bracher. Dusseldorf: Droste, 1993. S. 291-314.
23. Krings S. Das Propagandaministerium. Joseph Goebbels und seine Spezialisten // Das Goebbels-Experiment. Propaganda und Politik // Hrsg. L. Hachmeister, M. Kloft. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2005. Pp. 29-48.
24. Michels H. Ideologie und Propaganda: Die Rolle von Joseph Goebbels in der nationalsozialistischen Außenpolitik bis 1939. Frankfurt/Main etc.: Lang, 1992. 458 p.
25. Mühlenfeld D. Vom Kommissariat zum Ministerium. Zur Gründungsgeschichte des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda // Hitlers Kommissare. Sondergewalten in der nationalsozialistischen Diktatur // Hrsg. R. Hachtmann, W. Süß. Göttingen: Wallstein, 2006. Pp. 72-92.
26. Bramsted E. Goebbels und die nationalsozialistische Propaganda 1925–1945. Frankfurt am Main: Fischer, 1971. 631 p.
27. Stoop P. Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Pressepolitik und die Niederlande 1933–1940. München: Saur, 1987. 453 p.
28. Schwarzenbeck E. Nationalsozialistische Pressepolitik und die Sudetenkrise 1938. München: Minerva-Publikation, 1979. 630 p.
29. Longerich P. Propagandisten im Krieg: Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München: Oldenburg, 1987. 356 p.

Work with party personnel in the second half of the 1980s (based on the materials of the Penza region)

Koroleva Larisa

Doctor of History

Head of the Department at Penza State University of Architecture and Construction

28 Titova str., Penza, 440028, Russia

✉ la-koro@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the system of training party personnel in the Penza organization of the CPSU. A brief overview of domestic and foreign historiography on the issue under study is given.

The author's special attention is drawn to the fact that in order to successfully solve the tasks of "perestroika" to improve the socialist state, new knowledge and skills were required from party workers to work effectively in conditions of democratization of Soviet society and glasnost while maintaining control from party organizations. Whereas the majority of Soviet party leaders continued to act with the usual "stagnant" methods, which did not correspond not only to the appeals proclaimed from the rostrums of party forums (for example, the January 1987 plenum of the Central Committee of the CPSU, the XIX All-Union Party Conference), but also did not meet the demands of workers on the ground. The study was conducted on the basis of generalization and analysis of materials from the State Archive of the Penza region – funds of the Penza Regional Committee of the CPSU, the Kuznetsk City Party Committee). The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the reasons and prerequisites for changing the personnel policy of the CPSU at the regional level are considered – on the example of the Penza region. Innovative forms are being introduced into political practice: the election of senior staff on a competitive basis, discussion of

candidates in grassroots collectives, changes in the principles of forming a personnel reserve, etc. The development of the system of training and advanced training of Soviet party workers (courses, universities of the appropriate profile, reserve schools, conferences, etc.) continued. Nevertheless, the sociological 1989 survey in Kuznetsk showed the obvious dissatisfaction of ordinary citizens with the processes of democratization and glasnost in the region, the inability of the Kuznetsk Party organization to lead the necessary renewal of party life and the socio-economic situation at that time.

Keywords: Penza region, regional party committee, advanced training, personnel, glasnost, democratization, perestroika, Marxism-Leninism, CPSU, USSR

References (transliterated)

1. Alekseev V. V. Protivostoyanie gruppirovok vnutri Politbyuro i TsK KPSS pri M. S. Gorbacheve (1985–1991) // Diskussionnye voprosy sovremennoi istoricheskoi nauki. Pamyati akademika RAN Yuriya Stepanovicha Kukushkina (1929–2019) / Pod obshch. red. L. S. Belousova. SPb.: Aleteiya, 2020. S. 171–182.
2. Bondar' V. Ya. Preemstvennost' leninskikh idei i sovremennoi kadrovoy politiki KPSS // Voprosy istorii KPSS. 1987. № 22. S. 47–61.
3. Borshchevskii G. A. Uroki kadrovoy raboty v gosudarstvennom apparate perioda perestroiki // Upravlencheskie nauki. 2012. № 3. S. 4–13.
4. Volgin E. I. Problema reorganizatsii apparata KPSS v usloviyakh politicheskikh preobrazovaniy v SSSR (konets 1980-kh – nachalo 1990-kh gg.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 2008. № 6. S. 31–42.
5. Goncharov P. K. Kadrovaya politika: sovetskii opyt i rossiiskie perspektivy // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2013. № 2. S. 360–366.
6. Kotlyarov M. V. Problema formirovaniya rukovodyashchikh kadrov KPSS v period perestroiki (1985–1991 gg.) // Vlast' i vlastnye otnosheniya v sovremennom mire: Materialy IX nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 15-letiyu Gumanitarnogo universiteta (g. Ekaterinburg) 30–31 marta 2006: Doklady. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2006. T. 1. S. 348–351.
7. Kuz'min P. V., Khalanskaya L. G. Krizis razvitiya KPSS (1980 – nachalo 1990-Kh GG.): sodержanie i sotsial'no-politicheskie posledstviya (k 30-letiyu razrusheniya Sovetskogo Soyuza) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2021. T. 7 (73). № 2. S. 80–93.
8. Yatskov V. A. Kadrovaya politika KPSS: opyt i problemy. M.: Mysl', 1986.
9. Mel'nichenko O. V. K voprosu o transformatsii partiinogo apparata Penzenskoi organizatsii KPSS v 1990–1991 gg. // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii: Povolzhskii region: Gumanitarnye nauki. 2006. № 3. S. 52–58.
10. Seelev I. V. Krizis obshchestvennogo doveriya k partiinym organizatsiyam Srednego Povolzh'ya v period perestroiki v Sovetskom Soyuze v 1985–1991 godakh // Vektor nauki TGU. 2011. № 3 (17). S. 129–133.
11. Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic? // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. – Edward Elgar, Aldershot, 1992. R. 15–16.
12. White S., Rose R., McAllister I. How Russia votes. New Jersey: Chatham, 1997.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO). F. p-148. Op. 1. D. 7228. L. 11.
14. Potlov E. Ukroshchenie glasnosti // Pravda. 1989. 12 fevralya. S. 2.
15. GAPO. F. p-274. Op. 41. D. 3. L. 7.

On the social base of Sextus Pompey's Sicilian state: The origins of Cilician piracy and its first encounters with Rome

Lenchuk Vladislav YU'evich

Postgraduate student; Department of Ancient World History; Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Universitetskaya pl., 1

✉ lenchukvy@my.msu.ru

Abstract. This article focuses on the social foundation of Sextus Pompey's Sicilian state and the role of Cilician piracy in Rome's history. Particular attention is given to the origins of Cilician piracy in the 3rd–2nd centuries BC and its initial encounters with the Roman Republic. Piracy in the Mediterranean significantly influenced the political processes during Rome's civil wars. The research is based on a systematic analysis of ancient literary sources, including Appian, Plutarch, Polybius, and Strabo, alongside archaeological data and epigraphic studies. These sources provide a comprehensive understanding of piracy and its significance in Eastern Mediterranean politics. Critical analysis of historical texts is employed to reconstruct military-political events involving Cilician pirates. The article demonstrates that Cilician pirates were not merely bandits but key participants in regional politics. It examines the campaign of Marcus Antonius Orator in 102–101 BC, the first major Roman effort to suppress Cilician piracy. Piracy weakened Seleucid power and contributed to the creation of the Roman province of Asia. The interactions of pirates with eastern monarchs, such as Antiochus III and Mithridates VI, who actively utilized their services in military campaigns, are also explored. Rome's attitude towards pirates shifted from utilizing their services to open confrontation. Despite Marcus Antonius' campaign, piracy persisted until Gnaeus Pompeius finally eradicated it in 67 BC. The struggle against Cilician piracy was a significant milestone in Roman imperial policy, consolidating control over the eastern provinces and playing a vital role in establishing Roman dominance in the Mediterranean.

Keywords: Eastern Mediterranean, Mediterranean Sea, Gnaeus Pompey, Sextus Pompey, the Roman province of Asia, Mithridates VI, Mark Anthony Orator (Marcus Antonius Orator), Rome, Cilician piracy, Cilicia

References (transliterated)

1. Abramzon M.G. Rimskoe vladychestvo na Vostoke: Rim i Kilikiya. SPb.: Izdatel'skii tsentr «Gumanitarnaya akademiya», 2005.
2. Veber G. Kurs vseobshchei istorii. Istoriya rimskogo gosudarstva. Ripol Klassik, 2013.
3. Egorov A.B. Rim na grani epokh. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985.
4. Zel'in K.K., Trofimova M.K. Formy zavisimosti v vostochnom Sredizemnomor'e ellinisticheskogo perioda. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1969.
5. Kovalev S.I. Istoriya Rima. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986.
6. Kubanova A.I. Dvizhenie rabov v grazhdanskoi voine 43–36 gg. do n.e. v Sitsilii // *Uchenye zapiski*, vyp. 8. Tul'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. S. 49–73.
7. Mommzen T. Istoriya Rima. T. 3. SPb.: «Nauka», «Yuventa», 1997.
8. Parfenov V.N. Rim ot Tsezarya do Avgusta. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii. Saratov, 1987.

9. Parfenov V.N. Sekst Pompei i sitsiliitsy // *Antichnyi mir i arkheologiya*, vyp. 8. Saratov, 1990. S. 63–73.
10. Rostovtsev M.I. Rozhdenie rimskoi imperii. M.: Izdatel'skii dom «Knizhnaya nakhodka», 2003.
11. Snisarenko A.B. Vlastiteli antichnykh morei. M.: «Mysl'», 1986.
12. Badian E., Martin J.R. Two Notes on the Roman Law from Cnidos // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 35. 1979. S. 153–167.
13. De Souza, Philip. Piracy in the Graeco-Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
14. Hassall M., Crawford M., Reynolds J. Rome and the Eastern Provinces at the End of the Second Century B.C.: The So-Called "Piracy-Law" // *Journal of Roman Studies*. Vol. 64. 1974.
15. Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937.
16. Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. I–II. Princeton, 1950.
17. Maróti E. Sklavenbewegungen zur Zeit des zweiten Triumvirates // *Antike Gesellschaft*. M., 1967. P. 114.
18. Merrien J. Histoire mondiale des pirates, flibustiers et négriers. Paris, 1959. P. 42.
19. Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. Liverpool: The University Press of Liverpool, 1924.
20. Sherwin-White A.N. Rome, Pamphylia, and Cilicia, 133–70 B.C. // *Journal of Roman Studies*. Vol. 66. 1976. P. 1–14.
21. Sumner G.V. The "Piracy-Law" from Delphi and the Law of Cnidos Inscriptions // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Vol. 19. 1978. P. 211–225.

"He knows how to deal with these people..." Former Cardinal Theodore McCarrick and U.S. intelligence agencies

Abramov Alexander Aleksandrovich

Independent researcher

4 Krapivensky Lane, building 2, Moscow, 127051, Russia

✉ nyresidence@gmail.com

Abstract. The article examines the specifics of the interaction of the US special services with the highest Catholic clergy of America on the example of the case of former Cardinal Theodore McCarrick, who was dismissed and then banned from the priesthood for moral offenses. The high-profile case of McCarrick, who served as Archbishop of Washington, caused a serious public outcry and prompted the Vatican to conduct a thorough internal investigation of the charges against the prelate. The result of this investigation was the fundamental "Report On The Holy See's Institutional Knowledge And Decision-Making Related to Former Cardinal Theodore Edgar McCarrick (1930 To 2017)". Report, which is the main source when working on the article, was intended mainly to appease public discontent, however, as the author shows, it can be successfully used to study the nature of interaction between American intelligence agencies and the Catholic community of the United States. The novelty of the work carried out consists in several points. First, the topic of interaction between the US special services and the American religious community in modern times, which is rare for Russian historiography, is considered. For the first time, the Report is introduced to the Russian-speaking specialists. It

has been established that former Cardinal McCarrick received instructions from the FBI and consulted with the Vatican mission in the United States regarding the fulfillment of the tasks received. McCarrick's case is inscribed in the context of high-profile situations for the United States, when the methods of action of the special services caused public protest. The author comes to the conclusion that we may be talking about a well-known routine in the implementation of contacts between Catholic prelates and special services.

Keywords: USA, politics, Catholic Church, CIA, KGB, FBI, special services, Cardinal Theodore McCarrick, Vatican, Washington

References (transliterated)

1. Politi Marco. Pope Francis Among the Wolves: The Inside Story of a Revolution. Columbia University Press, 2015.
2. Sentenza del Tribunale dello Stato della Città del Vaticano, 16.12.2023:
<https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2023/12/16/0896/01958.html> [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
3. Comunicato Stampa del Dicastero per la Dottrina della Fede, 05.07.2024:
<https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2024/07/05/0554/01148.html> [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
4. Comunicato della Congregazione per la Dottrina della Fede, 16.02.2019:
<https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2019/02/16/0133/00272.html#en> [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
5. Board of Trustees and Officers, Appeal of Conscience Foundation:
<https://appealofconscience.org/about-us/board/> [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
6. Report On The Holy See's Institutional Knowledge And Decision-Making Related to Former Cardinal Theodore Edgar McCarrick (1930 To 2017):
https://www.vatican.va/resources/resources_rapporto-card-mccarrick_20201110_en.pdf [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
7. O. A. Troyanovskii. Cherez gody i rasstoyaniya. M., Vagrius, 1997.
8. Kenneth A. Briggs. Churches, Angered by Disclosures, Seek to Bar Further C.I.A. Use of Missionaries in Intelligence Work. New York Times, January 29, 1976:
<https://www.nytimes.com/1976/01/29/archives/churches-angered-by-disclosures-seek-to-bar-further-cia-use-of.html>. [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
9. Nicholas M. Horrock. C.I.A. to Stop Enlisting Agents From the Press and the Church. New York Times, February 12, 1976:
<https://www.nytimes.com/1976/02/12/archives/cia-to-stop-enlisting-agents-from-the-press-and-the-church-cia-to.html>. [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya 20 iyulya 2024 g.
10. Regin Schmidt. FBI and Catholic Church v: The FBI and Religion. Faith and National Security before and after 9/11. Ed. by Sylvester A. Johnson and Steven Weitzman. University of California Press, 2017.
11. Steve Rosswurm. The FBI and the Catholic Church, 1935–1962. University of Massachusetts Press, 2009.
12. Walter Pincus. CIA can waive prohibition against using U.S. clergy abroad for covert work. Washington Post, February 21, 1996:
<https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1996/02/22/cia...y-abroad-for-covert->

work/a26ea46b-9235-4168-a95f-c85df1d5148a/ [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya: 20 iyulya 2024 g.

13. CIA's use of journalists and clergy in intelligence operations. Hearing before the Select Committee on Intelligence of the United States Senate. July 17, 1996. S. Hrg. 104-593. US Government Printing Office. Washington, 1996.
14. Interest of Racially or Ethnically Motivated Violent Extremists in Radical-Traditionalist Catholic Ideology Almost Certainly Presents New Mitigation Opportunities:
<https://judiciary.house.gov/sites/evo-subsites/republicans-judiciary.house.gov/files/evo-media-document/fbi-anti-catholic-memo.pdf> [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya: 20 iyulya 2024 g.
15. Documents Reveal FBI Sought to Develop Sources in Local Catholic Churches:
<https://judiciary.house.gov/media/press-releases/documents-reveal-fbi-sought-develop-sources-local-catholic-churches>. [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya: 20 iyulya 2024 g.
16. The FBI's Breach Of Religious Freedom: The Weaponization Of Law Enforcement Against Catholic Americans. Interim Staff Report of the Committee on the Judiciary and the Select Subcommittee on the Weaponization of the Federal Government:
<https://judiciary.house.gov/sites/evo-subsites/republicans-judiciary.house.gov/files/evo-media-document/2023-12-04-the-fbis-breach-of-religious-freedom-the-weaponization-of-law-enforcement-against-catholic-americans.pdf>. [Elektronnyi resurs]. Data obrashcheniya: 20 iyulya 2024 g.

Esoteric tourism at archaeological sites: why didn't Savin become Arkaim?

Baimov Airat Gaisarovich

Junior Researcher, R.G. Kuzeev Institute of Ethnological Research, UNC RAS

6 Karl Marx str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450077, Russia

✉ baimov.airat@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of popularization of "esoteric tourism", as well as the use of archaeological sites for the development of domestic tourism in Russian regions on the example of the Kurgan region. In this work, we do not aim to study rituals and spiritual practices, as well as the directions of new religious movements. Therefore, we will use the term "esotericists" in relation to a wide range of people who consider themselves to belong to various communities: from astrologers and palmists, to neo-pagans and sorcerers. Here we also include "urban inhabitants" who admit the existence of supernatural forces, but in ordinary life do not practice any esoteric teaching. The main purpose and objective of the study is reflected in the title of the work: to find out why Savin cannot compete with Arkaim in terms of popularity among esotericists? During the preparation of this study, we carried out an expedition visit to the sites "Eneolithic Sanctuary "Savin-1" and "Arkaim Reserve" on the day of the summer solstice. With the help of automated information collection tools, data is collected from open sources on the Vkontakte social network. The material was structured and analyzed using quantitative and qualitative approaches. The combined use of digital ethnography methods with classical ethnographic methods has made it possible to collect and analyze a wider range of sources. As part of the study, for the first time, an analysis of user groups and accounts considering Savin as a "place of power" was carried out, their approximate gender and age composition and region of residence were established. However, the statistical description of these groups is not the main purpose of our study. Therefore, our

discourse analysis of the texts allowed us to delve deeper into the topic under study and identify the main reasons why the archaeological monument "Eneolithic sanctuary "Savin-1" could not gain the same popularity among tourists as Arkaim has. The author concludes that with modest financial investments in the development of tourist infrastructure, only esotericists can ensure a constant flow of people to the facility. Such an example is Arkaim.

Keywords: domestic tourism, Arkaim, Savin, digital ethnography, social networks, pilgrimage, place of power, esoteric tourism, esotericism, archaeological site

References (transliterated)

1. Shnirel'man V. A. Arkaim: arkheologiya, ezotericheskii turizm i natsional'naya ideya // Antropologicheskii forum. 2011. № 14. S. 133-167.
2. Potemkina T. M. Eneoliticheskie krugloplanovye svyatilishcha Zaural'ya v sisteme skhodnykh kul'tur i modelei stepnoi Evrazii // Mirovozzrenie drevnego naseleniya Evrazii. M.: 2001. S. 166-256.
3. Potemkina T. M. Zaural'skie eneoliticheskie svyatilishcha s astronomicheskimi orientirami v sisteme skhodnykh modelei Evrazii // Kompleksnye obshchestva Tsentral'noi Evrazii v III–I tys. do n.e.: materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Chelyabinsk-Arkaim. 1999. S. 227-229.
4. Vorob'eva S. N. Misticheskaya simbolika chisla v kontekste religioznogo diskursa (na primere apokrifa «Khozhdenie Zosimy k rakhmanam») // Nauchnyi zhurnal «Diskurs-Pi». 2019. № 3 (36). S. 53-62.
5. Strategiya razvitiya turizma Kurganskoi oblasti na 2019–2023 gg. / Strategiya razvitiya turizma 2019–2023. Elektron. versiya. URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/_right/obsh_sovet/info/20190328/strategiya_turizma.pdf (data obrashcheniya 29.09.2024)
6. Rambler: sait / Vozle drevnego svyatilishcha Savin v Kurganskoi oblasti vydelyat zemlyu pod kafe, gostinitsy i kempingi. URL: <https://travel.rambler.ru/local/53654224-voze-drevnego-svyatilisha-savin-v-kurganskoy-oblasti-vydelyat-zemlyu-pod-kafe-gostinitsy-i-kempingi/> (data obrashcheniya 29.09.2024)
7. Trofimova E. A., Kostomarov V. M., Maslyuzhenko D. N., Novikov I. K. Eneoliticheskoe svyatilishche Savin–1: ot otkrytiya do muzeefikatsii (problemy i perspektivy) // Drevnie i traditsionnye kul'tury vo vzaimodeistvii so sredoi obitaniya: problemy istoricheskoi rekonstruktsii. Materialy I Mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii. Chelyabinsk. 2021 S. 188-194.
8. Munitsipal'noe obrazovanie gorod Kurgan: ofitsial'nyi sait / «Edem na Savin». Oblastnoi festival' narodnogo tvorchestva priglashaet gostei URL: <https://www.kurgan-city.ru/city/info/news/935/1207447/> (data obrashcheniya 29.09.2024)
9. Vserossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya «Russkoe geograficheskoe obshchestvo: ofitsial'nyi sait / Svyatilishche Savin stanet ploshchadkoi Geograficheskogo diktanta–2023 URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/svyatilishche-savin-stanet-ploshchadkoy-geograficheskogo-diktanta-2023> (data obrashcheniya 29.09.2024)
10. NaturePhoto.Team: sait / Galereya luchshikh rabot s festivalya v Kurganskoi Oblasti URL: <https://naturephoto.team/npc-2024> (data obrashcheniya 29.09.2024)
11. Korandei F. S. i Agapov M. G. Turizm na arkheologicheskikh mestakh Srednego Zaural'ya: Pereosmysleneie statusa landshafta i rezhimy naslediya // Etnograficheskoe obozrenie. 2023. № 1. S. 175-198.

12. Rogers R. Digital Methods. Cambridge: The MIT Press. London. 2013.
13. Alessandro C. «Ethnography in Digital Spaces: Ethnography of Virtual Worlds, Netnography, and Digital Ethnography» // Handbook of Business Anthropology, Walnut Creek, Left Coast Press, 2014. P. 738-761.
14. Beskov A. Polezen li analiz neoyazycheskikh soobshchestv v sotssetyakh dlya otsenki chislennosti posledovatelei russkogo neoyazychestva? // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2020. № 38(3). S. 306-330.
15. Brand Analytiks: sait / Chernyi V. Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, osen' 2023 // URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-autumn-2023> (data obrashcheniya 30.09.2024)
16. VK.BARKOV.NET: sait / poisk tselevoi auditorii v sotssetyakh. URL: <https://vk.barkov.net/> (data obrashcheniya 30.09.2024)
17. Kozlova O. A., Sekitski-Pavlenko O. O. Teoreticheskie osnovaniya opredeleniya vozrastnykh granits i vozrastnoi struktury naseleniya v kontekste demograficheskogo stareniya // AlterEconomics. 2022. № 19(3). 442-463.
18. ANO «Sibirskii tsentr sotsial'nogo razvitiya»: sait URL: <https://sibcentr45.ru/profile/rybakova-elena-yurevna/> (data obrashcheniya 2.10.2024)
19. Zdanovich G. B., Batanina I. M. Arkaim–«Strana gorodov». Prostranstvo i obrazy. Chelyabinsk: Krokus, 2007.
20. Zdanovich G. B. Mogila «uchitelya» i obraz gory v kul'ture «Strany gorodov» // Arkaim. Po stranitsam drevnei istorii Yuzhnogo Urala / Pod red. G. B. Zdanovicha. Chelyabinsk: Krokus. 2004. S. 75-86.
21. Zdanovich G. B. Arii na Urale ili nesostoyavshayasya tsivilizatsiya // Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya / Pod red. G.B. Zdanovicha. Chelyabinsk: Kamennyi poyas. 1995. S. 21-42.
22. Zdanovich G. B. Vmesto vvedeniya // Arkaim: Issledovaniya. Poiski. Otkrytiya / Pod red. G. B. Zdanovicha. Chelyabinsk: Kamennyi poyas. 1995. S. 3-8.
23. Petrov F. N. Traditsionnoe mirovospriyatie narodov stepnoi Evrazii. Chelyabinsk: Krokus. 2006.
24. Zdanovich G. B. Arkaim i «Strana gorodov»: dialog kul'tur // Arkaim. Po stranitsam drevnei istorii Yuzhnogo Urala / Pod red. G. B. Zdanovicha. Chelyabinsk: Krokus. 2004. S. 49-66.
25. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki: ofitsial'nyi sait / Itogi VPN–2020. Tom 5. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami. Tablitsa 1. Natsional'nyi sostav naseleniya URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (data obrashcheniya 10.10.2024)
26. Tuzbekov A. I., Bakhshiev I. I. Arkheologicheskie ob"ekty kak ob"ekty sakralizatsii (na primere mogil'nika Il'chigulovo IV) // Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2015. № 4. S. 103-107.

The Political Basis of Dandyism in Edward Bulwer-Lytton's novel «Pelham, or The Adventures of a Gentleman»

Belyakov Nikolai Aleksandrovich

student; Faculty of History; Samara State Socio-Pedagogical University

47 Lev Tolstoy str., Samara, Samara region, 443010, Russia

✉ belyakovnikolaschka@yandex.ru

Kutseva Elena Aleksandrovna

PhD in History

Associate Professor; Faculty of History, Samara State Socio-Pedagogical University

47 Lev Tolstoy str., Samara, Samara region, 443010, Russia

✉ kutseva@pgsga.ru

Abstract. The subject of this study is the external and internal aspects of dandyism described in the novel «Pelham, or The Adventures of a Gentleman» in 1828 by the English writer E. Bulwer-Lytton. The study examines: the style of a dandy in appearance and costume, the code of conduct of a dandy, the value content of dandyism, dandy personalities of the XIX century (such as D. Brummel, D. Byron, A. d'Orsay and others). Special attention is paid to the cultural background of the period of the late XVII – early XIX century, on the basis of which dandyism appeared and developed in England. The study uses a historical-comparative method, which consists in comparing the image of a dandy in a work and historical examples of a dandy. In addition, the ideology of dandyism is compared with the European political and legal thought of the late XVII – first half of the XIX century. The novelty of the research lies in the fact that through the study of historical sources and cultural background, having conducted a comparative analysis, it is possible to identify the influence of public thought, social struggle and political events in England and Europe at the end of the XVII – beginning of the XIX century on dandyism. After studying the text of the novel, sources and previous studies, it can be noted as a conclusion: the philosophy of Enlightenment influenced dandyism in the main way; Dandyism developed by the beginning of the XIX century and due to the socio-economic process of transition from feudalism to capitalism; From historical events, the origin of the dandy movement was influenced in some way by the European revolutions; Many dandies of the XIX century Sharing the ideas of individual freedom and individualism, they joined the ideology of classical and conservative liberalism.

Keywords: Philosophy of law, Political philosophy, Dandy, Age of enlightenment, 19th century, Literature, English culture, Classical literature, History of culture, Dandyism

References (transliterated)

1. d'Orevil'i B. Dendizm i Dzhordzh Brammel. M.: Al'tsiona, 1912.
2. Bul'ver-Litton E. Pelem, ili priklyucheniya dzhentl'mena // Poslednie dni Pompei / Pelem, ili priklyucheniya dzhentl'mena. M.: Pravda, 1988. S. 279-737.
3. Vainshtein O. B. Dendi: moda, literatura, stil' zhizni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
4. Johnson S., Walker J. Dandy // Johnson's dictionary. Boston: C. J. Hendee, 1836. P. 90.
5. Sartr Zh. P. Bodler. M.: URSS, 2004.
6. Mill' D. S. Razmyshleniya o predstavitel'nom pravlenii. New York: Chalidze publications, 1988.
7. Bentam I. Taktika zakonodatel'nykh sobranii. Chelyabinsk: Sotsium, 2006.

8. Smit A. Teoriya нравstvennykh chuvstv. M.: Respublika, 1997. S. 98-100.
9. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1990.
10. Flugel J. C. The psychology of clothes. London: Hogarth press, 1940. P. 110-113.
11. Russo Zh. Zh. Ob obshchestvennom dogovore, ili printsipy politicheskogo prava. M.: Yurait, 2020. S. 10-11.
12. Jesse W. The life of George Brummel. London: J. C. Nimmo, 1886. Vol. II.
13. Gol'bakh P. A. Estestvennaya politika, ili besedy ob istinnykh printsipakh upravleniya. T. I. // Izbrannye proizvedeniya P. A. Gol'bakha v dvukh tomakh. M.: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1963. T. II. S. 83-286.
14. Mizes L. Liberalizm. Chelyabinsk: Sotsium, 2011. S. 102-108.
15. Oakeshott M. On Being Conservative. 1956. URL:
https://www.academia.edu/23673199/On_Being_Conservative_1956_by_Michael_Joseph_Oakeshott (Data obrashcheniya: 27.09.2024)

Far Eastern cemeteries as an object of study

Grinko Andrei Aleksandrovich

PhD in History

Associate professor, Department of Humanities, Far Eastern State Agrarian University

675000, Russia, Amur region, Blagoveshchensk, Polytechnic str., 86

✉ andrey2007-85@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the actualization of the study of Far Eastern cemeteries as objects of historical value, forming and preserving national memory. The selected topics have an interdisciplinary character, including historical, cultural, legal, urban planning, philosophical and other aspects, and differ not only in scientific, but also in social significance. At the regional Far Eastern level, there is practically no comprehensive approach to the study of churchyards, including within the framework of the auxiliary historical discipline of necropolistics (or necropoleology), although its importance cannot be overestimated. The Far Eastern cemeteries, the earliest burials of which date back to the second half of the XIX century, contain a whole layer of information concerning different epochs, the peculiarities of social life, economics, culture, the style of tombstones, the content of epitaphs, biographies of historical figures. A special place is occupied by disappearing and partially lost cemeteries, which are not officially objects of cultural heritage, but are of scientific and local history value. The main research methods used were the historical-comparative method, which allows to identify similarities and differences in graves of different eras; the chronological method, which makes it possible to consider the evolution of churchyards through the prism of temporary changes, and a number of others, taking into account the principles of historicism, objectivity and systematic analysis. Microhistoric and cultural hikes, the theory of everyday life were involved. The paper examines some features of burial sites, the main milestones of their study, characterizes a number of Far Eastern churchyards, important from the point of view of scientific analysis and preservation of national memory, substantiates domestic cemeteries as complex monuments with historical value, forming and preserving the collective memory of the people. The conclusions drawn in the article suggest that the study of Far Eastern cemeteries remains sketchy and unsystematic, although this is a promising area of regional historical science that can significantly complement and enrich it with new data, generalizations and meanings. Scientific research should go in parallel with public activities to preserve existing churchyards, restore tombstones and perpetuate the memory of people who have left a

significant mark on the life of the region and the country as a whole.

Keywords: historical memory, national memory, burial, tombstone, history, cemetery, necropolistics, necropoleology, Russian Far East, monument

References (transliterated)

1. Kirsanova E.S. Morskoe kladbishche: o pamyati i zabvenii // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2019. № 3 (43). S. 46-68.
2. Karamzin N.M. Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo: [v dvenadtsati tomakh]. M.: Moskovskii rabochii: Slog, 1993. T. 1-2. 1993, 366 s.
3. Artamonov M.D. Moskovskii Nekropol'. M.: Stolitsa, 1995, 432 s.
4. Belyaev L.A. Opyt izucheniya istoricheskikh nekropolei i personal'noi identifikatsii metodami arkheologii. M.: IA RAN, 2011, 53 s.
5. Shokarev S.Yu. Nekropol' kak istoricheskii istochnik // Istochnikovedenie i kraevedenie v kul'ture Rossii. Sbornik k 50-letiyu sluzheniya S. O. Shmidta Istoriko-arkhivnomu institutu. M., 2000. S. 21-25.
6. Egorova G.S., Ivanova M.O., Mitina E.I., Shurinova A.M. «Zerkalo zhivyykh»: opisanie nadgrobii Tsentral'noi Rossii imperskogo perioda / pod red. E. M. Boltunovoi. M., 2022, 54 s.
7. Likhachev D.S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom / D. S. Likhachev. M.: Progress, 1992, 237 s.
8. Saitov V.I. Peterburgskii nekropol' : t. 1-4 / izd. vel. kn. Nikolai Mikhailovich. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1912-1913.
9. Moskovskii nekropol' / Sost. V. I. Saitov, B. L. Modzalevskii. SPb., 1907. T. 1. S. IV.
10. Istoricheskii nekropol' Rossii kak chast' otechestvennogo kul'turnogo naslediya: problemy izucheniya i okhrany: Materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 24-25 maya 2019 goda. Moskva: ITs «Kraevedenie», 2019. 416 s.
11. Shokarev S. Yu. Istochniki po istorii Moskovskogo nekropolya XII – nachala XX veka. Moskva; Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2019, 486 s.
12. Mokhov S. V. Rozhdenie i smert' pokhoronnoi industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya. M.: Common place, 2020, 328 s.
13. Sokolova A. Novomu cheloveku – novaya smert'? Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 456 s.
14. Krasil'nikova E.I. Istoricheskii nekropol' Novosibirska: preemstvennost' traditsii i politika pamyati sovetskoj vlasti (konets 1919 nachalo 1941 g.) // Vestnik TGU. 2014. №380. S. 80-91.
15. Berman E. A., Pavlova E. G. Amurskii evreiskii nekropol' kak etnokul'turnaya sostavlyayushchaya zhizni evreiskoi obshchiny g. Irkutsk pervoi poloviny XX v. // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii. 2020. T.16. № 4(37). S. 114-128.
16. № 4(37). S. 114-128. 16. Grischevkin V. S. Morskoe kladbishche: proshloe i nastoyashchee. Vladivostok: Izdatel'skaya gruppa «Vostok-Kontrakt», 2010, 120 s.
17. Izhendeev A. V. Obeliski na kladbishchakh goroda Blagoveshchenska Amurskoi oblasti // Naukosfera. 2022. № 9-2. S. 1-7.
18. Shmakov E. A. O probleme izucheniya tserkovnogo nekropolya goroda Khabarovska // Materialy VIII mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii: Sbornik dokladov, Sankt-Peterburg, 18-19 maya 2016 goda. Sankt-Peterburg:

Religioznaya organizatsiya-dukhovnaya obrazovatel'naya organizatsiya vysshego obrazovaniya «Sankt-Peterburgskaya Dukhovnaya Akademiya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi», 2016. S. 298-303.

19. Kholkina T.A., Chayun L.A. Arkhitekturnoe nasledie Blagoveshchenska. Seriya «Blagoveshchensk. Iz veka v vek». Blagoveshchensk: OAO «Amurskaya yarmarka», 2006, 112 s.
20. Buyanov E.V. Dukhovnye khristiane molokane v Amurskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX vv. Blagoveshchensk: AmGU, 2013, 396 s.

Baodun Culture in the Context of the Emergence of Rice Cultivation in the Sichuan Basin

Girchenko Ekaterina Aleksandrovna

PhD in History

Researcher, Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

630090, Russia, Novosibirsk region, Novosibirsk, 17 Akademika Lavrentieva Ave., room 503

✉ wusong@yandex.ru

Abstract. The Baodun culture, localized on the Chengdu Plain of the Sichuan Basin, is dated to the 3rd–early 2nd millennium BCE. The subject of this study is new data on the culture from the excavations of 2021–2023, which showed that the ancient people of Baodun practiced paddy rice cultivation, which apparently formed the basis of their diet in combination with millet cultivation. Gathering and hunting provided additional resources. The new data initiated a discussion related to the origin of the apparently non-local Baodun culture. It is possible that the Baodun culture developed around 4700–4500 BP based on migrations from the northwestern regions of modern Gansu and Qinghai, however, archaeobotanical conclusions for both millet and rice suggest a connection with other regions - in the southeast of China. The latest interdisciplinary research from 2021 – 2023 made it possible not only to describe the culture in general, its constituent elements and ongoing changes, but also to characterize the dynamics of the economic development of the ancient population of the Sichuan Basin. Based on the analysis of publications in Chinese, the author analyzes the main problems of the Baodun culture investigations - its origin, type of economy, initial points of migration, architectural tradition and the phenomenon of early fortified settlements in southwest China, the evolution of ceramics, which became the basis for the internal division of the culture into stages. It has been established that the settlements of the Baodun culture significantly outnumber any sites of earlier times. This population growth probably continued until all suitable lands were developed, the next stage was the intensification of subsistence farming methods, which ultimately led to the complication of the social structure of the ancient inhabitants of the Sichuan Basin approximately 700-500 years before the appearance of the Sanxingdui bronze culture.

Keywords: rice cultivation, ancient agriculture, cultural connections, ceramics, Baodun culture, Neolithic, Sichuan province, fortified settlement, migrations, Baoduncun site

References (transliterated)

1. Chiang Po-yi. Pottery Production and Social Complexity on the Chengdu Plain, Sichuan, China, 2500 to 800 BC. Canberra: The Australian National University, 2015.
2. Graham D. C. A Preliminary Report of the Hanchow // San'sindui yan'tszyu

- [Issledovaniya San'sindui]. Chendu: Sychuan' chuban' tszituan', 2006. Pr. 58–80.
3. Dye D.S. Some Ancient Circles, Squares, Angles and Curves in Earth and in Stone in Szechwan, China // San'sindui yan'tszyu [Issledovaniya San'sindui]. Chendu: Sychuan' chuban' tszituan', 2006 P. 2–13.
 4. Sun' Khua. Sychuan' pen'di de tsintun shidai [Epokha bronzy Sychuan'skoi kotloviny]. Pekin: Kesyue chuban'she, 2000 (na kit. yazyke).
 5. Sin'tszin' Baodun' ichzhi fatszyue khe yan'tszyu [Raskopki i issledovaniya pamyatnika Baodun' v uezde Sin'tszin']. Vinnipeg: ARP Publ., 2000 (na kit. yazyke).
 6. Chzhungo kaogusyue. Sin'shitsi shidai [Arkheologiya Kitaya. Neolit]. Pekin: Chzhungo shekhuei kesyue chuban'she, 2010. S. 695–704. (na kit. yazyke).
 7. Chzhao Dyan'tszen, Chen' Dean'. Ba – Shu kaogusyue ven'khua syuile yan'tszyude sin'tszin' chzhan' [Novyi etap v issledovanii arkheologicheskikh kul'tur Ba – Shu] // San'sindui yui Chantszyan ven'min [San'sindui i kul'tura Yantszy]. Chendu: Sychuan' zhen'min chuban'she, 2005. S. 40–46. (na kit. yazyke).
 8. Lyu Sinshi. Chendu pin'nyuan' guchentsyun' sin fei yui gu tsikhou ven'ti [O drevnem klimate i razvitii drevnikh gorodishch na ravnine Chendu] // Sychuan' ven'u [Kul'turnye tsennosti Sychuani], 1998. S. 34–37. (na kit. yazyke).
 9. Tszisyan'. Guankhan' Yuelyanvan' ichzhi fatszyue chzhuitszi [Zapisi o raskopkakh pamyatnika Yuelyanvan' v uezde Gankhan'] // San'sindui yan'tszyu [Issledovaniya San'sindui]. Chendu: Sychuan' chuban' tszituan', 2006. S. 211–227. (na kit. yazyke).
 10. Duan' Yui, Tszo Itsin. San'sindui ven'min. Chantszyan shan''yu gudai ven'min chzhunsin' [Kul'tura San'sindui. Tsentr drevnei kul'tury v verkhnem techenii Yantszy]. Chendu: Sychuan' zhen'min chuban'she, 2006 (na kit. yazyke).
 11. Tun Chzhuchen'. Sin'shitsi shidai kaogusyue chanshi [Obshchie predstavleniya ob arkheologii neolita] // Ven'u [Material'naya kul'tura]. 1959. №2. S. 67–70. (na kit. yazyke).
 12. Guankhan' San'sindui ichzhi ikhao tszisyken fatszyue tszyan'bao [Kratkii otchet o raskopkakh pervoi zhertvennoi yamy pamyatnika San'sindui uezda Guankhan'] // San'sindui yan'tszyu [Issledovaniya San'sindui]. Chendu: Sychuan' chuban' tszituan', 2006. S. 161–179. (na kit. yazyke).
 13. Chen' Dean', Vei Syuefen, Li Veigan. San'sindui. Chantszyan shan''yu ven'min chzhunsin' tan'so [San'sindui. Issledovaniya tsentra tsivilizatsii verkhnego techeniya Yantszy]. Chendu: Sychuan' zhen'min' chuban'she, 1998. (na kit. yazyke).
 14. Van Yupen, Chen' Dean', Chen' Syan'dan', Mo Khungui. Guankhan' San'sindui ichzhi [Pamyatnik San'sindui v uezde Guankhan'] // Kaogu syuebao [Vestnik arkheologii]. 1987. №2. S. 227–254. (na kit. yazyke).
 15. Chen' Syan'dan'. Guankhan' San'sindui ichzhi fatszyue gaikuanb chubu fen'tsi – tszyan' lun' «Gu Shu ven'khua» de techzhen tsi tsi fachzhan' [Obzor raskopok stoyanki San'sindui v Guankhane, a takzhe obsuzhdenie kharakteristik i razvitiya «kul'tury rannego Shu»] // Nan'fan min'tszu kaogu [Etnografiya i arkheologiya yuga]. Chendu: Sychuan' kesyue tszishu chuban'she, 1989. T. 2. S. 213–231. (na kit. yazyke).
 16. Chzhao Dyan'tszen, Li Minbin'. Chantszyan shan''yu de Ba-Shu ven'khua [Kul'tura Ba-Shu v verkhnem techenii Yantszy]. Ukan': Khubei tszyaoyui chuban'she, 2004. (na kit. yazyke).
 17. Zhang Jianping, Lv Ying, Yu Lupeng, Tang Miao, Huang Ming, Shao Konglan, Huan Xiujia, Wen Changhui, Dong Yajie, Jiang Ming, He Kunyu, Yan Xue, Ye Maolin, Wu Naiqin, Lu Houyuan. Neolithic Rice Cultivation and Consequent Landscape Changes at the Baodun Site, Southwestern China // Frontiers in Earth Science. 2021. Vol. 9. URL:

<https://www.frontiersin.org/journals/earth-science/articles/10.3389/feart.2021.807626/full>

18. Yui Veichao. San'sya kaogu yui Ba-Shu ven'khua de sin' tan'so (gan''yao) [Arkheologiya ushchel'ya San'sya i novye dannye po kul'ture Ba-Shu (k postanovke problemy)] // Chzhungo kaogu syuekhuei dishitsy nyan'khuei lun'ven' tsi [Materialy 10-ogo ezhegodnogo s''ezda arkheologov Kitaya]. Pekin: Ven'u chuban'she, 2008. S. 6–10. (na kit. yazyke).
19. Bellwood P. Archaeology and the origins of language families // Handbook of Archaeological Theories. Lanham: Altamira, 2008. P. 225–243.
20. von Falkenhausen L. Stages in the Development of “Cities” in Pre-Imperial China // The Ancient City: New Perspectives on Urbanism in the Old and New World. Santa Fe: School for Advanced Research Press, 2008. Pr. 209–228.